

У Р А Л Ь С К И Й 10 • 2002

следопыт

По
лезвию
Сабли

Сказание
о хане
Кучуме

Тургояк:
остров
Веры

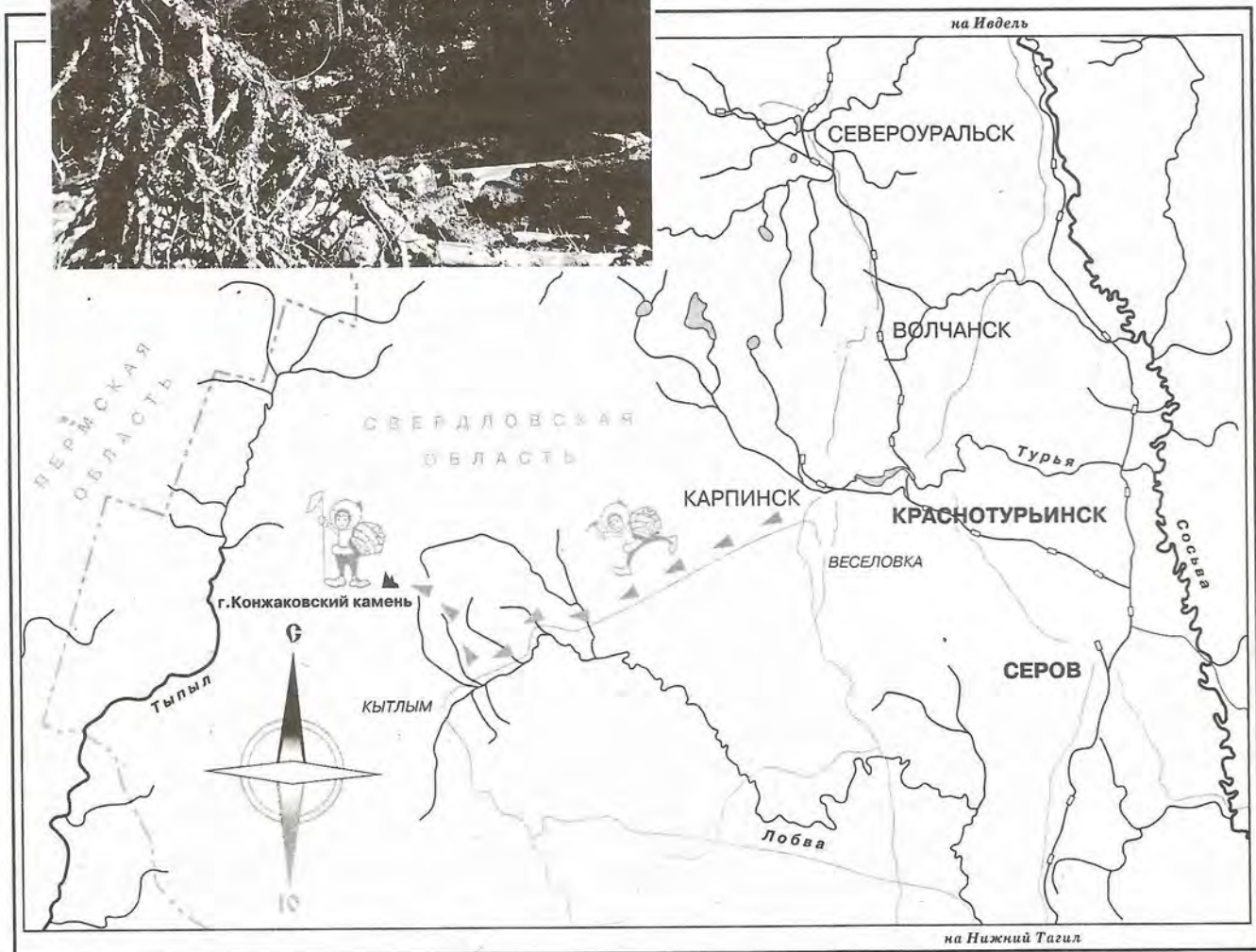

Маршруты Уральского следопыта

Гора Конжаковский камень

Жил на одной горе великан, злой и угрюмый. Любил разбрасывать камни, выкорчевывать деревья и изводить людей. Сколько народу сгинуло в тех краях! Вот и решили люди собраться «всем миром» и победить его. Стали смельчаки бросать камни, наводить побольше шума, метать стрелы и огненные шары, отчего и окрасились валуны. И так раздухарились, что продвинулись очень высоко, почти к самой вершине. Испугавшись такого напора и огня, великан зарылся в землю и окаменел. А пока ворочался, устраиваясь поудобнее, раздвинул гору. Так и стоит она, сокрыв навсегда в своих недрах угрюмого хозяина. Смелчаки же отпраздновали победу, прославляя своего вожака охотника Конжикова. В честь него и назвали великанию гору Конжаковым камнем.

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

В номере:

10"2002

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-30

АЭЛИТА

СТР. 31-60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

Добрые попутчики «Уральского следопыта»	
Т. СУВОРОВА «День рождения».....	4
Наследие	
Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме».....	6
Далекое-близкое	
В. РЯБУХИНА. «След Маминых на этажах Белинки»	13
Е. АРАПОВА. «Новые герои демидовской земли»	24
Краеведческая копилка	
А. ПИНУС. «Уральские деньги»	12
В. ТРУСОВ. «Река-актриса».....	16
Легенды и были	
В. САЛИН. «Остров Веры».....	18
Тропой поиска	
Е. ЛОБАНОВ «Точка на карте Ивдельлага»	21
В. ИЩЕНКО «Первый хозяин «Красной шапочки».....	26
На перекрестках судеб	
И. СЕМЕНЧИК «Враг народа из 3-го «Б».....	22
Возвращение из Леты	
В. ГОЛДИН. «Поэт Февральской революции».....	28
Фантастика	
С. РОДИН «Чему равна вероятность».....	32
Современная поэзия Урала	
Н. БОРОВЫХ. Стихи.....	42
С. ИВКИН. Стихи.....	58
Современная проза Урала	
П. СУЛЬЖЕНКО «Похороны», «Маквала».....	45
Дебют	
Л. ЛИСКУКИНА. Стихи.....	54
С. РАТУШНЫЙ. «Передача».....	55
Литературное течение «Добряне»	
Н. БУРДИНА. Стихи.....	57
Экспедиции	
А. ИВАНОВ, Т. КРАФТ. «Прорваться через болота!».....	62
К. БЕКЕТОВ. «По лезвию Сабли».....	67
Уральские тропы	
Е. ТАМПЛОН. «Скалы Петра Гронского (Петрогром).....	65
Семейный туризм	
А. СЛЕПУХИН. «Конжак».....	72
Невыдуманные истории	
А. БАЙДАКОВ «Счастливой охоты!».....	78

Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Условия участия в конкурсе:

1. Прислать в адрес редакции: заявление (рукописное) на участие в конкурсе; анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение); копию подписного абонемента (не менее 6 месяцев) на журнал «Уральский следопыт»; работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор, лучше всего — текст плюс дискета, или разборчивый почерк).

Номинации:

1. Сказка; 2. Проза; 3. Поэзия; 4. История и краеведение.

По многочисленным просьбам:

1. Срок приема рукописей на конкурс продлен до 1 февраля 2003 г.

2. Добавляется и отдельно оценивается возрастная группа авторов 18-25 лет.

Имена всех участников конкурса будут опубликованы после подведения итогов. Работы, отвечающие требованиям конкурса, независимо от того, будут ли они удостоены награды или нет, передаются в библиотеку журнала «Уральский следопыт» и могут быть использованы редакцией без дополнительных соглашений.

Не дать свече погаснуть!

С 1 января 2003 года Содружество павленковских библиотек (которому, кстати, нынче исполнилось десять лет) и журнал «Уральский следопыт» начинают совместную акцию — продолжение издательской программы «Павленковская библиотека».

Ее цель двудея: совместными усилиями поставить на ноги популярный российский журнал и одновременно открыть источник пополнения фондов массовых и школьных библиотек детской литературой, в которой так нуждаются сегодня читальни, особенно сельские.

Для того, чтобы акция осуществилась, журналу необходим массовый тираж. Если на «Уральский следопыт» подпишутся все библиотеки — массовые и школьные, он станет самым доступным по цене журналом и будет иметь средства для издания — в виде ежеквартального приложения — детских книжек.

Читатели старшего поколения помнят время, когда «Уральский следопыт» — журнал научной фантастики, истории и краеведения с его полумиллионным тиражом — был лидером российской журнальной периодики и завсегдаем в каждой библиотеке. Сегодня от нас с вами зависит, погаснет или выстоит на ветру свеча. Будет полнокровно жить журнал, значит, и библиотеки получат пусть и небольшой, но постоянный, ими самими питаемый, книжный источник.

Содружеством уже подготовлена для издания первая книжка, которую получают в качестве журнального приложения библиотеки-подписчики:

«ВЕЛИКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ МЫШКИ»

Эта эскимосская легенда впервые издается на русском языке для детей дошкольного возраста.

Условия подписки на журнал вы найдете на последней странице обложки. Чтобы оформить подписку на библиотеку, нужно сделать пометку: «Не дать свече погаснуть».

Татьяна СУВОРОВА

День рождения

**Свердловскому областному клиническому
психоневрологическому госпиталю
для ветеранов войн — 61 год**

18 октября 1941 года был подписан приказ о создании в Свердловске 3866 эвакуогоспиталя. А 19 октября туда на лечение поступил первый раненый. О том, насколько качественно там помогали людям, гооврит хотя бы один факт: в 1946 году закрывались практически все тыловые госпитали, этот же был сохранен и реорганизован. Контингент его пациентов значительно расширился: сюда за помощью шли не только ветераны боев Великой Отечественной, но и бывшие блокадники, узники гетто, труженики тыла. К ним присоединялись их семьи. А с течением времени сюда стали обращаться все новые и новые люди: жертвы репрессий, ветераны войн в Афганистане и Чечне...

Войны, увы, продолжают, и пострадавшим на них людям по-прежнему нужна квалифицированная медицинская помощь. Их здоровье далеко не всегда можно восстановить за несколько месяцев или даже лет, а зачастую врачи вообще бессильны сделать это полностью...

И тем ценнее то направление, в котором сейчас уверенно развивается психоневрологический госпиталь для ветеранов войн. Он превратился в многопрофильный реабилитационный центр — единственный на Урале. К этому привели те добрые традиции помощи людям, которые были заложены еще в 1941 году его первым начальником М. С. Левченко, а затем продолжены и развиты всеми теми, кто сменял ее на этом посту.

Можно очень долго описывать историю этого лечебного заведения, говорить о том, как еще в советское время деньги на постройку его нового корпуса собирались на субботниках, а С. И. Спектор, с 1979 года и по сей день руководящий госпиталем, совмещал функции главного нейрохирурга и прораба.

Все это было. Все это — значимо и интересно. Но лучше рассказать о сегодняшнем дне госпиталя.

Сейчас он рассчитан на 1 200 пациентов, хотя на самом деле в нем одновременно лечится не менее 1 400. Если говорить об общем количестве больных, которые успели пролечиться здесь с начала 2002 года, то мы получим внушительную цифру в 12 763 человека (данные на 15.10.02). Много? Да. Тем не менее, в палаты этого госпиталя попасть не так просто — не хватает пропускной способности, и

люди по многу месяцев вынуждены ждать своей очереди. Еще одна проблема, с которой сталкивается персонал: госпиталь предназначен для всей области, а с каждым годом процент больных с периферии падает. Так, в этом году 55% лечившихся в нем ветеранов — екатеринбуржцы. Это на 4% больше, чем в 2001 г.

Можно, вроде бы, махнуть на эту статистику рукой. Но для этого надо забыть, что ветераны из деревень и небольших городов нередко нуждаются в помощи даже больше, чем «столичные». Там, в глубинке, получить качественную и своевременную медицинскую помощь гораздо труднее, чем в Екатеринбурге. Но, с другой стороны, нельзя отказывать в помощи и екатеринбуржцам!

Для частичного решения этой проблемы при госпитале начато строительство поликлиники для ветеранов. В ней они смогут получать высококачественное амбулаторное лечение. Сейчас ее строительство уже начато, выкопан котлован и забита первая, символическая свая. Несмотря на нехватку площадей, постоянно идут амбулаторные консультации. Только с 1 января этого года такую помощь получило 158 426 ветерана (цифры на 14.10.02).

Естественно, что амбулаторное лечение будет проводиться с тем же качеством, что и стационарное. Достаточное количество больных, несомненно, выберет именно этот вид помощи. В итоге же

госпиталь — без всякого ущерба для пациентов! — значительно разгрузит все 29 стационарных отделений, резко увеличив количество свободных мест в них.

Но достаточно ли этой меры? Есть много ветеранов, которые остро нуждаются в высококвалифицированной медицинской помощи, но не могут прибыть в Екатеринбург. Выход здесь один: самим приехать к этим людям, создав филиалы госпиталя в других городах области. Первый успешный опыт уже есть: почти год наза одна из больниц г. Невьянска предоставила госпиталю свои площади. Благодаря этому содружеству местные врачи получили уникальную возможность учиться у своих «столичных» коллег. Старые и тяжелобольные люди, малоспособные к длительной дороге, получили высококачественное лечение поблизости от своего дома. Госпиталь же наконец-то смог приступить к ремонту один из этажей своего старого корпуса.

Переговоры о создании подобных филиалов ведутся с рядом других областных больниц. И уже давно под г. Первоуральском существует «Снежинка» — реабилитационное отделение госпиталя, рассчитанное на 240 человек (его пациенты уже традиционно включаются в общегоспитальную статистику).

Еще одна привлекательная черта программы такого расширения госпиталя — ее дешевизна. Нужные результаты достигаются при минимальных затратах. Это особенно важно потому, что строительство очень нужной поликлиники — дело и долгое, и дорогое. Вдобавок, буквально только-только был пущен в строй новый склад-аптека для медикаментов. (Старый стал мал много лет назад, и поэтому почти все лекарства уходили в палаты «с колес».) Завершается строительство гаража и административного здания, куда будут вынесены все службы жизнеобеспечения больницы — что опять-таки позволит увеличить площадь процедурных кабинетов. Большое количество медицинской техники (рентгеновские аппараты, например) уже устарело и нуждается в ремонте или замене. Об остальных, повседневных тратах, вообще говорить не приходится... Денег хронически не хватает — точно так же, как не хватает и другим медицинским учреждениям области. Выручают спонсоры, благотворительные пожертвования и т. п. Но ведь все это надо еще и найти...

Рассказывая о повседневных заботах госпиталя, нельзя не остановиться на его уникальном опыте психологической реабилитации людей. В нашем обществе пока отсутствуют надежные механизмы, защищающие пожилых ветеранов войн и помогающие молодым ветеранам найти свое место в мирной жизни. Но без таких механизмов совершенно невозможно полноценное излечение этих людей. Постоянный жизненный дискомфорт очень плохо сказывается на состоянии даже большинства здо-

ровых, а уж о больных и говорить не приходится...

Для того, чтобы как-то улучшить эту ситуацию и помочь людям по-настоящему, а не для «галочки» в отчете, госпиталь взял на себя дополнительные, очень серьезные функции социально-психологической реабилитации пациентов. Наряду с традиционным лечением его сотрудники активно помогают пациентам найти опору в жизни, увидеть свои перспективы, снова обрести веру в доброту окружающих. В госпитале активно функционирует социально-культурный центр, объединяющий в себе библиотеку, клуб, музей, группу социальной реабилитации и психологов. Людям помогают общаться между собой, помогают получать как можно больше положительных эмоций. Ведущие деятели культуры области считают за честь бесплатно выступить перед пациентами и персоналом госпиталя. Надо отметить то, что их выступления проходят через тщательный отбор у квалифицированных специалистов: не всякая песня, спектакль и т. д. могут помочь выздоровлению больных. Точно такой же отбор идет и в библиотеке: пациентам рекомендуют ту литературу, которая сможет увеличить их жизненные силы. То есть, если говорить образно, к обычным врачам в госпитале присоединяются превращенные во врачей деятели культуры... Это уникальное явление, но оно полностью лежит в русле самых добрых русских традиций, по которым искусство — это не развлечение, а учитель, помощник.

Именно за всю эту разнообразную, неподдельную заботу персонала и платят любовью пациенты. Именно поэтому очередной день рождения госпиталя стал и для них, и для его сотрудников настоящим праздником, к которому начали готовиться чуть ли не за месяц.

Долго перечислять различные события, приуроченные к этому дню: концерты, конкурсы... «Госпиталь — гостеприимный дом», — под этим лозунгом проходит празднование. Действительно, это хорошая мысль: лечиться лучше и быстрее в доме, а не в казенном учреждении....

Первые сваи в фундаменте поликлиники.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК
«Сказание о сибирском хане, старом Кучуме»
«След Маминых на этажах Белинки»
«Новые герои демидовской земли»
«Река-актриса»
«Остров Веры»
«Точка на карте Ивдельлага»
«Первый хозяин «Красной шапочки»»
«Враг народа из 3-го «Б»»
и другие материалы

Не прочитанный Мамин

150-летний юбилей Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка нас, уральцев, ко многому обязывает. Потому, прежде всего, что Мамин-Сибиряк все-таки УРАЛЬСКИЙ писатель всероссийского масштаба. А таковых можно легко пересчитать по пальцам одной руки. Впрочем, нет ли здесь парадокса? Как это: уральский всероссийского масштаба? А так же, как, скажем, всемирная величина Александр Сергеевич Пушкин остается-таки национальным гением.

Но вернемся к Мамину. Юбилей писателя будет отмечен в столице Урала и области несколькими культурными событиями. В Камерном театре пройдет выездное заседание секретариата Союза писателей России, которое представят высокие литературные гости. Состоятся торжества на родине писателя в селе Висим. А в Нижнем Тагиле в театре, носящем его имя, будут чествовать первых лауреатов Всероссийской литературной премии имени Мамина-Сибиряка.

Читатели и книголюбцы, видимо, уже знакомы с подарочным трехтомником Мамина-Сибиряка, любовно сработанным накануне юбилея Издательским Домом «Сократ». В нем собраны наиболее значимые его произведения. Украшают трехтомник и иллюстрации, представленные работами екатеринбургских фотодожников.

И наконец, в том же Камерном театре Екатеринбурга в начале ноября пройдет научно-практическая конференция «Творчество Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы».

И то сказать; творчество нашего великого земляка далеко не освоено еще историками и литературоведами. Мало того, оно даже элементарно не прочитано. Ведь многие его рассказы и очерки остаются напечатанными лишь однажды, еще при жизни автора в газетах и журналах той поры, сегодня практически недоступных читателю.

Словом, Мамин-Сибиряка еще предстоит прочитать. А потому трудно переоценить инициативу екатеринбургского издательства «Банк культурной информации» и Министерства культуры Свердловской области — инициативу издания 20-томного Полного собрания сочинений писателя. Говорят, его первые тома уже готовы выйти в свет.

Вот и «Уральский следопыт» в этом номере возвращает читателю одно из забытых и редко публикуемых произведений Мамина-Сибиряка — «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме».

Юний Горбунов
Фото Е. В. Савенко

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Сказание о сибирском хане, старом Кучуме

Легенда

«Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» впервые было напечатано в петербургском журнале «Наблюдатель» (1891, № 11). Этот текст мы и перепечатаем в нашем журнале. Затем «Сказание...» вошло в сборник Мамин-Сибиряка «Легенды» (СПб., 1898), а также в т. 12 Полного собрания сочинений писателя, изданного А.Ф.Марксом бесплатным приложением к журналу «Нива» в 1917 году.

I.

Песня про сибирского хана, старого Кучума — песня самая печальная и для того, кто ее поет, и для тех, кто слушает. Заплакало бы небо, застонала земля; леса и степи покрылись бы печалью, а реки вскипели горячей кровью, если бы нашелся человек, который сумел бы рассказать все, что было тогда, когда старый хан Кучум сидел в Искере и потом бился с неверными. Плачь, человек, если есть у тебя сердце и запас слез; плачь, кто бы ты ни был: верный или неверный!..

Старая ханша Лелипак-Каньш упрекала своего мужа, хана Кучума:

— Ты, старый Кучум, сын Муртазы-хана и внук Ибак-хана, ты забыл меня, забыл, кто тебе родил трех батырей: красавца Алея, Абдул-Хаира и Арслан-хана. Кто лучше Арслан-хана проедет на коне, кто храбрее Абдул-Хаира, а про Алея девушки поют песни в самой Бухаре. Трех сыновей родила я тебе — и красавицу дочь Лейле-Каньш... Бессовестный ты человек, Кучум!.. Мою красоту, которая цветет в моих детях, твои несытые глаза ищут променять на первую, попавшуюся на глаза, девчонку... Мало тебе семи законных жен, мало двадцати наложниц, мало русских пленниц, которых Махметкул приводит с Камы — нет, ты, как волк, забравшийся в овечье стадо, хочешь зарезать самую лучшую овцу!..

— Молчи, Лелипак, молчи, отродье Шигая! — отвечал Кучум, грозно сдвигая седые брови. — Если бы не дети, я давно сделал бы с тобою то же, что твой отец Шигай-хан сделал с моим братом Ахмет-

Киреем. Родная твоя сестра была жена Ахмет-Кирея, а Шигай-хан не постыдился убить зятя. Молчи, отродье Шигая!..

— Я все молчала, всю жизнь молчала, Кучум.. Ты брал наложниц — я молчала, ты привел вторую жену Симбулу — я молчала; еще четырех жен взял — я тоже молчала; последнюю жену, красавицу Сузгэ, привел — я молчала; всю жизнь провела в молчании. Но ты забыл, Кучум, что я ханская дочь и твоя старшая жена, и что меня нельзя выпнать, как других жен или наложниц. Моя кровь встанет за мою старую голову, а твои глаза смотрят день и ночь на Карача-Куль. О, будь проклято это озеро, которое налито не водой, а моими старыми слезами... Много там моих слез, Кучум, и Сайхан-Доланьгэ не высушить их своим девичьим смехом, веселыми песнями и огнем поцелуев. У нее есть свои глаза, Кучум, и смотрят они на другого, а мурза Карача обманет тебя. У него под каждым словом спрятано две змеи... О, Кучум, Кучум! зачем хочешь ты опозорить мою старую голову и ввести новую ханшу; ведь Сайхан-Доланьгэ — старой княжеской кости, проклятой кости Тайбуги. Когда она войдет в одну дверь, я уйду в другую...

Закипело волчье сердце Кучума от этих слов, огнем вспыхнули глаза — старая ханша сказала горькую правду. Он уже схватился за кривой бухарский нож, но остановился и глухо застонал.

— Ну, что же ты не убьешь меня? — спра-

шивала Лелипак-Каньш. — Зачем ты прячешь от меня свои глаза, хан Кучум?.. Ты, который ничего не боишься и ничего не стыдишься — ты трусил беззащитной старухи... Твое сердце давно утонуло в чужой крови, так убей еще мать твоих детей, а Сайхан-Долангэ утешит тебя.

— Молчи, Лелипак-Каньш: в тебе сидит шайтан. Я когда-нибудь вырву твой проклятый язык...

— А ты забыл убитого тобой сибирского хана Эдигера?.. Забыл его жену, ханшу Тэс-Удуль, которая бежала в Бухару и там родила сына — это кость Тайбуги, и она заплатит тебе за мои слезы. Мало тебе этого?.. Ты же убил и брата хана Сейдяка, храброго Бик-Булата... О, Кучум, Кучум, ты и с своим царством поступаешь, как со мной: ты забыл и его для Сайхан-Долангэ. Проснись, хан, пока не поздно, а я не хочу накликав беду на твою седую голову, в которой, как змеи, шевелятся черные мысли...

— Не говори мне ничего: я знаю, что делаю, и не тебе учить меня. Ты давно выжила из ума и каркаешь, как ворона. А мои сыновья не виноваты, что в их мать вселился шайтан... И Сайхан-Долангэ не виновата, что моложе и красивее всех на свете. Она будет моя, если я захочу, и ты будешь счастлива, если я позволю тебе обувать и разувать ее.

Так бранились и попрекали друг друга старики. Они и не заметили, как вошел седой, как лунь, Хан-Сеид, остановился у дверей и со стыдом в лице опустил свои святые глаза. Лелипак-Каньш уже раскрыла рот, чтобы бросить в лицо мужу последнее и самое сильное обвинение, но оглянулась и — смутилась. У старой ханши упало сердце со страха, и она горько заплакала.

— О, пророк, да благословит Бог Сеида и да приветствует, — говорил Кучум, кланяясь Хан-Сеиду в пояс, как никому не кланялся.

— О чем ты плачешь, Лелипак-Каньш, дочь Шигай-хана? — спрашивал Хан-Сеид, не отвечая Кучуму. — Радуйся настоящим горем и печальешь настоящей радостью: так нужно... Уже вороны летают над Иртышом, в степи воют волки, а ты ничего не бойся. У тебя останутся хоть глаза, чтобы оплакивать твое старое горе, а у других и этого не будет. Ты сейчас гордилась своими детьми, а стрела уже легла на тегиву, и много матерей не найдут достаточно слез, чтобы оплакать погибших детей. Твое сердце, ханша, крепче Искера, и в нем найдут место все, кого ты любишь. Горе идет, как туча, и не останется от храбрых ни мяса, которое могли бы есть вороны, ни крови, которую могли бы лизать собаки. Вот что будет, Лелипак-Каньш! Горе побежденным, которые будут рады питаться собственным телом, как это делал Темир-Ленк... Вот что я сказал тебе, ханша Лелипак-Ка-

ньш, а ты оставь мужчин делать свое дело.

— Святой человек, образумь моего мужа — со слезами молила Лелипак-Каньш, хватаясь за полы зеленого халата Хан-Сеида: — он и себя, и всех погубит... Казаки уже плывут по Туре и взяли городок мурзы Епанчи, а хан Кучум думает о девичьих глазах, и его сердце смеется на Карача-Куль.

— Все знаю, ханша Лелипак-Каньш, дочь Шигай-хана, — печальным голосом отвечал Хан-Сеид. — Но вот что я скажу тебе: смерть близко... Смерть всех сравнивает: и богатых, и бедных, и старых, и молодых, счастливых, и несчастных. Аллах велик, а мы будем молиться...

Лелипак-Каньш поклонилась в ноги Сеиду и вышла на свою женскую половину, а Хан-Сеид опять опустил свои святые глаза в землю, чтобы старик Кучум не видел глядевшую из них святую печаль. О, святой человек видел все, видел живых людей мертвыми, видел убитыми лучших сибирских батырей, обесчещенных женщин и уведенных в неволю детей; пожары и грабеж видел он, и еще хуже того: видел изменников, которые притворяются храбрыми и предадут родину. Но ничего не мог сказать Хан-Сеид даже Кучуму, и только святая печаль глядела его святыми глазами.

— Кучум-хан, сын Муртазы-хана и внук Ибак-хана, вот тебе мое слово, — заговорил Хан-Сеид, не вытирая катившихся по седой бороде слез. — Да, я скажу тебе, внук Ибак-хана; твоё волчье сердце упилося давно чужой кровью, нет в тебе жалости, и твои враги считали за счастье умереть, только бы не попасть в твои руки... По колени ты ходишь в грехе, сын Муртазы-хана, и твоя седая голова всегда переполнена гнусными замыслами. Ты плаваешь в чужой крови, внук Ибак-хана и давно потерял счет убитым тобой... Правду ли я говорю, Кучум?

— Святой человек, ты все знаешь и видишь, — отвечал Кучум, — но ты также знаешь и то, что все ханы на свете одинаковы... Чем лучше меня бухарский Абдулла-хан, который послал тебя ко мне и который убил шестнадцать родных братьев, чтобы одному завладеть отцовским престолом. Я убил хана Эдигера, я убил его брата Бик-Булата, я истреблю до конца проклятую кость Тайбуги, потому что хочу быть одним ханом сибирским, а Искер всегда будет моей столицей... Когда Чингис завоевал великую Бухару, он подарил костям Тайбуги всю Сибирь, а Сибирь всегда принадлежала хану Ибаку и его кости: я — из кости Ибака и крепко держу свою отчину и дедину.

— Вот тебе еще мое слово, Кучум-хан: идут на Искер казаки, они убивают татар громом и молнией, — заговорил Хан-Сеид, поднимая глаза. — Вот тебе случай смыть всю кровь с себя... Проснется твое волчье сердце, сын Муртазы-хана, и, когда

другие сделаются данниками Белого Царя или убегут в степь, ты один будешь наводить страх на всех. Большое горе ждет тебя на каждом шагу, но оно покроется молодой радостью, как выжженная зноем степь покрывается зеленой травой и яркими цветами от первого дождя.

II.

Ночь стоит над Искером, плачет и стонет под горой Иртыш, а на городской стене стонет и плачет Лелипак-Каньш, схватившись за свою седую голову костлявыми руками. Днем она все смотрит в московскую сторону, куда увезли ее милого сына Арслан-хана, а по ночам бродит по городу, как старая волчица, у которой отняли волчонка. Зачем она ханша, зачем жена Кучума, а не простая татарка, которая умирает на руках своих детей? Самые бедные татарки теперь уж давно спят, не спит одна ханша Лелипак-Каньш и не может утишить своего старого сердца... Думает ли о ней Арслан-хан, сидя заложником в Москве, или забыл мать, как прирученный сокол забывает родное гнездо? Много в Москве зажилось татарских царевичей, а Белый Царь опутывает их своими княжнами и поместьями. Слышит ли твое молодое, горячее сердце, Арслан-хан, как убивается старуха-мать, или полюбила тебе московская неволя? Изменит муж своей жене, лучшая красавица полюбит другого, самый храбрый батырь побежит перед кровавым страхом смерти, а материнское сердце всегда верно себе; не думает Лелипак-Каньш о четырех сыновьях, которые у нее на глазах, не думает о красавице дочери Лейле-Каньш, а все ее мысли, как ночные птицы над огнем, вьются около Арслан-хана...

Грозно шумит Иртыш, высоко на берегу поднимается Искер; а кругом города день и ночь роют окопы, делают рвы и засеки. Нужно защитить город от надвигающейся московской грозы, а Искер — сердце Сибири. Ночью работа идет при огнях, и хан Кучум сам следит за всем: он никому не верит, кроме своего глаза — и теперь кипит работа, но Лелипак-Каньш не видит огней, не слышит человеческих голосов и бродит по городу, как тень. Разве уйдешь от беды, если бы поднять стены до самого неба и повернуть Иртыш от студеного моря к теплomu?.. Бродит Лелипак-Каньш из улицы в улицу и все чего-то ждет, а сама слышит, как бьется ее сердце в груди. Идут казаки, будет война, а ее Арслан-хан все будет томиться в московской неволе, и не увидят его ее старые глаза. Хан-Сеид — святой человек, а и он ничего не говорит об Арслан-хане. Ходит Лелипак-Каньш и не слышит конского топота: это мчится старый Кучум-хан на своем лучшем аргамаке, а его прислужники едва поспевают за ним, потому что быстрее коней летит ханское сердце. Мчатся за Кучумом его

лучшие советники и батыри: главный советник Чин-Мурза, брат молодой ханши, красавицы Симбулы; мурза Булат; киргизский царевич Ураза-Магмет; как тени, летят они молча за Кучумом, и только нет в этой свите батыря Махметкула и ни одного из ханских сыновей. Совестно стало Кучуму своей собственной крови, и он оставляет сыновей дома... Несется хан Кучум, несется за ним, как ветер, его свита, и чуть они не смяли бродившую по улицам Лелипак-Каньш. С криком бросилась она в сторону, прижалась к стене чужого дома и все поняла, — поняла, что так гонит Кучума ночью, почему нет с ним сыновей. Святые слова Хан-Сеида не действовали на него.

— О, будь проклят ты, отец моих детей! — крикнула вслед Кучуму старая Лелипак-Каньш, поднимая руки к небу. — И будь проклято место, куда тебя гонит твое волчье сердце!..

Но не слышит старый Кучум этих слов и несется вперед: свои года и старость он оставил в Искере, а его сердце бьется молодой, горячей кровью. Раньше также быстро летал он на своем аргамаке в Сузгун, что красуется над Иртышом и где цвела своей красотой ханша Сузгэ, но заросла травой дорога в Сузгун, и ханский аргамак без поводов знает путь к Карача-Куль. До Карача-Куль один переезд, но хану Кучуму он кажется дальше, чем до Ургенджа. Светлое озеро Карача-Куль совсем спряталось в зеленых камышах, и крепко засел на нем старый мурза Карача со своим улусом. Хмурит он свои седые брови, когда слышит знакомый топот ханского аргамака, а его дочь, красавица Сайхан-Долангэ, только смеется, потряхивая золотыми монетами, которыми усыпаны ее черные волосы и белая грудь. Оставляет свою свиту хан Кучум в улусе, а сам идет к мурзе Караче один, чтобы не встревожить Сайхан-Долангэ. Выходит к нему навстречу сам мурза Карача и кланяется до земли.

— Да хранит бог хана Кучума, — говорит хитрый старик, принимая ханского коня. — Какая работа загнала хана в такую пору ко мне? Глаза старого Карачи счастливы видеть солнце в своем улусе...

Молча идет Кучум в ставку Карачи, молча садится на дорогой бухарский ковер, а Сайхан-Долангэ уже подносит ему чашу с кумысом, и смеется ханское сердце. За Сайхан-Долангэ, как тень, ходит старая шаманка Найдык.

— Да хранит бог хана Кучума и пусть радуется его сердце, — говорит Сайхан-Долангэ, кланяясь Кучуму в пояс. — И ночью хан Кучум не спит, есть забота у хана.

— Ты давно знаешь мою заботу, Сайхан-Долангэ, — говорит Кучум, не отрывая глаз от красавицы.

— Казаки идут к Искеру?..

- Искер крепко стоит и будет еще крепче...
- Не захворала ли красавица Сузгэ?
- И Сузгэ здорова...

Сидит хан Кучум, пьет кумыс и весело болтает с Сайхан-Долангэ: нет для него ни Искера, ни казаков, ни красивой Сузгэ. Все на свете забывает хан Кучум для своей красавицы и, оставляя ханскую гордость, поет ей свои песни, как самый бедный степной пастух:

*Твои брови тонки, как новый месяц,
Свежей розой заперт жемчуг зубов...
Весело горит молодой огонь в твоём очаге,
красавица,
А когда ты смеешься — ночь озаряется светом.
Две полных луны стыдливо дремлют на твоей
белой груди,
Две звезды смотрят из-под черных ресниц.
Но кто тот счастливцев, для которого побегут
к порогу твои маленькие ножки,
А белые руки с тонкими пальцами разойдутся
сами собою?*

*Если бы ты взглянула на меня ласково —
разлился бы я чистым серебром;
В другой — расплавился бы золотом!
Пусть умру я мучеником,
Но только в твоих объятьях...
Но я ухожу от тебя печальный,
И сердце мое покрывается льдом;
Во сне я вижу тебя и мгновенно умираю,
Просыпаюсь — и еще раз умираю.*

Слушает Сайхан-Долангэ ханскую песню и думает о другом, думает о молодом батыре, который уже три раза волчьими тропами ходил через Камень и возвращался оттуда с богатой добычей, — по степным аулам уже поют песни про батыря Махметкула. Само счастье широкой тенью ходит за батырем Махметкулом; одно его имя наводит кровавый ужас на всех, кроме Сайхан-Долангэ, этой черноволосой красавицы с розовыми ушами и тонкими пальцами. Да, хан Кучум поет свои песни Сайхан-Долангэ, а Сайхан-Долангэ думает о батыре Махметкуле.

— Хана все любят, — отвечает с улыбкой хитрая красавица. — А я тебе спою, хан, старую песню. Слушай...

*Храбрый молодец свое копьё мочит в крови,
А бесстыдник проводит ночи без сна...*

Так начиналась старая песня «о соломинке», в которой воспевались подвиги великого хана Темир-Ленка. Всему научался Темир-Ленк у муравья. Это еще было тогда, когда, разбитый своими врагами, хан спасался в развалинах какого-то старинного кладбища. Темир-Ленк, как змея, заполз между могильными камнями и ждал здесь своей смерти. Он был один, а враг гнался по пятам. В ожидании смерти, Темир-Ленк мог наблюдать только муравья, который тащил длинную соломинку на могильную

плиту. Сорок раз он оборвался с нею, а в сорок первый втащил. Погоня пронеслась над головой Темир-Ленка, а он сделался, благодаря мудрости муравья, величайшим из всех ханов. Вот о чем пела красавица Сайхан-Долангэ, весело позванивая своим девичьим золотом и серебром.

Так смеялась в глаза над старым ханом Кучумом капризная красавица, и он уезжал к себе в Искер, низко опустив голову. Но стыд не удерживал его, и хан опять приезжал на Карача-Куль, а Сайхан-Долангэ опять смеялась над ним, спрашивая о Лелипак-Каньши, о Сузгэ в других ханшах. Но с каждым разом старый Кучум делался все мрачнее и, наконец, сказал мурзе Караче:

— Отдай мне Сайхан-Долангэ, Карача...

— Оставь, хан! Этому никогда не бывать, — смело ответил старый мурза. — У тебя большие сыновья от Лелипак-Каньши, и, когда ты умрешь, они выгонят мою дочь из ханской ставки, как опоненную лошадь.

— Карача, ты забыл, с кем говоришь?!

— Нет, я знаю тебя, хан, знаю больше других... Ведь мы вместе с тобой резали людей, вместе и хана Сейдяка убили. И меня ты зарежешь, как овцу, чтобы взять Сайхан, но сам я все-таки не могу отдать ее тебе.

— Я тебя осыплю золотом, старый упрямый верблюд..

— Разве моя дочь лошадь, что я буду ее продавать? Для этого есть невольницы, а моя дочь старой ханской крови. Отними ее силой и владей!..

Разве любовь возьмешь силой? Хан Кучум зывал к себе шаманку Найдык и уговаривал ее приворожить сердце Сайхан-Доланьгэ. Хитрая Найдык принимала богатые ханские подарки и говорила:

— Ты будешь счастлив, хан, как никто другой..

Она то же самое говорила и батырю Махметкулу, когда он привозил ей подарки из-за Камня, с московской стороны.

III.

Как огонь идет по степи, так шли казаки все дальше и дальше. На переднем струге плывет сам Ермак с любимым своим пятидесятником Богданом Брязгой, а на других стругах атаманят Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк и Гроза Иванович. Тонкими голосами запели татарские стрелы на Туре, когда казаки приступили к первому татарскому городку мурзы Епанчи. Грнул гром в руках казаков, и бежали татары. Так взят был городок Епанчи и другой городок Цимги. Помутилась вода кровью в самом Тоболе, а казацкие струги плывут все дальше.

Укреплен Искер; Кучум засел под Чувашьей горой. На Иртыше ждет казаков в своем городке мурза Атик, а недалеко от устьев Тобола, у бабасанских юрт, собрался цвет татарского войска с батырем Махметкулом во главе. Пришли на помощь вогульские и остяцкие князьки, которые вместе с Кучумом засели под Чувашьей горой. Не верит старый Кучум вогульской и остяцкой храбрости, но теперь всякая помощь дорога. Только два человека не боятся казаков: старый Кучум и молодой Махметкул, и оба они думают о лукавых глазах Сайхан-Доланьгэ. Как волк в камышах, сидит Кучум под Чувашьей горой, ждет Махметкул у бабасанских юрт, а казаки плывут все дальше. Запели стрелы уже на Тоболе, и закипела жестокая сеча, какой еще не было видано: встретились в первый раз лицом к лицу два батыря — Махметкул и Ермак. Целый день они бились; как скошенная трава, полегли храбрые, а к вечеру дрогнули татары, и Махметкул, батырь Махметкул, бежал с поля битвы.. Если бы у ночи были глаза, она плакала бы, как мать, и над теми, кто честно сложил спую голову за родину, и особенно над теми, кто позорно бежал с поля битвы. Нет пощады трусам, нет слова хуже, которым их встретит каждый мужчина и каждая женщина, а Махметкул бежал от Ермака, как заяц от охотничьим собаки. Забыл он о прекрасных глазах Сайхан-Доланьгэ, забыл о старой

матери Кюн-Арыг, седую голову которой покрыл позором.

— Нет у меня сына, — твердила Кюн-Арыг: — это заячьи ноги, а не мой сын.. У бабасанских юрт умерла моя радость!..

— Твой батырь Махметкул — молокосос и щенок, — говорил старый мурза Карача дочери. — Ему бы доить кобылиц, а не воевать.. Теперь казаки пойдут на Иртыш и возьмут городок мурзы Атика.

Горько плакала Сайхан-Доланьгэ; плакала вместе с ней шаманка Найдык, а когда две женщины сойдутся вместе, то они непременно что-нибудь придумают. Снарядили они старого шамана Кукджу и послали его в Искер, чтобы старик разыскал там батыря Махметкула и заговорил его сердце, — все знал шаман Кукджу и все мог он сделать. Он выгнал злого духа из Лейле-Каньш, когда ханская дочь совсем умирала, и вернет Махметкулу его храбрость. Сто лет шаману Кукджу; желтая борода у него росла от самых глаз, точно мох на старом пне, но мурза Карача доржал его в своем улусе, как дорогого гостя. Хитрый Карача и столетний шаман молились еще старым богам, -святой Оби и буйному Иртышу.

— Хан Кучум оставил старых богов, и старые боги его оставили, — говорил Кукджу мурзе Караче. — Хан-Сеид со своим пророком не спасает хана Кучума.. Вот что видели столетние глаза Кукджу: каждую ночь, на Иртыше с татарской стороны выходит белый волк, а с московской — черная собака, и дерутся они до белого света. Кровью покрывается вода, Иртыш мечет огненные искры, а над Искером встает московский город с белыми церквями. Вот что видят столетние глаза Кукджу! Еще ранее пришло в Сибирь белое дерево, а с ним придет и белый царь.. Вот что сделали старые боги, которых оставил хан Кучум!

Мурза Карача думал одно, а вышло другое. Не боялся он за свой улус и даже жалел мурзу Атика, которого разорит Ермак, — одна дорога по реке у казаков, а Карача-Куль останется в стороне. Позорит Ермак других мурз, награбит богатств, может быть, и до Искера доберется, а по заморозкам уйдет с добычей за Камень, как делал Махметкул с закамской стороной. Останется тогда старый Карача богаче и сильнее всех, а Кучум стар, сыновья у него еще молоды, счастье переменчиво, и если Сайхан-Доланьгэ не суждено быть ханшей, то она будет дочерью нового сибирского хана. Не успел старый мурза додумать своих хитрых мыслей, как на Карача-Куль налетела гроза. Пока сам Ермак отдыхал у бабасанских юрт, атаман Кольцо бросился с казаками на карачинский улус, точно степной вихрь, который засыпает песком целые города в вырывает столетние деревья с корнем. Не

было времени даже подумать о защите, а ноги сами бежали... К утру, где вчера стоял карачинский улус, не осталось даже дыма от пожара, а валялись одни трупы убитых да выли собаки. Сам Карача едва успел спастись на одной лошади с Сайхан-Доланьгэ. Они опомнились только в Искере, куда народ сбегался от казаков со всех сторон.

— Если Махметкул и твой отец не могли тебя защитить, так я тебя сберегу, — сказал старый Кучум, когда увидел красавицу Сайхан в Искере. — Теперь ты моя гостя... Не бойся ничего, пока жив хан Кучум.

Ласково говорил старый хан, забывая для красавицы даже висевшую на носу беду, а та по-прежнему ненавидела его нечистую старую любовь и думала о Махметкуле.

Все мурзы и улусники Кучума собрались в Искере. Враг близко, нужно подумать о своих женах и детях, а военное счастье изменчиво. Долго думали и решили отправить все имущество, женщин, детей и стариков в степь, где красовалось ханское летнее стойбище Наоблак. Так беда соединила Лелипак-Каньш и Сайхан-Доланьгэ, как зиму с летом, как вечернюю зарю с утренней. Старая ханша не подала и виду, что ненавидит свою молодую гостью, которую с радостью задушила бы своими костлявыми руками, а теперь должна была вести в степь вместе со своей дочерью Лейле-Каньш.

Много было слез, когда начали выезжать из Искера жены, наложница и невольницы Кучума, а за ними потянулись жены и дети разных мурз. Остались в городе только те, которым некуда было бежать, да те, которым суждено было здесь умереть. Все руки, которые могли еще бороться с врагом, были впереди, на берегу Иртыша, а впереди всех опять стоял батырь Махметкул, грозный и неприступный, как река, которая готова выступить из берегов и затопить все кругом.

— Будет то, чего не миновать, — говорил батырю старый шаман Кукджу. — У смерти нет глаз, как и у счастья; но есть глаза у Сайхан-Доланьгэ, и она смотрит на тебя давно... Женщина — тетива, которая посылает стрелу-мужчину. Не бойся ничего: я буду с тобой, как сказала Сайхан-Доланьгэ.

Туча лежит на сердце у Махметкула и ждет он новой сечи, как праздника, чтобы смыть свой позор вражеской кровью. О, он тонет в этой чужой крови, чтобы не слышать страшного слова: «трус». А казаки уж поднимаются вверх по Иртышу, к городку мурзы Атика. Грозно надулась сердитая река, со стоном бьются о берега седые волны, рассыпаясь серебряной слезой, а сверху гладит на казаков осеннее серое небо, холодное и суровое, как лицо мертвеца... С жалобой бежит ветер по высокой степной траве, точно он ищет кого-то и тоже стонет, как стонет по ночам Иртыш. Черные вороны стаей

провожают казацкие струги и ждут кровавой добычи. Тихо в одном Искере, где остался святой человек, Хан-Сеид. Он каждый день обходит все стены и долго молится, подняв руки кверху. По Иртышу к Искеру идет страшное и великое горе, а над казацкими стругами невидимо летит смерть. Замерло бы в груди сердце у самого храброго, если бы он мог видеть то, что видел Хан-Сеид... Близится день и час, когда по степным стойбищам, улусам и займищам горько заплачут тысячи татарок об убитых мужьях, отцах и детях, а на далекой русской стороне ответят им тем же матери, жены и дочери казаков. Это суд божий, и никто не может остановить его ни на одно мгновение...

— О, пророк, дай силу Кучуму, — молится Хан-Сеид, падая ниц. — Вот человек, сердце которого не знает страха и который будет велик в беде, как никто другой...

Под Чувашьей горой сошлись храбрые грудь с грудью, как еще не видал седей Иртыш. Тут были все мурзы и все князья вогульские и остяцкие. Берег Иртыша почернел от двигавшегося по нему войска, и смерть пряталась за окопами, во рвах и засеках. Сам Кучум здесь, старый Кучум, который сотни раз видал жестокие сечи и который сейчас ждет врага, как дорогого гостя. Близко каза-

Рисунки Николая Черемных.

ки... Гулкое эхо прокатилось по Иртышу от их выстрелов, и закипала кровавая сеча. Бьются все с невиданной еще храбростью. Никому нет пощады, и люди сделались страшнее зверей. Впереди всех бьется батыр Махметкул, — он выше всех целой головой, и все смотрят на его храбрость. Целый день шла битва, и врагов разделила только ночь. Победа осталась нерешенной. Солнце еще не взошло, а стрелы уже запели. Бой загорелся с новой яростью, и впереди всех опять батыр Махметкул, который молодым львом носился по полю мертвых. Мало казаков, а убитых много. Дрогнуло сердце у самых храбрых. Счастье переходит к татарам, еще миг — и посыплотся казачьи головы, как выз-

ревшее на горячем солнце зерно. Схватился Ермак и двинул отчаянных удальцов на засеки, где скрывались остяки и вогулы. Не выдержали напора эти жалкие трусы и побежали, но опять впереди всех Махметкул, и еще сильнее напирают татары. Но вдруг не стало батыря Махметкула, и все смешалось. Дрогнули татары, а по полю несется страшная весть: «Пал Махметкул, убит батырь Махметкул!»

Еще сильнее ударили казаки, и побежали татары, как застигнутое в степи бураном стадо овец.

(Продолжение следует.)

Анна ПИНУС, Екатеринбург

Уральские деньги

1915-1920 годах власти каждой местности выпускали свои денежные знаки, которые носили название «правительственных». Таких знаков ходило около ста разновидностей. На Урале известны денежные знаки ценностью от 50 до 3000 рублей. На них ставился штемпель города: Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Тюмень.

В 1918 году в нашем городе Уральский областной Совет выпускал свои областные кредитные билеты достоинством в 1 и 5 рублей. Отдельные города и заводы к ходившим тогда деньгам добавляли и свои суррогаты. По Уралу их насчитывалось более 750 разновидностей. Так, владельцы Асбестовских рудников Жирар и Поклевский-Козелл

выпускали денежные знаки достоинством в 1, 3, 5 и 10 рублей. Акционерное общество Белорецкого завода (ныне г. Белорецк в Башкирии) издало чеки от 1 до 100 рублей.

В Верхотурье были сделаны надписи на облигациях займа Свободы 1917 года — достоинством 20, 50 и 100 рублей. Общество потребителей Екатеринбурга в 1918-м тоже пользовалось своими денежными знаками.

Екатеринбургские банки в 1917-1918 годах выпустили ходившие в городе чеки в 50-500 рублей, различавшиеся по рамке, цвету и надпечаткам. Азовско-Донской коммерческий банк (екатеринбургский филиал) в 1919 году ввел в обращение чеки

Верхисетского завода достоинством от 1 до 100 рублей. Заменители денежных знаков выпускались также Комитетом вольного пожарного общества, Кассой взаимопомощи рабочих и служащих железной дороги, Университетской стипендиатской комиссией... Разменные талоны печатались на картоне, сетчатой и белой бумаге. Кредитные марки общества потребителей Николо-Павдинска (ныне рабочий пос. Павда Новолялинского района Свердловской обл.) чеканились на бронзе!

В 1925 году выдавались даже ордера в буфет стоимостью от 1 до 5 копеек.

Деньги тех лет (из фондов Свердловского областного краеведческого музея).

Валентина РЯБУХИНА, г. Екатеринбург

След Маминых на этажах Белинки

Влюбленное отношение Д. Н. Мамина-Сибиряка к книге — предмет особого разговора. «Увеличилось число библиотек, открылось несколько новых типографий, появилась первая литография; не достает только публичной библиотеки и большого книжного магазина», — сетует он в очерке о столице уральского края в 1888 году. Когда же в Екатеринбурге общественное мнение наконец-то окончательно созрело до создания библиотеки (1897 г.), Дмитрий Наркисович уже не мог войти в организационный комитет и присутствовать на торжестве ее открытия: в 1891 году писатель покинул родной город.

Если сам Дм. Мамин не смог участвовать в открытии первой публичной общедоступной библиотеки в городе, то его ближайшие родственники имели к этому самое прямое отношение.

Начать с Владимира Наркисовича Мамина. Братья были связаны крепкими семейными узами. Владимир выбрал юридическую стезю, и Дмитрию пришлось посылать из Екатеринбурга правовую литературу, наставляя при этом: «Книга очень полезная, только читать ее надо не спеша — чем тише, тем больше в голове останется».

«Его высокоблагородие» — так в шутку именовался будущий правовед — снимал квартиру напротив Румянцевского музея в Москве, и брат призывает ценить такое соседство: «Ты хоть раз в Румянцевской библиотеке был, где можно заниматься на радость, с пользой и удовлетворением?»

По завершении образования молодой правовед возвращается домой, приступает к адвокатской практике, занимает должность присяжного поверенного в окружном суде. Он становится одним из организаторов Общества любителей изящных искусств по литературной части, какое-то время президентствует в нем. Именно это общество инициировало создание библиотеки им. В. Г. Белинского. Мамин участвует в проекте организации, входит в комиссию для составления сметы расходов и разработки проекта Устава. С этим проектом он и другие учредители обратились за материальным

Первое собственное здание библиотеки им. Белинского, которое открывал С. А. Удинцев в 1916 г. (ныне здание областной детско-юношеской библиотеки).

содействием к городской Думе, земству, Уральскому медицинскому обществу. Комиссия предложила Обществу открыть сбор пожертвований деньгами и книгами. Владимир Наркисович входит в первый и второй составы членов правления от учредителей и избирается членом ревизионной комиссии.

Умер он рано — в 46 лет. Похоронен рядом с основательницей библиотеки Е. М. Кремлевой.

В приветственном слове на торжестве открытия публичной библиотеки А. И. Кожевников называет в числе благотворителей г-жу Алексееву. Не Мария ли это Якимовна, первая жена Дмитрия Наркисовича? Справочник «Весь Екатеринбург» перечисляет всех горожанок-владелиц недвижимости с этой фамилией: Анну Трофимовну — мещанку с Усольцевской улицы, дамских портних Евдокию и Елизавету, Клавдию со старой толкучки, Ольгу Львовну, торговку крестьянскими изделиями, Татьяну Федоровну — крестьянку Березовского завода. Непохоже, чтобы продавщицы белья выступали в качестве бескорыстных дарителей.

Е. Н. Мамина-Удинцева.

Находим в справочнике еще одну Марию — домашнюю учительницу. Она-то и есть Якимовна, единственная из всех женщин Алексеевых, кто мог бы не пожалеть 25 рублей на благое дело. Только в отчете библиотеки указывается второй инициал не Я (Якимовна), а Е (Екимовна). Не она ли внесла также 292 экземпляра книг и журналов? На библиотеку им. Решетникова в 1901 году уж точно ею пожертвовано 10 руб. Здесь инициалы совпадают.

Своим другом считал Мамин-Сибиряк любимую сестру Елизавету Наркисовну Мамину-Удинцеву — Лизуньку, Лизаветушку, отзываясь о ней как о «сердечной женщине с головой и логикой мужчины». Высылал ей бандероли с дешевыми изданиями Сыгина (разные рассказы для народа) и просил раздать их бедным детям.

Членом общего собрания библиотеки Елизавета Наркисовна стала сразу же по возвращении из Чердыни в 1900 году, пожертвовав 15 книг для филиального отделения им. Решетникова. В дальнейшем по 2 руб. ежегодно вносила в библиотечную кассу. Несколько лет она состоит в правлении. Пройдя через мытарства сибирской эвакуации, в 1923 году она пишет Ольге Батмановой: «Гвоздем засела мысль съездить в Екатеринбург... устроить

музей им. Дмитрия Наркисовича в нашем доме, детскую библиотеку его имени. Хорошо бы здесь и остаться».

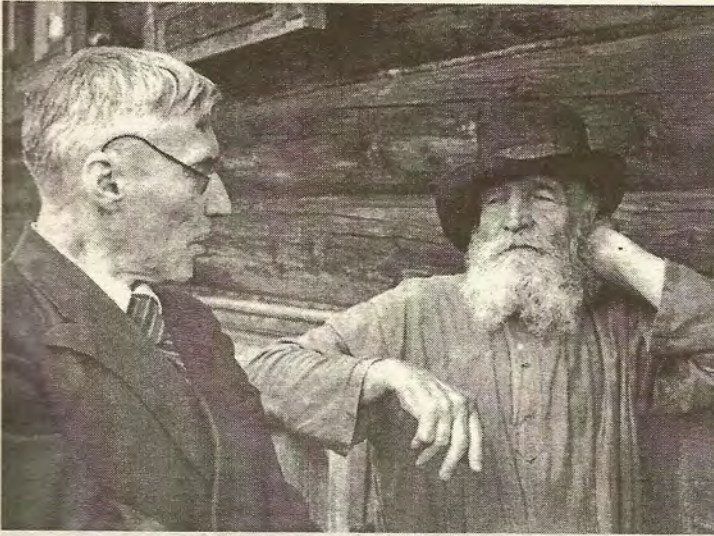
Фамильная линия Маминых тесно переплетается с фамилией Удинцевых — семьей, радевшей за распространение просвещения и культуры. Дмитрий Аристархович Удинцев (1862-1915), уроженец Ирбита, знал Дмитрия Наркисовича со второй половины 80-х. Учился в той же духовной семинарии, служил в екатеринбургском земстве, был мировым судьей в Белоярке, председателем земской управы в Чердыни, где основал краеведческий музей, затем в той же должности в Ирбите. В 1890 году женился на Елизавете Наркисовне. Он состоял в Обществе любителей изящных искусств и, следовательно, был так или иначе связан с публичной библиотекой.

«Весьма ценные пожертвования внес профессор Удинцев,» — отмечено при открытии библиотеки. Это сделал еще один из плеяды Удинцевых — Всеволод Аристархович. Выпускник Екатеринбургской гимназии, автор исследований по посессионному праву Урала, профессор Киевского университета. (Второй профессор — Федор Аристархович — специализировался в Киеве по медицинской части).

Много и плодотворно на благо библиотеки поработал четвертый Удинцев — Сергей Аристархович. Его знали как прекрасного экономиста, финансиста, знатока земского, банковского, страхового дела, бессменного члена УОЛБ. Образование он получил в той же духовной семинарии и Санкт-Петербургском университете. Работая в ирбитской земской управе, проанализировал состояние народного образования в уезде и в том числе развитие библиотечной сети. Солидный монографический очерк был издан в 1892 году. Во время пребывания в Перми занимался общественными библиотеками, а по приезде в Екатеринбург сразу стал постоянным членом правления библиотеки В. Г. Белинского.

В 1915 году он входит в строительную комиссию, созданную с целью приспособить здание недостроенной Пушкинской школы для библиотеки и разместить в нем детскую читальню.

Во время освящения новостройки Сергей Аристархович выступает с содержательным докладом о 17-летнем пути Белинки. Он вспоминает, по каким крохам накапливался строительный фонд, как приходилось экономить, с благодарностью называет инвесторов — государственных, общественных, частных — и обращается за новой поддержкой. Как будто в ответ на его призыв пришло известие: скончавшаяся Ольга Ивановна Дрозжилова, вдова золотопромышленника, завещала в пользу библиоте-

Б. Д. Удинцев беседует с И. Е. Катаевым, 86-летним старожилом г. Висима о писателе Д. Н. Мамине-Сибиряке. (Фото из фондов музея писателей Урала, г. Екатеринбург. Сделано не позднее 1953 г.)

ки 40 тыс. руб. своего капитала.

Традиции общения и внимания к библиотеке находили поддержку в последующих маминско-удинцевских поколениях. Многие приведенные нами факты взяты из писем и записей Бориса Дмитриевича Удинцева, одного из детей Елизаветы Наркисовны, любимого крестника своего дяди, почти ровесника Аленушки Маминой. Экземпляр рукописи с его воспоминаниями хранится в Литературном музее Екатеринбурга.

Прочные связи с библиотекой во многом основаны на длительной и трогательной дружбе семей Удинцевых и Батмановых. Позднее Борис Дмитриевич писал: «Большую роль в нашем развитии сыграли тогда две библиотеки: частная библиотека С. А. Тихоцкой и прекрасная общественная библиотека имени В. Г. Белинского, открытая по инициативе супругов Батмановых и Е. М. Кремлевой. В период 1905-1910 гг. мы буквально не выходили из нее...»

Где бы ни жил Борис Дмитриевич, он не прекращал переписку с Батмановыми, следовательно, всегда был в курсе событий в библиотеке. Именно Борису Дмитриевичу А. Н. Батманов в 1934 году доверил свои воспоминания и передал через него в архив ГБЛ оригиналы библиотечных отчетов — уникальный памятник провинциальной культуры.

Б.Д. Удинцев профессионально занимался библиографией, работая в Гослитмузее, а в предвоенные и первые военные годы — в Книжной палате. Во время эвакуации в Оренбурге он читает в пе-

динституте лекции по библиографии. После войны в Москве заведует библиотекой в Литературном музее, затем — сектором библиографии литературоведения ФБОН АН СССР. Публикует много статей в специальных журналах.

Племянник Д. Н. Мамина-Сибиряка еще дважды приезжал на Урал, посетил Белинку, а также мемориальный дом-библиотеку в Висиме. В его архиве сохранилась разработка книжно-музейной выставки для этой библиотеки.

С библиотечным делом связали жизнь две дочери Елизаветы Наркисовны, сестры Бориса Дмитриевича — Наталья и Анна Дмитриевны...

Словом, Бог не обделил любовью к книге никого из близких родственников писателя. Вот и его внучатый племянник, Глеб Борисович, маститый ученый-океанолог, академик (он приезжал в родные дедовские края в конце 1990-х гг.), теперь публикует документальные и литературные очерки.

Слова Мамина-Сибиряка: «У нашего поколения, которое помнит дорогую книгу, сохранилось особое уважение к ней как к предмету высшего духовного порядка,» относятся к ним в полной мере.

А. С. Мамина и В. Мамин - младший брат писателя.

Владимир ТРУСОВ, г. Первоуральск

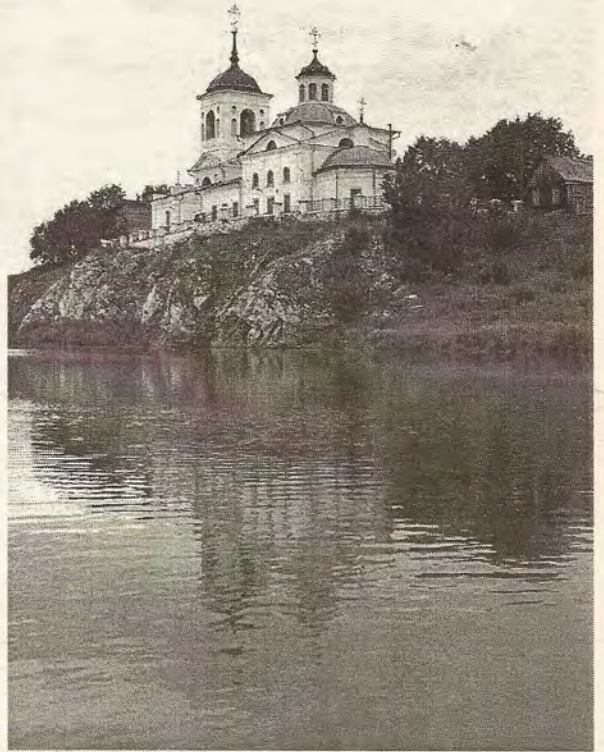
Река-актриса

Осваивая Урал, русские люди много терпели от набегов башкирских и татарских племен. Приходилось первопроходцам выбирать для жительства стратегически удобные места. Одно такое место было найдено в 1651 году на Чусовой. Река здесь дает большую дугу — едва ли не в пять верст, — и расстояние между берегами внутри речной «подковы» не превышает 50-ти саженей. Так возникло местечко Слобода (ныне территория, подчиненная г. Первоуральску).

Большой прирост населения случился здесь при строительстве казенной пристани. Надо было спешно строить суда, чтобы не упустить высокой воды после таяния снегов. Тобольский воевода князь Черкасский отправил 16 марта 1703 года на Чусовую Семена Резанова и служивого человека Ивана Станикеева. Им было повелено выстроить силами тобольских крестьян 40 дощаников; другие 47 строились крестьянами Верхотурского уезда. Дощаники небольших размеров сработали за четыре недели. Пушки, железо и уклад с Каменского завода привезли на пристань заранее. Прислано было 900 крестьян в качестве гребцов (на 90 судов), из них взяты на суда 400 человек, а остальные отпущены назад. Грузоподъемность дощаника — 300 пудов (около пяти тонн). Погрузили к отправке 40 дощаников, т.е. менее половины; остальные за отсутствием клади были оставлены пустыми на пристани.

27 апреля 1703 года из Слободы отправился первый караван, который прибыл в Москву 18 июля. Все 40 дощаников были целы. Случилась лишь одна серьезная авария на Чусовой. Одно судно разбило, и крестьянам пришлось его чинить. Весь путь до Москвы занял 11 недель и 6 дней, причем «в ходу» находились 8 недель и 4 дня, а остальное время пришлось на стоянки.

В дальнейшем на реке Чусовой было построено и эксплуатировалось шестнадцать пристаней. Караваны спускались по Каме и Волге, поднимались при помощи бурлаков до Твери и оттуда по реке Тверце и Вышневолоцкому каналу направлялись к Новгороду и

Село Слобода.
Церковь во имя св. Георгия-Победоносца.

затем в Санкт-Петербург. В столице железо перегружали на морские корабли и отправляли в Лондон. Водным же путем уральский металл доставляли в Ярославль, Казань, на Макарьевскую ярмарку и во многие другие пункты.

Летом чусовскую водную дорогу готовили к сезону: расчищали и убирали мели, взрывали опасные уступы скал, устанавливали чугунные столбы для причаливания барок на ночлег, делали заплывы у скал-бойцов для безопасного прохода возле них. Широко применялся сплав барок с лотами, которые замедляли движение и позволяли лучше управлять речными транспортами. Но все рав-

но происходили крушения барок.

Одни разбивались о скалы, другие — садились на мели. Живописно и образно рассказал о весеннем сплаве Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк в очерке «Бойцы».

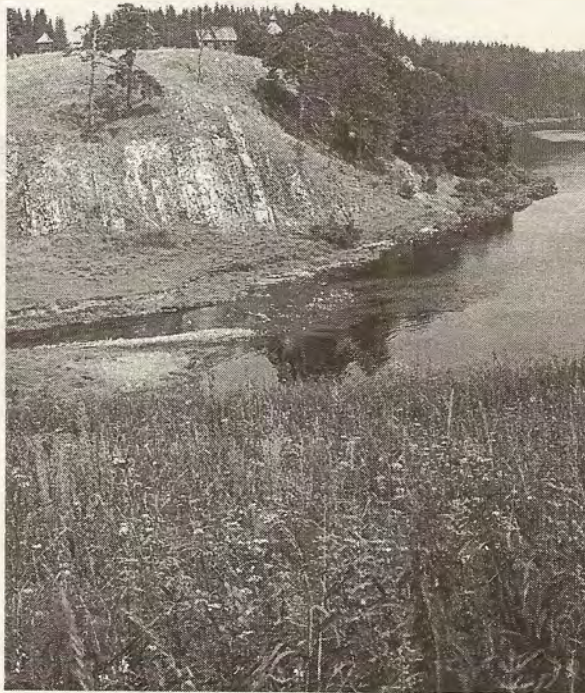
Более двух столетий по реке отправлялась продукция Урала. Окончательно сплав барок по Чусовой прекратился с пуском железнодорожной линии Пермь-Кунгур-Екатеринбург.

16 июня 2001 года в Слободе состоялись большие праздничные торжества по случаю ее 350-летия. Утром началась Божественная литургия в храме во имя великомученика Георгия Победоносца. Затем со стороны реки к церкви пристала символическая барка, на которой прибыл «воевода со свитой». На деревянной эстраде он зачитал грамоту об основании Слободы и вручил ее местной администрации. Завершился ритуал запуском в воздух огромного шара с надписью «350 лет Слободе».

Об истории Слободы рассказывала стенгазета, подготовленная местными культработниками. С гордостью отмечают слободчане, что здешние берега неоднократно избирали местом для натуральных съемок художественных фильмов. Самый первый, тогда еще немой фильм под названием «Лихое золото», рассказывающий о революционных событиях на Ленских приисках, был снят в Слободе в 1928 году.

В последующие годы Чусовая участвовала в кинофильмах «Волга-Волга», «Угрюм-река» (по роману В. Шишкова), «Приваловские миллионы» (по роману Д. Мамин-Сибиряка), «Тени исчезают в полдень», «Демидовы», «Продлись, продлись, очарованье», «Семен Дежнев», «Легенда о золотой горе», «Сказ о золотой бабе», «Ермак», «Карта для Петра», «Укрощение чародея», «Прощание славянки», «Против течения» и в других.

Последним пока значится фильм Ярополка Лапшина «На полпути в Париж», снятый Екатеринбургской киностудией в 2000 году.

Чусовая, а вдали - бутафорский «старорусский» киногородок.

Вершина камня Мосин.

Фото Евгения Тамплона.

Остров Веры

Когда мы из дома отдыха «Золотой пляж» любимемся живописной панорамой озера, взгляд невольно останавливается на темнеющей на водном зеркале у Пугачевской сопки роще. Это самый большой на Тургояке остров — Веры. Из многих бесед с давно покойными старушками я выяснил, что назван он в честь отшельницы, уединявшейся на нем от мирской суеты.

Вера родилась в окрестностях Екатеринбургa. Мать свою она не знала: молодая женщина умерла при первых и для нее последних родах. Отец Веры так сильно любил жену, что решил больше не жениться. Это был самый богатый и жадный человек на всю округу, занимавшийся торговлей. То он закупал у казаков лошадей и гнал их в Башкирию, то баранов перегонял в Казахстан для выгодной перепродажи. Баловался и золотишком.

Веру на воспитание он отдал дальним родственникам, средств на содержание не жалел. Когда Вера закончила гимназию, он забрал ее домой. Толковая, грамотная, она управляла всем домашним хозяйством, не чувствовала черновой работы.

Отец Веры к тому времени стал самодуром-кутилой. Выбирая себе по вкусу зятя, он многих женихов гнал со двора. С большими запасами денег он стал на нарядной тройке выезжать в Екатеринбург, в трактирах нанимать оркестры и цыганские хоры. Через несколько недель возвращался домой без тройки и денег, в рваном рубище и синяках. Однажды в пьяном угаре проиграл все, что имел, такому же бобылю и скряге — соседу Андрею Гавриловичу. Придя в себя, стал умолять, чтоб тот вернул хоть часть проигранного с последующей отдачей. Сосед был немолчим. Тогда папаша Веры предложил бобылю в жены свою дочь — без ее согласия, в обмен за проигранное богатство. После долгих уговоров сосед согласился.

Известие о замужестве повергло Веру в ужас. Женишку 62 года, а ей 18. Получив категорический отказ от своего неблагодарного чада, отец в ярости избил дочь до полусмерти и, связанную вожжами, бросил на телегу. На телегу было также брошено и Верино

приданое, вплоть до подвенечного платья. Куда ее увезли, никто из соседей так и не узнал.

В то время на берегу Тургояка, окруженная глухим лесом, стояла мрачная домина, срубленная из толстых бревен. Обнесена она была высоченным заплотом из таких же толстых бревен. Здесь расположился женский монастырь. Сюда-то и привез отец-изверг непослушную дочь.

На стук в ворота вышли старушки. Разговор с приезжим был коротким. Он только и вымолил: «Сдаю вам на вечное проживание свою бывшую дочь. Зовут ее Верой. А вот вам одежды ее и меха, а вот и платье подвенечное, которое ей здесь вряд ли понадобится. Обвенчаться она сможет только на том свете с апостолом Павлом. Что в копилках и шкапулках, вам всем хватит на ваш скромный образ жизни. Прощайте!» И уехал.

Так Вера оказалась в монастыре во цвете лет. Каково было здесь девушке с образованием! И стала новая затворница искать утешение в молитвах и труде. Она всех усерднее молилась. Работала, как ломовая лошадь. Обмывала и обшивала немощных старушек, мыла полы, носила, пилила, колола дрова. Делала все, чтобы наработаться до изнеможения и уснуть мертвым сном.

За спиной Веры стали перешептываться: мол, господь держит ближе к себе, так как она дева непорочная и больше всех молится и делает всем добро. Так и признали Веру прорицательницей.

Как бы ни был высок монастырский забор и прочны ворота, а тайна в какую-то щелку выскользнула в мир людской. Узнав, что в монастыре живет ясновидящая, нуждой и горем задавленные женщины темными ночами робко, как тени, стали приходить к воротам и вызывать Веру на душеспасительный разговор.

Сестра Вера была воплощением доброты. Она очень внимательно слушала страдальицу. Успокаивала собеседницу мягким голосом: «Успокойся, сестра. Иди с богом домой, помолись и ложись спать. Все у тебя будет хорошо. Через недельку твои работники вер-

На острове Веры.

нутя с обновами и подарками (муж с сыновьями уехал на заработки и пропал). Прими от меня рублик для деток малых. Ступай с богом, я за вас помолюсь». И верно. Через неделю и на самом деле семья была вся в сборе. Как не прорицательница!

Между тем с возрастом у Веры начинаются провалы памяти, снятся всякие кошмары, иногда бьют припадки. Она стала набрасываться на своих духовных наставниц, бить посуду и окна. Ее связывают, поят отварами целебных трав и святой водой. В моменты просветления Вера, обливаясь горячими слезами, умоляла сестер во Христе отпустить ее на волю вольную, доказывала, что она для них обуза. На воле она заработает на хлеб насущный, а здоровье, глядишь, и поправится.

И вдруг Вера исчезла. В монастыре и соседних поселках поднялся большой переполох. Стали прочесывать окрестные леса, рыбаки сетями и неводами обшарили дно озера. Все напрасно. Три года велись поиски, пока однажды, накануне Петрова дня, на 12 июля, на двух лодках с сетями поплыли тургоякские рыбаки к острову Пинаева, чтоб поймать рыбки на пирог к празднику. Остров этот носил имя сподвижника Пугачева — Пинаева, который во время восстания скрывался там, раненный в ногу. Остров этот пользовался дурной славой.

Стали мужики ставить сети у острова. Стояла сильная жара — «петровский». Неожидан-

но подул сильный ветер и налетели грозовые тучи. Насколько красив Тургояк, настолько и коварен. Волны поднимаются мигом, иногда достигая высоты двух метров. Рыбаки знали это. Берега далеко, а остров Пинаев — рядом. Преодолевая страх и волны, мужички кое-как причалили к острову. Привязанные к ольхам, лодки были тотчас же затоплены волнами. Началась страшная гроза. Сплошной поток воды и градины по голубиному яйцу.

Накатилась темнота, как ночью. Порывы ураганного ветра валили с корнями деревья. Взяв топоры, мужики с душою в пятках пошли вглубь острова, ища укрытия. Вдруг они почувствовали запах дыма. У страха глаза велики. Недаром их с детства пугали этим островом. А в природе творилось невообразимое. Молнии раздирали темноту. Во время очередной вспышки мужики увидели совсем недалеко почти обнаженную женщину, идущую им навстречу. Истлевшая одежда на ней местами была связана узелками. Волосы белели, как снег, и спускались ниже пояса. Им показалось, что на них надвигается нечистая сила. Что им оставалось делать? Кромешная темнота скрыла видение. При следующей вспышке хозяйка острова предстала перед ними в плотную во весь свой огромный рост. Бедняги, стоя на коленях, крестясь и творя молитву, стали просить пощады, обещая покинуть остров. Женщина ласковым голосом успокоила и назвала себя. Это была пропавшая монашка Вера. Она привела незваных гостей к себе в пещеру, где в камине жарко горел огонь.

Вера обогрела мужичков, напоила чаем, отваром листочков брусники в наполовину споревшем ведрке. Радости не было конца. Хозяйке кое-что дали из одежды, поделились продуктами. Просторная пещера, в которой когда-то прятался пугачевец Пинаев, была хорошо приспособлена под жилье. Потолком

Еще один вид острова Веры — на этот раз из пещеры, и луч от фонаря.

служат огромные плиты, которые подпирают семь столбов, сложенных из каменных плиток. Окнами служат четыре маленьких проема-оконца. В пещеру вел длинный узкий лаз. Обитель была так скрытно затаена, что можно было по ней и рядом ходить, не догадываясь.

Наутро погода установилась тихая и солнечная. Сняв сети с рыбой, мужики вернулись домой и поведали людям, кого они встретили на острове. Их известие с быстротой молнии разлетелось по округе. Веру объявили святой, назвав остров ее именем. 16 августа, в день ангела Веры, тысячи людей отправились к ней в гости. Остров в то время отделялся от подножия Пугачевской сопки полоской воды метров в семьдесят. Дно — мелкий желтый песок, глубина около метра.

Картина была трогательной и впечатляющей. Она напоминала святое омовение в иорданских водах. Первыми шли матери с обнаженными грудными младенцами на руках, подставляя их под крестные знамена Веры, ожидающей дорогих гостей на берегу острова. Затем шли больные, убогие, юродивые. За ними все остальные. Вера в этот день всегда вставала раньше обычного, подметала вокруг пещеры, угольком рисовала крестики на скалах и ближних деревьях, развешивала веночки из цветов на ветки. Остров оглашался дружным пением молитв. Гости передавали Вере подарки и гостинцы, получая взамен благосло-

вение и святую воду.

Только раз в году на острове Веры былолюдно и шумно. В остальные дни ничья нога не имела права осквернить этот клочок святой земли. Старые кержаки всегда держали остров под наблюдением, чтоб Веру никто не обидел. Так продолжалось многие лета.

В год Октября, 16 августа, в день ангела Веры к острову прибыло как никогда много народу. Но гостей уже никто не встречал. На острове стояла гробовая тишина, только жалобно пели птицы. Почувствовав недоброе, толпа послала на разведку через пролив несколь-

ких здоровых мужчин с топорами. Взору их открылась мрачная картина. Метрах в десяти от входа в пещеру лежала мертвая Вера. Рядом — вязаночка сухого хвороста для камина. Труп еще не остыл. Следов насильственной смерти никто не заметил.

У кого были лошади порезвей, погнали в Тургояк, быстро сколотили гроб, срубили крест. Оставшиеся тоже не сидели сложа руки. Старушки обмыли покойную, нарядили в дальнюю дорогу, отпели. Мужики в метрах ста сорока к западу от пещеры сделали для Веры вечный дом. Из особого уважения и почитания соорудили склеп в холме. Чтoб в него не попадали вешние и дождевые воды, над входом сделали навес из толстых половых досок. Наверху утвердили крест.

В день похорон Вере исполнилось бы 72 года. Говорили, что она сохранила все зубы и отличное зрение. Люди еще много лет приезжали поклониться праху святой Веры. С началом Великой Отечественной войны у всех появились свои беды и заботы, и о Вере как-то забылось.

Пещера сейчас, конечно, не та. Камин сохранился хорошо. Это просто ниша, выщербленная в каменной стене. Следы склепа заметны. Креста, гроба и мощей давно нет. Остров Веры вот уже много лет являет собой полуостров. Он соединен с подножием Пугачевской сопки. Тургояк со времени Веры на много обмелел.

Евгений ЛОБАНОВ, г. Екатеринбург

Точка на карте Ивдельлага

Гулаговское прошлое на Северном Урале давно и прочно вросло в настоящее. Еще геологом бродя по тайге, я то и дело натькался на старые лежневки. В поселке Полуночное, что севернее Ивделя, стоят аккуратные дома некогда сосланных сюда поволжских немцев.

Первыми, кто появился на севере не по своей воле, были, как пел Галич, «кулаки и лишенцы — самый первый призыв...». Лагерь, вероятно, начал существовать в начале тридцатых годов прошлого века.

Между поселком Третий Северный и развилкой Вижай-Бурмантово течет речка Талица, Талая. Здесь, посреди тайги, и выгрузили зажиточных крестьян, отправленных на север по этапу. Сказали: «Стройтесь». И стали «пришельцы» возводить стены будущего лагеря, в котором им предстояло жить. Позже к кулакам присоединилась молодая женщина из Ленинграда. Ее обвинили в организации убийства Кирова. (Сын ее до сих пор живет в Полуночном). В этом же лагере оказались «враги народа», поволжские немцы... И обычные уголовники — лагерь был смешанный.

Они валили лес. Норма была — 13 «кубов» на человека. В день. Выполнишь норму — получишь доп-паек, но свалишься от изнеможения. Не выполнишь — от голода. Выбора не было.

«Убийца Кирова» — дело молодое — сошлась с кулаком. Пошли дети. А женщины тоже валили лес. И тоже были обязаны каждый вечер отмечаться в комендатуре. Однажды она не успела сделать это вовремя. И ее в сорокаградусный мороз бросили в карцер — с грудным ребенком. Ребенок умер.

*С дороги Полуночное-Вижай остатки этого лагеря не увидеть. Но если перейти Талую вброд напротив скал, пройти немного на восток, а потом повернуть на север, то на пригорке видим длинный каменный карцер.

Он тянется, наверное, на сотню метров. По легенде, что бытует в Полуночном, проектировала карцер женщина-«вольняшка», архитектор. Неясно, каким образом, но чертеж еще не построенного здания попал к блатарям. Те пригрозили отдать чертеж «куму», если женщина за него не расплатится. Расплачиваться ей пришлось собственным телом...

Карцер не давал мне покоя с того времени, как

я увидел его — осенью 1989-го. Позже я не раз описывал его в своих рассказах («На осколках Ивдельлага», «Бесовская» история») и в повести «Север вспомнит о нас».

Карцер строили на века. И, хотя его не пощадило время — на крыше сегодня растут деревья — он еще неплохо сохранился. Я заходил в одну из его камер и смотрел через железную решетку на подернутые золотом осени березы. Несмотря на жару бабьего лета, мне стало холодно.

С другой стороны дороги Полуночное-Вижай стоят серо-белые известняковые скалы высотой в несколько сотен метров. За ними — река. Вокруг — лес. А посередине — поляна, на которой до сих пор не растут деревья. Это бывшая рабочая зона. Кажется, сталинский дух отсюда все еще не выветрился. Во всяком случае, когда мы стояли на этом месте полевым лагерем, ощущения были не из приятных.

Избы охраны у дороги, между жилой и рабочей зонами почти не сохранились. От них остались лишь обгоревшие остовы, возле которых еще можно найти чугунные печные заслонки с пятиконечной звездой.

А на северо-западе, чуть дальше бывшей рабочей зоны, располагается плотина. Красивейшее озеро, гладкое, как стекло, с трех сторон окружено тайгой — высоченными и стройными красавицами-елями. С востока озеро подпирает «створ» — огромные камни, которые, вероятно, на тачках возили сюда зэки.

Сама плотина, вырубленная в скале вручную — не в относительно податливых известняках, а в твердых вулканических породах, при ударе о которые молотком высекаются искры, — имеет ширину метров пять, глубину — больше двадцати.

Зона была ликвидирована в 1961-1962 годах. Видимо, в то же время она была разрушена. Ни бараков, ни вышек сейчас не осталось. Я видел лишь карцер, остатки изб охраны да валявшуюся в траве жестяную пирамидку с пятиконечной звездой. Не знаю, на чьей могиле она когда-то стояла. Надписей на ней не было...

В Полуночном, наверное, еще остались живы люди, сидевшие в этом лагере. Может, кто-нибудь из очевидцев расскажет подробнее про эту маленькую точку на огромной карте ГУЛага?

Игорь СЕМЕНЧИК, г. Екатеринбург

«Враг народа» из 3-го «Б»

У Игоря Викторовича Семенчика, гвардии сержанта в отставке, инвалида войны, много нестаряющихся обязанностей: он член общественного Совета екатеринбургского гостеприимства ветеранов войн и городской ассоциации жертв политических репрессий, автор журналов «Рабоче-крестьянский корреспондент» и «На боевом посту», преподаватель радиотехникума... К тому же он давний и бессменный полпред «Уральского следопыта». На память ветерана неистощима и светла, как воды родника. Мы начинаем публикацию серии его мемуарных этюдов «На перекрестках судеб».

Если вагон пассажирского поезда часто представляет собой своеобразную исповедальню, то госпитальная палата — того лучше. Там рождаются, «выпирают» из памяти всякого рода истории. Вот, например, как эта.

Леня Сохин, ученик 3-го класса «Б» невянской школы № 5 был личностью неординарной. Правда, не на взгляд учителей, а лишь по мнению сверстников, которые единогласно в тот памятный 1937 год признали его чемпионом по «чике».

Эта игра, как эпидемия, распространялась среди младших школьников довоенной поры. Суть ее была проста: на кон столбиком ставились монеты, «решкой» вверх. Надо было угодить в тот столбик, а потом битой переворачивать рассыпавшиеся монеты на «орла». Удачная попытка — и денежки твои. Зоркий глаз, меткая рука и утяжеленная бита (тоже монета) решали исход состязания.

У Лени «орудием производства» был большой пятак красной меди — с вензелем Николая Второго. Вот он-то, страшно подумать, чуть не загубил паренька. А было так.

Неяркое солнце конца апреля чуток пригрело ватагу парнишек, которые собрались за школьным забором для очередного состязания.

Меткий бросок Лени развалил кон. Мальчик присел на корточки, готовясь к следующему этапу. Но поднятая для удара длань замерла на полдороге, перехваченная крепкой мужской рукой. Мальчик поднял голову и увидел директора Рожкова, партизана

гражданской войны, ярого большевика из породы «твердокаменных».

— А ну, вставай, пойдем в милицию, — злорадно бросил он и со словами: «Брысь отседова», обращенными к ленькиным «подельникам», повел мальчика по улице Матвеева, где в двухэтажном доме размещался городской отдел милиции (сегодня там Невьянское отделение ГИБДД).

За столом, покрытым чернильными пятнами, сидел следователь — мужчина лет сорока. В петлицах его гимнастерки поблескивало по одному «кубику». Он, высунув кончик языка, старательно водил по листу бумаги скрипучим пером, поминутно макая его в чернильницу и недовольно ворча что-то себе под нос.

— Макарыч, составляй протокол, — напирая на первый слог, торжествующе произнес Рожков. — Контру привел.

Следователь поднял голову и недоуменно посмотрел на Рожкова.

— Кого, кого? — переспросил он, оглядываясь по сторонам и не видя никого, кроме напуганного мальчугана.

— Да вот, — ткнул в сторону Ленки большим пальцем Рожков. — Ты понимаешь, он в эту, как ее, пику-чику, вот этим царским пятком избивал наши советские деньги! Это же контрреволюционная вылазка! Оформляй его по 58-й статье. Подходящий пункт подберешь. Вот вещдок. — И он с треском выложил на стол злополучный пятак.

— Да ты что, рехнулся малость? — выговорил удивленный следователь. — Этот шпин-

галет, по-твоему, шпион или диверсант? Шпаненок маленько, это точно. Ладно, оформлю как мелкое хулиганство, — твердо заявил он. — Посадить не за что, а родителей штрафанем. За то, что плохо приглядывают. Сыров, — крикнул он в открытые двери, — Сходи за отцом этого «шпиона».

Вскоре Сыров возвратился и доложил:

— Отец евойный не идет. Вот мать пришла, — кивнул на испуганно моргавшую Анну Спиридонову.

— Забирай постреленка, — махнул рукой следователь. И опять уткнулся в бумаги, а Сыров выразительно кивнул на дверь.

Отец Леонида, Игнатий Петрович, трудился электриком на шахте, от Невьянска в паре километров. Высокий, худой, словно жердь, он обладал вспыльчивым характером, был горяч и несдержан. Единственный кормилец семьи из пяти человек, не имевшей никакого подсобного хозяйства и перебивавшейся по этой причине, как говорится, «из кулька в рогожку», нередко награждал подзатыльниками своих чад, особенно старшего, Леонида. И не очень поощрял его хождения в школу, отвлекая детей, по мере их сил и возможностей, на «хозработы».

На другой день — а Игнатий Петрович опять работал во вторую смену — Сыров, почему-то приехавший верхом, хотя от горотдела до дома Сохиных было рукой подать, привез казенную бумагу — уведомление об уплате 75 рублей штрафа.

— Нет у меня таких денег, — заявил глава семейства. — Платить не буду. Если хотите, забирайте Леньку на воспитание, — горячась, произнес он.

Мальчик, лежавший на печи и невольно слушавший переговоры, еще и наблюдал их в дырку от вывалившегося сучка в деревянной стенке.

И когда представитель органов вышел во двор не солоно хлебавши, Ленька шмыгнул с лежанки и, подойдя к стремени коня, на которого, кряхтя, забирался милиционер, умоляюще произнес:

— Дяденька, возьмите меня с собой!

— Брысь отседова! — раздраженно произнес страж порядка.

— Играть в «чику» я не бросил, — улыбается Леонид Игнатьевич Сохин. — А вот мед-

ный николаевский пятак мне, конечно, не вернули. Пришлось искать другую битву.

С грехом пополам одолел он тогда семилетку. А тут — война. Пошел на завод учеником электрика, и оттуда в 43-ем его призвали в армию. Угодил на Дальний Восток, «маленько воевал с японцами», потом вернулся в Невьянск и тридцать лет отрубил электриком на машиностроительном заводе.

В прошлом году ветерану войны и труда Леониду Игнатьевичу Сохину исполнилось семьдесят пять. «Чуток поменьше, чем Невьянску, которому стукнуло 300 лет,» — улыбается он.

Елена АРАПОВА, г. Верхний Тагил

Новые герои демидовской земли

Демидовы прославили Урал тем, что построили здесь множество железоделательных заводов. Это при них Каменный пояс стал железным, стал кузницей, краем металлургов, каким и остается до сих пор.

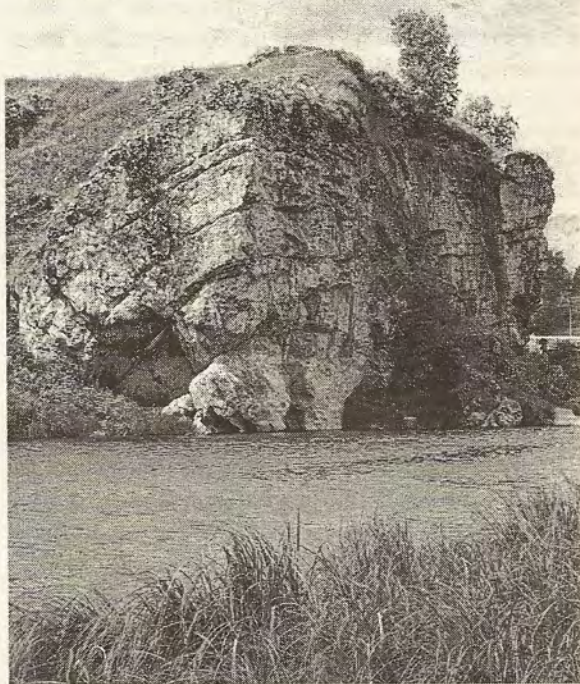
Демидовы умели работать и отлично знали свое дело. В семье тульского кузнеца Никиты не терпели лентяев. Наверно, глава рода не уставал повторять и дома, и в цехе у печи, и у молота: «Работать надо!»

Эти же слова во время нашей беседы постоянно срывались с уст человека, благодаря которому в Шалинском районе, а именно в селе Чусовом, уже второй год подряд проходит фестиваль песенного искусства. Мой визави оказался одним из «виновников» не только отшумевшего фестиваля, но и других добрых начинаний в Чусовом. Оказывается, благодаря ему жизнь людей в этом старинном демидовском уголке сегодня «бьет ключом».

Далекое и близкое

Вначале немного истории. Руководитель школьного музея, Галина Петровна Баглаева, сказала мне, что, скорее всего, село возникло в середине XVIII века. Тогда к берегам реки Шайтанки пришли староверы, которые и поставили первые дома. Поселение это называлось Непряжино. Оно росло, и во времена Демидова было нанесено на личную карту заводчика как местечко Шайтанское, в котором поначалу были построены плотина и две пильные мельницы. В 1726 году, уже после смерти Никиты Демидова, его сын Акинфий дает заявку в Берг-коллегию на постройку здесь передельного завода — то есть завода, превращающего чугунные слитки в железо. Их помещали в кричную печь, а затем подавали под молот.

А выплавляли те слитки на Верхне-Тагильском доменном заводе, и только то их количество, которое успевало пройти через «передел» на месте, отправлялось на Шайтанский завод. От В-Тагила до села Чусового (Шайтанского) напрямую 50 километров, и долгие годы эти населенные пункты соединялись дорогой, проложенной через Уральский хребет, из Азии в Европу. Периодически по ней из

*Шайтан-камень около села.
Отличные места для любителей природы!*

Верхнего Тагила в село Шайтанское шли «железные караваны».

Сегодня этой дороги нет — или почти нет. Осталась она только со стороны села Чусового (Шайтанского), и тянется едва ли не до половины пути, до кордона Кедрового. Дальше надо ехать в круговую, делая не 50, а все 250 километров, совершая четыре пересадки, тратить уйму времени и денег.

Так мы и сделали. Но сюрпризы по приезду на место не кончились.

Поселились мы у одной старушки. В центре ее трехкомнатной квартиры стояла... голландская печь.

Погода в эти дни не жаловала, и печь стала для нас средством спасения. Отопительных радиаторов в квартире не было. На наш вопрос хозяйка ответила: «Давеча поносили все и унесли». Ничего себе! В селе стоят несколько благоустроенных домов и, стало быть, все их обитатели топят печи? В дальнейшем выяснилось, что три здания все-таки отапливаются — это школа, детский сад и администрация. Вода в квартиры подается со скважины. Ладно, что хоть воду не надо носить из Чусовой, которая течет далеко вниз, под холмом, на котором расположены многоквартирные дома.

Когда организм потребовал пищи, отправились в магазин. Батюшки, как все здесь дорого! Гораздо дороже, чем в Екатеринбурге. Кто все это покупает? Ведь в здешнем колхозе, который создали взамен свернувшегося завода, на руки получают всего по 200-300 рублей, а «бумажная» колбаса стоит 41 рубль, баночка кильки — около 20. Все объясняется просто: товары небольшими партиями завозятся из Екатеринбурга, что требует затрат и денежной «накрутки».

И вот, живя в таких условиях, люди затевают фестивали?!

Семинар и фестиваль «Родники культуры»

Да, мы приехали на фестиваль, но угодили еще и на семинар, который был к нему приурочен: «о проблемах сохранения природного и культурно-исторического наследия Урала». Тема, как видим, обширная, но разговор шел по теме образования Природного парка на реке Чусовой и создания рабочих мест. Это неудивительно: большинство за столом составляли сотрудники Центра занятости. Но наш рассказ — о фестивале.

К вечеру все подтянулись на берег реки Чусовой, где еще с прошлого года, со времени проведения первого фестиваля, была установлена сценическая площадка. Вокруг нее расставлены скамейки, оборудованы торговые точки. Все пространство около Шайтан-камня и находящегося рядом висячего моста через реку было заполнено народом.

Поочередно на сцену выходили хоровые ансамбли из ближайших городов и сел. Певицы были

одеты в старинные русские одежды, на головах — кокошники или косынки. Хоры, в основном, состояли из женщин.

Вспомним нашу историю. Собирались женщины в доме у кого-нибудь на посиделки — кто с прялкой, кто с вязкой, кто с полотном для вышивания. Пели, а руки работали. В песнях выражалось настроение, радость и печаль, а поскольку руки были заняты рутинной работой, зачастую и песни были тягучи, как осенний вечер.

Женщины пели, а мужчины-кормильцы на хозяйина работали, а потом еще и на себя. Недосуг им петь было. Разве попоешь возле грохочущего молота? Они были из рабочих людей, приписанных к заводу. А заделье здесь передавалось от отца к сыну, поэтому и не привыкли мужчины петь.

Сегодня жизнь изменилась, и песни тоже; но привычки остались прежними. Вот только гость фестиваля, известный бард Александр Новиков, сразу предупредил, что будет петь для женщин...

Фестиваль ликовал, фестиваль всех провожал овациями. Еще бы! Ведь сегодня из области приехали четыре заместителя министра, чтобы поздравить чусовлян с 275-летием их села. А на завтра вместе с музыкальными поздравлениями будут подарки от соседних сел и городов. Предстоит спортивные соревнования и фестиваль фильмов о реке Чусовой, встреча с кинорежиссером Ярополком Лапшиным, который снимал здесь фильм «Приваловские миллионы». Приедет певица Ксения Георгиади...

Для многих жителей села и его окрестностей фестиваль стал поистине культурным событием.

Село Чусовое.

Василий ИЩЕНКО, г. Екатеринбург

ПЕРВЫЙ ХОЗЯИН «КРАСНОЙ ШАПОЧКИ»

250 лет тому назад верхотурский житель Григорий Посников нашел на Северном Урале неизвестную красную руду, которая по виду напоминала бурую железную. Тогда многие упорно старались выплавить из нее железо, но безуспешно. И лишь спустя 130 лет геологи признали в загадочной красной руде боксит.

Печально сознавать, что, открыв впервые в мире алюминиевые руды, Посников не только не получил заслуженного признания, но и до настоящего времени о его открытии никто не знает.

Город Североуральск появился на карте только благодаря наличию в этих местах алюминиевых руд (бокситов). Официально считается, что их открыл в 1931 году Н. А. Каржавин и назвал месторождение «Красной шапкой» — так как выход боксита на земную поверхность (в районе капитальной шахты N 1) действительно ассоциировался с красной шапкой.

Но в действительности Каржавин не был первооткрывателем этого месторождения. Первым его нашел верхотурский крестьянин Григорий Посников в пору своего скитания в 1752-54 годах в поисках слюды и точильного камня.

Историки и краеведы Урала в течение продолжительного времени считают, что Посников нашел богатые железные руды на реке Колонге, и что его находку перекупил верхотурский купец Максим Походяшин. На базе этих руд и был создан Петропавловский завод (ныне г. Североуральск). Так написано у Чупина, Гривнака и других авторов, но версии не аргументированы документами. Более того, в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) имеются материалы по рудникам и приискам Богословского округа, и в них сказано, что железные руды на Колонге нашел не Посников, а верхотурский мещанин Степан Богомолов. (Об этом писал и краевед Северного Урала М. С. Бессонов). Посникову же принадлежит открытие в этих местах только одного месторождения. Оно расположено «...на восток по течению реки Вагран, на левой стороне, за Сарайной речкой, которая впадала в реку Вагран, подле Даншинской дороги на плоском месте в сосновом лесу, от Сарайной с 1 версту, от Ваграны — 1 верста, от Петропавловского завода — 3 версты, руда крас-

Поиск и разработка руд в старое время.
(Из книги В. Б. Семенова «Малахит».)

ная». (ГАСО Ф. 24, оп.31, д. 6006.)

Жители города, не задумываясь, скажут, что указанное место совпадает с месторождением боксита на Красной шапке.

Если принять во внимание, что Посников первоначально искал точильный камень (а глинозем является хорошим абразивным материалом), то становится понятной и цель открытия этого месторождения.

Боксит сильно похож на бурую железную руду. И нет ничего предосудительного в том, что его принимали именно за руду железную. Даже известный ученый Е. С. Федоров, неоднократно встречаясь с бокситом во время обследования Богословского округа в конце XIX века, принимал боксит за железную руду.

Походяшин, увидев такой камень у Посникова, мог также принять его за железную руду и купить у него авторство на находку месторождения. Но, не имея разрешения от Берг-коллегии на поиск руд для заведения своего завода, Походяшин не мог заявить о находке руд и отдать их на испытание. Видимо, только после совершения сделки он и обращается в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему заниматься «приисками всяких руд и минералов». Приняв во внимание, что разрешение от Берг-коллегии Походяшин получил в 1753 году (ГАСО Ф. 24, оп. 12, д. 3125) и учитывая время, не-

обходимое для оформления разрешения, можно считать, что месторождение было найдено Посниковым не в 1754 году; как предполагают некоторые авторы, а в 1752-м. (Хотя точную дату нахождения месторождения установить невозможно, так как оно не было заявлено).

Обнаружение боксита Посниковым признает и сам Каржавин. В своей книге «Красная шапочка» он сообщает, что на месторождении имелась старинная обрушившаяся шахта, которая, по его мнению, была разработана Посниковым.

В последующие годы, когда выяснилось, что из руды этого месторождения невозможно получить железо, его оставили в покое. Но в 1766 году на Петропавловский завод для поиска цветных камней приезжает гранильных дел мастер Семен Ваганов и обращает внимание на яшмовидный боксит, приняв его за красный мрамор (ГАСО Ф. 770, оп. 1, д. 7). Начинается интенсивный поиск больших массивов мрамора в местах простираения боксита (ГАСО Ф. 770, оп. 1, д. 423). Разведкой занимаются в разные годы специалисты из Экспедиции по поиску цветных камней, в том числе итальянский мастер Валери Батисто Тортори, «надворный советник и кавалер» Александр Раздеришин, «архитектурный ученик» Василий Яковлев.

Как и с железной рудой, эпопея с мрамором закончилась безрезультатно. И вновь месторождение осталось не востребованным, если не считать добычу боксита местными жителями для изготовления краски.

Даже знаменитый ученый Мурчисон, побывав в 1840 году на Богословском заводе, принял боксит за яшму.

Капитан Карпинский в 1940 году публикует статью в горном журнале по результатам обследования Богословского округа. На одном из планов он показывает Посниковское месторождение, но называет его Благовещенский железорудным месторождением. Сообщение в популярном журнале вызвало повышенный интерес специалистов. Геологи с промежутками в 15-20 лет вновь и вновь обследуют месторождение с загадочной красной рудой, которая не поддается плавке. До начала XX века никто из геологов так и не смог догадаться, что перед ним не железная, а бокситовая руда.

Когда появилась острая необходимость в крылатом металле, геологи усиленно стали искать бокситовые руды по всей стране. На поиск были брошены лучшие специалисты. Занимался поиском под руководством В. И. Вернадского и знаменитый академик А. Е. Ферсман. Он приезжал для поиска и на Урал, но только на Западный его склон.

Геологам все-таки удалось найти несколько месторождений боксита, но они оказались бедными. Начальник Уральского геологического управления Б. В. Дидковский на всякий случай рассылает об-

разцы боксита по всем своим геологическим базам. Каржавин также ознакомился с образцом и через некоторое время заметил в отвалах одного из шурфов Богословского округа камешек красной руды, аналогичный полученному образцу. После тщательного испытания красной руды было установлено, что это богатая бокситовая руда. Отыскать само месторождение не представляло особого труда, так как все проявления руд были описаны еще Федоровым. Когда Каржавин приехал на бывший Петропавловский завод, местный лесник Ожегов сразу отвел его на месторождение.

Сейчас Североуральские бокситовые рудники переживают трудное время: добыча руды ведется с больших глубин, и стоимость боксита получается высокой. К тому же открыто Тиманское месторождение боксита с большими запасами и с добычей его открытым способом. Поэтому приятно сознавать, что даже при такой конкуренции месторождение боксита, открытое 250 лет тому назад, продолжает снабжать промышленность Урала алюминием.

Приходится только сожалеть, что найденное Посниковым первое в мире месторождение алюминиевых руд так и не получило статуса «первого в мире». Возможно, жители города, хотя и на закате существования Североуральских бокситовых рудников, отдадут дань памяти открытию Посникова.

Владимир ГОЛДИН

Поэт Февральской революции

Иду по улице Разгуляевской (ныне — Гоголя), одной из центральных в Екатеринбурге. В наше время она обрела международное значение — здесь уютно расположились сразу три иностранных консульства.

Улица даже по теперешним временам — тихая. А как было в конце позапрошлого века? Конечно, было пыльно и грязно — в зависимости от погоды. Но здесь всегда жили люди состоятельные. Иду. Переступаю гравий. Перепрыгиваю через ямы. И вот желанный дом № 18. Сейчас здесь коммунальные квартиры, во дворе дрова и все удобства. С позволения хозяйки на одной из квартир переносусь в XIX век. Кажется, что дышу его воздухом, ощущаю недосыгаемость потолков и представляю, как в этом просторстве дома бегал мальчик, будущий поэт, — резвясь и хохоча, радуясь своей молодости и неопределенности бытия.

Хозяином дома был врач Владимир Станиславович Буйницкий, специалист по внутренним и нервным болезням. Хотя он и был врачом, но застраховаться на вечную жизнь не смог. Вдова продала дом на Разгуляевской. В него вселились другие люди, сменилось несколько поколений. И теперь жильцы ждут, когда же дом снесут. Я смотрю на него с тоской потому, что с его уходом исчезнет что-то памятное, чего будущие горожане даже и представить себе не смогут.

Тот мальчик, чье детство прошло на Разгуляевской, не пошел по стопам отца-врача, отца, а стал книголюбом и поэтом.

Владимир Владимирович Буйницкий родился 26 февраля 1881 года в уездном городке, но с претензией на столичность. То есть в Екатеринбурге. Его всегда называли столицей горного Урала.

Поначалу Владимир стал книгопродавцом.

Г. В. Сегалин пишет портрет В. В. Буйницкого.

В 26 лет он создал на Главном проспекте свой книжный магазин, в котором продавалась популярная литература для крестьян и рабочих. Здесь можно было заказать библиотечку стоимостью от одного рубля и дороже.

Однако владелец чем-то не угодил властям своей торговлей, и магазин был закрыт в сентябре 1907 года по распоряжению губернской администрации — без дополнительных разъяснений. Но любовь к книге Буйницкий сохранил до конца своих дней. Как вспоминал известный краевед и писатель Евгений Петряев, он мог при людях осадить любого, кто небрежно к ней относился.

Когда свершилась Февральская революция, Буйницкому исполнилось 36 лет. Он был уже сложившимся поэтом и человеком. Буйницкий воспринял Февральскую революцию, как и почти вся российская интеллигенция, восторженно. Он искренне считал, что только буржуазно-демократические перемены в России принесут долгожданную политическую свободу. Но Буйницкий не был революционером и борцом, а был поэтом-лириком, со своим образным видением мира.

В стихотворении «Расплавилась снега» он писал:

Расплавилась снега... В огнях печальной дали...

Для страсти пламенной разбужена земля...

Октябрьский переворот Буйницкий не принял. Он остался поэтом февральской революции.

С первых же дней Советской власти на страницах городских, областных газет и журналов стали публиковаться стихи пролетарских поэтов, отвергнувших лирическую поэзию и прославлявших фабрично-заводской гул, вождей всех рангов, производственные победы пролетариата, которые никак не перерастали из увеличивающихся объемов производства в качество жизни человека. Поэт З. Светаев в 1922 году в газете «Уральский рабочий» писал: «Люблю этот скрежет машинной пасти,/ Люблю эти стуки, лязг, шум.../ Ведь это влияние Советской Власти/ Железная мудрость суровых дум».

Новых поэтов и новую поэзию Буйницкий воспринял с иронией, держался с ними независимо и порой даже надменно. По словам того же Е. Петряева: «Вел острую борьбу, не стесняясь в эпитетах, доказывал, что невозможно писать «плоше и гаже их». Поэты нового строя ответили ему открытой враждой. Буйницкого в советский период в официальной прессе не публиковали, но поэт трудился и регулярно, пока позволяла политическая обстановка, выпускал тиражом 300-500 экземпляров свои произведения. Известны четыре книги его стихов: «Гимн духу», (Екатеринбург, 1918 г.; поэма посвящена памяти «великого интеллигента», — как выразился Н. К. Буйницкий, — Михайловского); «Осеннее», (Екатеринбург, 1922г.); «Я — распятый» (Екатеринбург, 1924); «В предвечерний час» (Свердловск, 1927). Все книги поэта нашли (и это важно) отклики в прессе. Пусть это была самая предвзятая классовая оценка, но его поэзия была замечена. Первая книга — «Гимн духу» — по-видимому, потеряна навсегда. Вторая — «Осеннее» — обнаружилась в Новосибирске. В журнале «Сибирские огни» читаем: «Заглавия стихотворений говорят сами за себя: «Страна невыплаканных слез», «Засветится ли душа?», «Но проснется ли вновь?», «Душа скорбит»... Трудно найти другое столь же рвотное снадобье». Рецензент заключает: «Вся книжка — подлинная «гримаса НЭПа».

Были рецензии на книги Буйницкого и в газете «Уральский рабочий». Так, Н. Шушка-

нов 14 октября 1922 года по поводу того же сборника «Осеннее» писал: «В книге 46 стихотворений, и в любом читатель непременно услышит рыдания — у автора все рыдают: и чайки, и море, и лес, и метель, и земля, и ветер, но больше всего душа...». Трудно поспорить с рецензентами, поскольку эту книгу практически невозможно найти.

15 мая 1927 года, в той же газете Вас. Томский опубликовал рецензию на сборник «В предвечерний час». Автор хотел скорее оскорбить В. Буйницкого, чем дать объективную оценку его творчества. Томский писал: «Интеллигент, оторвавшийся от жизни, помещански не признавший новой действительности, не затронутый никакими свежими эмоциями, мелко индивидуализировавшийся обыватель, замкнувшийся в маленькой скорлупке сожаления об утраченном, грусти о своей бескрылости, — он напрасно говорит о себе «я тоскою есенинской болен».

Заключение и вовсе хулиганское: «Тем же, в чьих жилах горячо пульсирует не фальсифицированная, настоящая, красная, густая кровь, — тем рекомендация в два слова: попадетесь — разорви!»

Но не все книги поэта были уничтожены людьми с «красной, густой кровью» в жилах. В областной научной библиотеке им. Белинского сохранились два сборника Буйницкого: «Я — распятый» и «В предвечерний час».

Современники поэта, воспринимавшие поэзию не через классовую призму, отзывались о творчестве Буйницкого совсем по-другому: «Да, он распят. И его Голгофа — Жизнь, и его Крест — Тоска о Красоте, о прекрасной, неуловимой Синей Птице, о которой знают многие, но лишь избранные тоскуют смертельной тоской...». И далее во вступительном слове к сборнику «Я — распятый» Б. Нешкодный пишет: «На кресте тоски своей о Прекрасном благословил он Природу, и она, нашедшая в нем певца своего, овеяла его сердце «цветением нежных роз».

У нас есть возможность заглянуть в следственное дело. Человек, родившийся в феврале, искренне принявший лозунги Февральской революции, был арестован 14 февраля 1938 года — символично для Буйницкого, который интересовался проблемами мистики.

На допросе Владимир Владимирович, в момент ареста скромный делопроизводитель, служащий конторы «Утильсырь», заявил

следователю: «В период Октябрьской революции я считал, что только эсеры смогут возглавить революционное движение и повести за собой массы. В эти годы я писал стихи исключительно об эсеровском движении, желая воспитать читателя в этом же духе. Все свои силы и познания я направил на пользу социал-революционеров. Октябрьскую революцию воспринял враждебно. Антисоветское мое настроение проявлялось и в следующие годы существования Советской власти. Писать в духе советской действительности было не в моем духе, я мог писать и писал только о событиях февральской революции.

Все хорошее, умное в России подвергается гонению со стороны власти, народ держится только насилем. На современных писателей и литературу я смотрел, как на плоды политики принуждения» (Государственный архив административных органов Свердловской области. Фонд 1, опись 2, дело 23140, том 1, лист 145).

В годы советской власти людей арестовывали и за менее откровенные высказывания. Чистосердечное признание Буйницкого не оставляло поэту февральской революции шансов на жизнь. Буйницкий был расстрелян 7 июня 1938 года. Далее пошли десятилетия забвения, имя поэта было запрещено даже упоминать в прессе.

Время сменило политическое устройство в нашей стране. Люди становятся все более терпимы к мнению и взглядам других. Поэт В. Буйницкий выразил свое отношение к жизни и понимание Природы. А его талант зародился здесь, в небольшом деревянном доме на на улице Разгуляевской, 18...

Изображения Буйницкого нами не найдено. Воспроизводим снимок из книги Е. Д. Петерева «Записки киниголоба» (Киров, 1978).

Владимир Буйницкий

Я

Я гаммой жизни предельно полн.
Я — в звонах жизни. Я — в красках моря.
Я — в неусыпном кипении волн...
Я — в гневе бури. Я — в скорби, горя.
Я — одинокий, как в море челн.
Я — бурно гневный. Я — дух мятежный.
Я — нежный поток огня...

Я — грустно-томный. Я лирик нежный.
Я — луч закатный в мерцании дня.
Я — весь весенний. Я — грез цветение.
Я — хмельно-буйный. Я — лета зной.
Я — дней осенних — тоски томленья.
Я — зимних сумерек покой.

Осенний вальс

Опять идет осенний, тихий вальс,
Где листья шелестят, как в легком танце
платья.

А ветви голые, как встречных рук объятия,
В истоме трепетной в час сумрака дрожат.

Томящей негою осенний дышит сад.
О чем поют в хрустальных днях ветра,
Завивши вдруг листву, как в яростном
самуме?

Смогу ли сердца грусть забыть в немолчном
шуме,

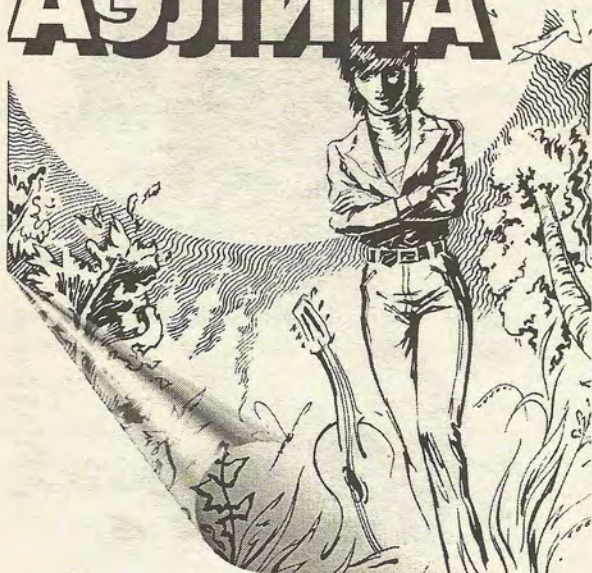
Когда листья летят с утра и до утра?
И снова тишина.. Л лишь слышен тихий вальс...
И сердце ранено опять его печалью.
Завесит скоро дождь даль серую вуалью
И напоит тоской заплаканный мой сад.

А листья блеклые все вновь и вновь летят.

Центр Екатеринбургa в 20-е годы.

АЭЛИТА

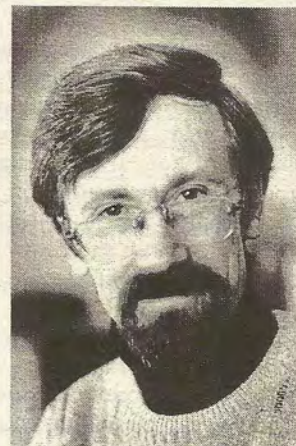

Сергей РОДИН
«Чему равна вероятность»
Николай БОРОВЫХ. Стихи
Петр СУЛЬЖЕНКО
«Похороны», «Маквала»
Лариса ЛИСЮТКИНА. Стихи
Сергей РАТУШНЫЙ. «Передача»
Наталья БУРДИНА. Стихи
Сергей ИВКИН. Стихи

29.09.02 г. умер Анатолий Леонидович Решетов — прекрасный русский поэт, большой мастер поэтического слова. В февральском номере «Уральского следопыта» за 2002 г. в рубрике «Литературное течение «Добрьяне» мы познакомили вас, уважаемые читатели, с, как оказалось тепере», последней подборкой стихов, увидевших свет при жизни этого автора. Судьбе и творчеству Алексея Леонидовича будет посвящена обширная статья в одном из ближайших номеров нашего журнала. А сейчас предлагаю вам познакомиться с последними стихотворениями Решетова.

Первое написано этой весной, в апреле, после выписки поэта из больницы. Отсюда его пафос и жизнерадостность.

Второе датируется 26-м сентября. Оно полно болью. Но болью не за себя, а за Русскую Деревню, столь милую его сердцу, столь родную.

Петр Родимов.

Я думал, уж не доживу до весны,
Но вот наступила весна.
С таким изобилием голубизны,
Что всем ее хватит сполна.

Как мальчик и девочка, два ручейка
Бегут и поют в унисон.
Их ждет — не дождетя большая река.
Что было с ней — явь или сон?

О как под покровом своим ледяным
Порой трепетала она
И думала — не доживет до весны.
Но вот наступила весна!

Опустела, одичала,
Почернела от тоски,
А какой была сначала
Деревенька у реки!

Там на каждом женском теле,
От велика до мала,
Колыхались, шелестели
Юбки, как колокола.

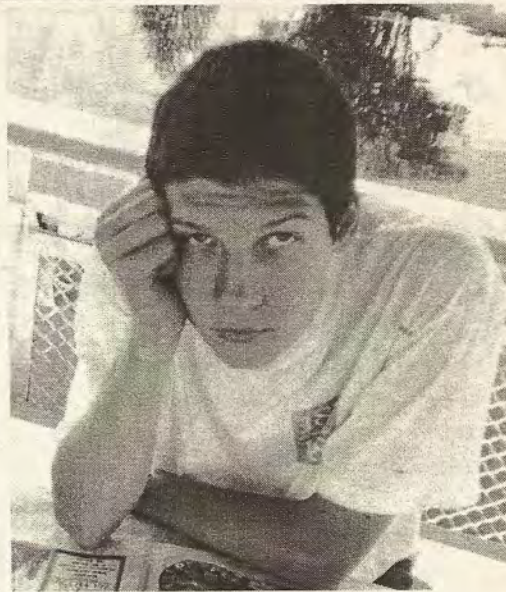
И мужчины тоже были
Хороши, как на подбор
И пахали, и косили,
И без робости ходили
На медведя в зимний бор.

А теперь ушли куда-то,
Разбежались, разбрелись
Поспешили депутаты
Перестроить нашу жизнь.

Поспешили, порешили
Хлебороба-мужика...
На пока, на время или
На несчетные века?..

Сергей РОДИН

Немного о себе: я родился в Санкт-Петербурге, но сейчас живу на Дальнем Востоке, в небольшом городе Благовещенске (Амурская область). Учусь на первом курсе Амурского государственного университета, факультет Математика и Информатика, специальность Автоматизированные системы управления. Кроме литературы увлекаюсь музыкой (по большей части тяжелой), играю в одной из местных групп (одним из основателей которой я и являюсь). Музыкой начал заниматься сравнительно недавно, два года назад, гораздо позже, чем литературой.

Чему равна вероятность

1.

Маг Вункам Киваль приподнялся со своего роскошного ложа, установленного между лопаток гигантского жука, и оглядел равнину. Это была скудная на растительность местность, покрытая песчаными и каменистыми холмами, изредка кое-где можно было встретить островки высокой желтой травы и столбы безлиственных деревьев. На западе долина заканчивалась отвесными стенами скал, на востоке переходила в непрерывную гряду холмов, идущую до самого горизонта.

С высокого холма, на котором беспокойно топтался жук Киваля, открывался обширный вид. Вдалеке, там, где заросли желтой травы росли наиболее густо, можно было заметить темные строения поселка.

Киваль положил ладонь на выгнутое кверху роговое образование жука, успокоил насекомое, а затем достал из складок яркой мантии оптическое устройство. Надев его на голову, маг сфокусировал линзы и внимательно изучил поселок.

Совсем близко, как будто он находился от них на расстоянии вытянутой руки, Киваль видел невысоких смуглых людей, занятых работой. Их волосы были выкрашены в густой черный цвет; худые тела закрывали длинные серые туники. Некоторые из людей усердно обрабатывали склон холма, другие стояли рядом с приземистыми, широкими хижинами. Небольшая группа энтузиастов во главе с человеком, держащим в руке зеленый жезл, рыла канал от маленькой речушки, протекающей рядом, к примитивному устройству орошения. Киваль с интересом наблюдал за тщетными попытками сдвинуть огромный обломок скалы — через мгновение зеленый жезл взлетел вверх и из его конца вырвался тонкий пучок света. Скала разлетелась вдребезги, множество осколков устремилось

вверх мощным фонтаном. Человек опустил жезл и махнул рукой. Работа возобновилась.

Чуть дальше засеянного злаками поля два человека чинили стальные сферы, стоящие на земле. Еще одна сфера, вероятно работающая, парила в воздухе невысоко над травой. Сквозь круглый люк были видны движущиеся в разные стороны механизмы. Маг внимательно осмотрел эти странные конструкции, но ни к какому выводу не пришел.

Насекомое Киваля уселось на задние четыре лапы и издало трубный звук. Вункам Киваль раздраженно сжал роговое образование — жук жалобно запищал и принял походное положение. Все его шестнадцать ходовых лап вцепились в землю, а копьеобразные лопатки передних рук выжидательно замерли. Киваль поправил мантию, устроился в ложе и положил руки на нервные окончание насекомого. Роговые образования выгнулись, подвинулись вперед и теперь походили на обтянутые хитином рычаги. Киваль развернул жука вправо и оглядел остатки своего отряда.

Отряд мага состоял из тридцати человек, сидящих на девяти больших жуках. На каждом жуке были установлены специальные крепления, в которых помещались наездники. Яркие, пестрые одежды Мастеров смотрелись смешно в сочетании с темно-зелеными и болотными цветами учеников и подмастерьев.

— Мы отправляемся в поселок, — оповестил после некоторого раздумья Вункам Киваль. Подав знак, он повел отряд вниз по склону.

Его жук, самый быстрый и сильный из всех, отлично натренированный, вырвался далеко вперед. Большие хвостатые жуки ели поспедали за ним. Глядя на высокое облако пыли и песка, поднимающееся за жуком мага и летящее прямо на отряд, Шон Стимблер, командир воинов мага, произнес:

— Почему бы ему не создать каждому из нас персональное средство передвижения? Мне уже порядком надоело глотать пыль...

— Обратись к нему с этой просьбой, возможно, он рассмотрит ее, — заметил Герлим Нур, Искатель Информации.

— Я считаю, что воин просто обязан иметь собственную жука: это мера безопасности, расширяющая, к тому же, боевые возможности... — проворчал Сtimbлер. С выражением тоски и ярости он натянул на лицо защитную маску.

— Никто не просил тебя терять свое насекомое в бою. Ты мог быть гораздо осторожнее и аккуратнее, — сказал Нур.

— Никто не просил нас спускаться в то чертово ущелье! Мы потеряли там почти все припасы и половину оборудования!

— Никто не мог предугадать случившееся, вероятность нападения была равна нулю целых девять тысячных процента, — сказал Нур.

Сtimbлер злобно сверкнул глазами.

— Думаю, что имевшейся информации было достаточно для того чтобы получить подробный временной отчет — вплоть до деталей. Но кто-то отнесся к своей работе недобросовестно, и в результате мы понесли чудовищные потери!

— Слишком много переменных, нет стабилизации, — спокойно сообщил Герлим Нур.

Сtimbлер нахмурился. Он взглянул вперед, сквозь летящий в лицо шлейф пыли.

— Какова вероятность получения нового жука?

— На данный момент?

— В ближайшие двадцать часов.

— Хм, — Герлим Нур задумался, — даже не сопоставляя произошедшее с логическим рядом событий, это составит пять десятитысячных процента.

Сtimbлер чертыхнулся.

— С тем же успехом я могу сейчас умереть от удара молнии или утонуть в реке!

— Вероятность удара молнии составляет три миллионных процента. Как ты можешь видеть, это гораздо меньше, чем...

— Ты насмеяешься надо мной? — Сtimbлер раздраженно взглянул на Искателя Информации. Тот пожал плечами.

— Я всего лишь сказал тебе данные.

— Меня уже мутит от твоих данных! Скорее бы оказаться на месте и уйти куда-нибудь подальше!

— Мы можем прервать наше общение.

— С удовольствием.

Шон Сtimbлер отвернулся и начал глядеть в другую сторону. Постепенно его мыслями овладело отчаяние. Трястись со скоростью черепахи вместе со всяким сбродом, от магии которого нет никакой пользы, да еще испытывать эти ужасные мучения! Тогда, когда он мог бы лететь со скоростью ветра на своем собственном персональном жуке!

Шон тяжело вздохнул и насутился. Разум его искал решение — и не находил. Как заставить мага вырастить еще одного жука? Указать на острую необходимость? Но Киваль его и слушать не захочет. Отступление Сtimbлера в проклятом ущелье, так необходимое для спасения жизней, было оценено магом как трусость. Сtimbлер еще раз тяжело вздохнул.

Когда отряд наконец остановился у подножья холма, командир воинов неловко спрыгнул на землю и начал разминать свои негнувшиеся ноги. Его подчиненные — десять хорошо вооруженных солдат в коричневой форме, подпоясанные широкими кожаными поясами, за которыми торчали кинжалы, — подошли к своему предводителю и построились в шеренгу. Шон Сtimbлер скомандовал: «Вольно», приказал быть в полной готовности и пошел вперед по каменистой гряде, на вершине которой стоял маг Киваль. Подойдя достаточно близко, Сtimbлер нерешительно замялся.

Через некоторое время Киваль перевел взгляд от ворот поселка на него:

— Сtimbлер? Ты что-то хочешь со мной обсудить? — спросил маг.

Сtimbлер кивнул. Его глаза рассеянно шарили по бледному лицу с прозрачной кожей, под которой, казалось, можно было разглядеть кости черепа и кровеносные сосуды с синей кровью — Вункам Киваль не был человеком.

— Я хотел бы обрисовать сложившуюся проблему, — сказал Сtimbлер.

Киваль вопросительно поднял брови.

Сtimbлер с большим воодушевлением начал говорить о том, что потеря жука в недавнем бою — чистая необходимость, вызванная неожиданными событиями, и он был бы рад, если бы у него появился хотя бы еще один жук, так как охранять отряд без боевых жуков — задача довольно трудная.

— Мне и моему помощнику Ратчу Норваду просто необходимы индивидуальные средства перемещения. А если бы вы создали жуков с дополнительными боевыми клешнями или, может быть, щупальцами, это было бы просто великолепно! — закончил Сtimbлер.

— Я скажу тебе свое мнение: сейчас я не могу тратить драгоценные силы на какие-то нелепые затеи. Боевые жуки — прерогатива опытного воина, каким я

тебя не считаю. Можешь идти, — сказал Киваль и снова посмотрел на ворота. От них в сторону отряда направлялись два человека в серых туниках; один из них нес в руках зеленых жезл.

— Постой! А как же меры безопасности!? На нас могут напасть снова, а без боевых жуков мы бессильны! — воскликнул Стимблер.

— Когда мы вернемся домой, я поставлю на твое место Ратча Норвада, а тебя сделаю его помощником. Возможно, тогда, если Ратч хорошо себя покажет, я выращу ему боевого жука, — заметил Киваль и сделал нетерпеливый жест рукой, — сюда идут люди. Уходи, либо стой молча.

Шон в ярости заскрежетал зубами. Высокая неподвижная фигура мага вызывала у него презрение. Отойдя пару шагов в сторону, командир воинов сел на камень.

Два человека между тем подходили все ближе и ближе. Один из них был мужчиной среднего возраста, с широким скуластым лицом и абсолютно лысым черепом, который покрывал бронзовый загар. Его спутник отличался от него только женскими чертами лица и красивым ожерельем из когтей на шее. Присмотревшись внимательнее к нему, Стимблер понял, что это женщина, вернее, молоденькая девушка, с необычайно развитой мускулатурой и неподходяще широкими плечами.

— Кто вы и зачем вы появились в Бригадной долине? — спросил мужчину у мага.

— Я — маг Вункам Киваль Инодорис Нирчил, а те люди у меня за спиной — мой отряд. Мы появились в ваших краях по необходимости, — ответил Киваль.

— Я — Терван, Начальник Бригады. Это моя жена Лизиан. Чем была вызвана такая необходимость? Бригадная долина — место, закрытое для иноземцев, — сообщил мужчина. Зеленый жезл в его руке выглядел вполне безобидно.

— Недалеко от вас располагается Ущелье Ги, которое мы пытались миновать. К сожалению, нам это не удалось. Кто-то поставил засаду у самого выхода, — Киваль выглядел немного взволнованным, — возможно, вы знаете, чьих это рук дело?

— Засада? Первый раз слышу. Население Бригадной долины не покидает своей территории, поэтому мы не имеем понятия о людях, живущих вне ее. Приходящих сюда чужеземцев мы сразу же прогоняем, даже не расспрашивая, откуда они, — сообщил Терван, и его жена, стоящая рядом с ним, согласно кивнула.

— Мы тоже не знали о существовании этой долины до сегодняшнего момента. Ущелье Ги открывает кратчайший путь домой. Но в этот раз обстоятельства сложились иначе, и мы не смогли пройти засаду, — сказал Киваль. Начальник Бригады равнодушно скользнул взглядом по большим контейнерам, поклаже, сгрудившимся внизу людям, жукам. Яркие

одежды Мастеров мелькали тут и там; по рукам ходили фляжки с водой; негромко говорились простейшие заклинания, снимающие усталость.

— Я могу узнать, почему вы не прошли засаду? Вы вели бой? — спросила женщина.

— Засада была поставлена очень грамотно. Мы даже не видели противника — только летящие со всех сторон стрелы и пурпурные лучи энергии. Мы были атакованы так неожиданно, что почти не создали сопротивления. Пришлось отступить.

— Каковы были потери?

— Десяток человек и оборудование. Вообще-то ничего важного.

Терван кивнул.

— Те знания, которыми я обладаю, подсказывают мне, что нападавшие могли уйти из ущелья — та добыча, что они захватили, требует разделения. Невыгодно ждать следующих путешественников с награбленной долины и пройти через Ущелье снова...

— Увы, это невозможно. Путь через Ущелье Ги закрыт навсегда — отступая, мне и моим Мастерам удалось применить одно мощное заклинание, которое полностью разрушило скалы и завалило камнями проход, — сказал маг.

Наступило долгое молчание. Шон Стимблер настороженно наблюдал за реакцией пары: мужчина и женщина молча переглянулись и погрузились в размышления.

— Я не вижу для вас иного выхода: вы должны повернуть назад и вернуться туда, откуда пришли. Там вы сможете найти другие дороги к вашему дому, — наконец произнес Начальник Бригады.

— Мы проделали огромный путь. Это, — Киваль показал рукой на своих людей, — лишь небольшая горстка того, что у меня было вначале. Повернуть назад равносильно самоубийству.

Мужчина пожал плечами.

— Я не вижу иного выхода, — повторил он.

— Мы должны пересечь вашу долину и выйти с другой стороны. Если вы позволите это нам, мы будем спасены, — сказал маг.

— В Бригадную долину нельзя входить иноземцам. Это древнейший закон, который не обсуждается.

— Каковы предпосылки этого закона? — спросил Киваль.

Терван нахмурился.

— Это место принадлежит Бригаде. Никто кроме Бригады не должен появляться здесь.

— Мы лишь пройдем по территории.

— Нет.

— Неужели мы не сможем договориться? — спросил Киваль.

— Никаких договоров. Никаких соглашений. Закон нельзя переступать.

Вункам Киваль обвел взглядом камешные стены поселка, за которыми виднелись покрытые жестью

крыши домов. За этим местом открывалась другая долина, иссеченная речными руслами; близкие скалы Бригадной долины закрывали большую часть обзора. Бригадная долина не так уж и велика — поселок занимает где-то одну десятую ее часть, и отряду нужно пройти совсем мало.

— Мы должны найти решение этой проблемы, — проговорил маг.

Терван сохранял непроницаемое выражение лица.

— Я сказал все. Если у вас больше нет никаких мыслей, то прошу вас уйти с нашей земли.

— Вы не сможете нас заставить, — заявил Киваль.

— Не вынуждайте нас это делать. Уйдите, — сказала женщина.

— Что делать? Что вы сможете предпринять? Мои солдаты и жуки в одно мгновение уничтожат весь ваш поселок!

— Повсюду в долине установлены лучевые пушки. Они управляются дистанционно, нажатием клавиши. Хорошо подумайте над этим, — сказал Начальник Бригады.

— Откуда мне знать, что это правда? — спросил Киваль.

— Вы сможете узнать истину, если не выполните наше условие. Только нужна ли вам истина, приобретенная таким путем? — спросила женщина и покачала головой. — Решайте сами.

Киваль начал высказывать все признаки плохо скрываемого волнения.

Шон Стимблер поднялся со своего места и встал рядом с ним.

— В чем дело? Почему бы вам просто не помочь нам? — спросил он.

Терван удивленно взглянул на него.

— Помочь? Что вы имеете в виду?

— Оказание помощи — одно из главных достоинств разумного существа. Докажите нам вашу разумность, — Стимблер незаметно положил руку на пояс, рядом с кинжалом.

— Мы не нуждаемся в этом. Думаю, разговор окончен. Если к концу этого дня вы не покинете территорию Бригадной долины, то лишитесь жизни, — пара молча развернулась и пошла по направлению к воротам.

— Стойте! Выслушайте еще один аргумент! — крикнул Стимблер, но Киваль раздраженно остановил его.

— Пусть возвращаются в свою грязную дыру. Общение ни к чему не привело. Но у меня в запасе еще достаточно средств, чтобы заставить их изменить свои дурацкие законы! — маг начал спускаться вниз. Шон Стимблер заспешил за ним.

2.

Совет Мастеров собрался в только что разбитой палатке Вункама Киваля. Шон Стимблер, командир небольшого отряда воинов, устроился у самого входа.

Постепенно палатку наполнили люди. Ратч Норвад, правая рука Стимблера, попытался, было проникнуть внутрь, чтобы присутствовать на столь важном совещании, но Шон грубо вытолкнул его наружу, приказав следить за обстановкой. Ратч угрюмо подчинился: разместив воинов на каменных грядках вокруг, он осторожно пробрался к палатке, встал на брошенный кем-то у самого края ее полого бочонок и заглянул в крошечное окно, занавешенное парчовыми тканями.

— ...Исходя из наших ограниченных средств, я смоделировал возможные решения проблемы, — говорил Герлим Нур, Искатель Информации, — прежде всего я спросил себя: есть ли еще какой-нибудь путь домой? Вероятность, что есть — десять процентов. Затем я спросил себя: если вероятность десяти процентов подтвердится, будет ли этот путь короче, чем путь через Бригадную долину? Вероятность этого — тысячные доли процента. Следующий вопрос, поставленный мной, был: если эти тысячные доли процента подтвердятся, сможем ли мы невредимыми добраться до дома? Здесь мой разум попал в ловушку: возможные варианты событий захлестнули его. Я решил больше не возвращаться к этому...

— Расскажи мне о решениях, найденных тобою, — попросил Киваль.

— Эти решения можно разложить на три типа: решения типа А — чисто теоретические, решения типа Б — чисто практические, и решения типа С — смешанные, теоретически допускающие практическую возможность их выполнения, — Нур хотел говорить дальше, но маг прервал его:

— Перейдем сразу к типу Б, — сказал он.

— Что же, как хотите. Насколько мне помнится, я не слишком преуспел в типе Б.

— Но что-то ты вывел?

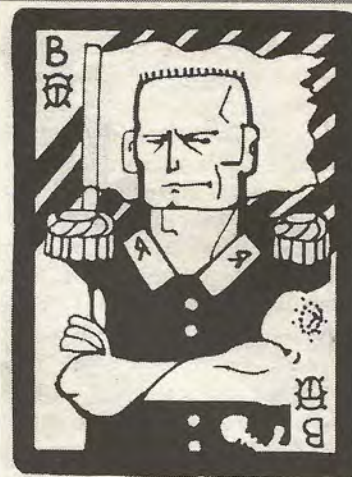
— Да...Несколько очевидных поступков, к которым не стоит привлекать внимания.

— Огласи их.

— Я не считаю, что...

— Расскажи нам об этих действиях, я приказываю! — скомандовал Киваль.

— Хорошо. Первое, что мы можем сделать — попытаться договориться еще раз. Этот раздел включает в себя множество возможностей: подкуп, дань, мирное урегулирование путем убеждения, показ силового

превосходства и многое другое. Второе — физическое столкновение. Мы нападём на них и с боем прорвёмся через долину. Но тут вероятность событий так же совершенна случайна. Третье — мы повернем назад, туда, откуда пришли, и уйдем. Что последует за этим вариантом, сказать трудно, скорее всего — смерть. Четвертое — мы вернемся в Ущелье Ги и попытаемся восстановить разрушенный проход. Пятый раздел содержит в себе такие возможности, как: роспуск всего отряда; становление рабами Бригадной долины; становление гражданами Бригадной долины; основание собственного постоянного лагеря где-нибудь в подходящем месте (в этом случае пропадает проблема возвращения) и так далее. — Нур оглядел сидящих в кругу Мастеров, — трудно остановиться на чем-то одном. Нужно исходить из личных, персональных амбиций, чтобы решить, как действовать.

— Ваши амбиции играют второстепенную роль, — сказал Киваль. Он сидел в ложе из красного дерева и разглядывал узоры покрывающего землю ковра.

— Я хотел бы рассказать о других двух типах решений, — напомнил магу Искатель Информации.

— Мне достаточно твоих размышлений по этому поводу. Сядь. Я хочу послушать Огранщика Реальности, — маг посмотрел на Мастера, сидящего справа от него. Мастер встал и вышел на середину круга. Он был низким, упитанным человеком с толстыми, свисающими вниз щеками и глазами цвета сушеной сливы.

— Что ты можешь сказать по этому поводу? — спросил Огранщика маг.

— Реальность, в которой мы находимся, имеет тысячи слов. Чтобы учесть их все, мне потребуется более продолжительное время, — заметил Огранщик Реальности.

— Хорошо. Садись и приступай к работе. К концу Совета я жду твоего мнения, — маг сделал жест рукой. Огранщик сел, и на его место встал Волонтер Случайных Мыслей, Смит Шоу.

— Что скажешь, Смит? Твои мысли достаточно сумбурны? — спросил маг.

— Да. Я готов. Можно начинать? — Смит Шоу прикрыл глаза, сделал пару вдохов и постепенно вошел в глубокий транс.

— Начинай. Мы слушаем, — приказал маг, и в палатке наступила такая полная тишина, что было слышно тяжелое дыхание Ратча Норвада, притаившегося за окном.

Смит Шоу начал низким звучным баритоном, совершенно непохожим на его реальный голос:

— Облака, плывущие по небу. Мягкая земля. Сквородка. Пламя. Лица в огне. Петух. Камни, танцующие на зимнем лугу. Воины. Стебли. Стены. Укроп. Магический возбудитель. Скорый скорпион, скребущий скарабея скоро. Летняя жара. Гримаса. Обезьяна. Волосатые руки. Шипение. Газ. Лютия. Свирепые тигры на цепях. Огненные горы. Песок. Летящий пред-

мет, похожий на рыбу. Кричащий немой старик. Уга-сающий больной. Цепи гор. Зеленый жезл. Скорая смерть. Превращение. Талая вода. Смазанные деревья. Крысы на небе. Волнующий смех. Киваль. Мох, растущий на горном хребте. Жажда значимости собственного Я. Осознание обреченности других подобных... — с каждым разом голос Смита все более менялся, звучал пронзительнее и громче. Слова вылетали из глотки Волонтера все быстрее и быстрее. Пораженные слушатели молча внимали цепочке сумбурных мыслей. Шон Стимблер бессознательно хмурился. Через пять минут, после довольно продолжительного ряда ассоциаций, голос Смита сорвался на визг и замолк.

Вункам Киваль сделал быстрый жест. Стимблер поднялся со своего места, встряхнул Волонтера и привел его в чувство.

— ...Как... это было? — промолвил тот, вытирая со лба крупные капли пота.

— Лучше, чем всегда. Мне особенно понравился «Кричащий немой старик», — заметил Стимблер и усадил Мастера.

— Я действительно это сказал? — удивился Смит, но Киваль поднял следующего Мастера — Интенданта Манны, Вакулу Нисар.

Вакула Нисар принадлежал к той же расе, что и сам Вункам Киваль. Он был такого же высокого роста, такая же бледно-синяя кожа покрывала его худое тело, закрытое яркой мантией цвета индиго.

— Слушая уважаемого Мастера Смита, я уловил в его цепочке неожиданную и просто оригинальную мысль! — начал было Интендант Манны, как вдруг раздался громкий треск, и сквозь образовавшуюся дыру в палатку упал Ратч Норвад. Он испуганно заморгал глазами. Позади него валялся на боку злосчастный бочонок с сушеными фруктами.

3.

Смеркалось. Поселок Бригадной долины медленно обрастал огнями. Часовые на низеньких каменных башнях, вросших в землю, зажгли факелы; печи домов выпускали в холодный воздух теплый, чуть мерцающий дым. Бледное солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, на землю падали глубокие тени скал. Три металлических сферы диаметром в человеческий рост парили над полем.

На самой вершине каменной гряды, перед воротами поселка, стоял маг Вункам Киваль. По правую и левую руку от него стояли Шон Стимблер и Ратч Норвад. Стимблер выглядел вполне спокойно, только рука, лежащая на поясе рядом с кинжалом, слегка вздрагивала время от времени. Норвад лишь вздыхал.

Спустя некоторое время к гряде подошла знакомая пара.

— Что вы решили? — спросил Начальник Бригады, приблизившись.

— Во мне борются два побуждения. В результате

победы одного из них я поверну домой, в результате победы другого — останусь здесь и пройду сквозь долину, — сообщил Киваль. — Однако мы не собираемся конфликтовать с вами. У меня есть вопрос.

Терван спокойно взглянул ему в лицо.

— Задайте его.

— Я хочу знать, почему в Бригадную долину нельзя входить чужестранцам.

— Я уже говорил, что это закон, который...

— Отлично. На чем этот закон основывается? — прервал его маг.

— Я не должен отчитываться перед вами!

— Если вы хотите, чтобы я сделал выбор в пользу моего первого побуждения, то расскажите мне об этом. Мне будет интересно получить новую информацию, — твердо сказал Киваль.

Пару секунд Терван молчал, разглядывая фигуру мага. Затем он с сомнением кивнул и начал говорить.

— Я расскажу вам историю Бригады, но потом вы уйдете. Давно, очень давно, множество лет назад, в эту местность упала баржа, плывшая от одной далекой звезды к другой. Бригада, обслуживающая баржу, осталась в живых, так же как и ее капитан. Почти все главные механизмы были полностью разрушены, но один маленький спасательный бот уцелел. В нем было место только для одного человека. В летописях Бригады сказано: «Капитан собрал совет из всех выживших членов команды и сообщил им, что улетает на спасательном боте к звезде, чтобы привести с собой помощь. Бригаде он приказал ценой своих жизней охранять и беречь драгоценный груз до тех пор, пока он не вернется.» Улетая, капитан оставил своим людям Великий Справочник Поведения На Борту, а так же Справочник по Чрезвычайным Ситуациям, где прописаны основные нормы поведения и образа правильной жизни.

— Как давно произошли эти события? — спросил Шон Стимблер.

— Эти великие события произошли одну тысячу четыреста тридцать пять лет, восемь месяцев и шестнадцать дней назад, — с религиозным трепетом произнес Терван.

— Я не понимаю, какое отношение все это имеет к запрету? — вырвалось у Ратча Норвада. Киваль раздраженно взглянул на него:

— Директива 154, строка пятнадцать, Великого Справочника гласит: «Никакой посторонний не может находиться на борту баржи и иметь доступ к грузу», — процитировал Терван, — надеюсь, теперь, когда я объяснил вам это, вы уйдете.

— Решение почти сформировалось. Чтобы окончательно закрепить его, расскажите, каким образом вы попытаетесь остановить нас при попытке нарушить эту директиву? — спросил Киваль.

— Мы владеем древними технологиями. Я уже говорил о лучевых пушках. Они повсюду.

— Что же, этого вполне достаточно. Мы уходим,

— маг быстро взглянул на Шона Стимблера, и тот подал знак Ратчу Норваду. — Но прежде чем уйти, я хотел бы сделать вам скромный подарок.

Начальник Бригады был удивлен.

— Подарок? О чем вы?

— В наших краях распространены обычай дарить

дары. Взгляните на это, — маг указал на небольшой мешок, лежащий у ног Норвада. Ратч открыл мешок и вытащил из него страшный предмет. Это была прозрачная сфера размером с голову человека, внутри которой плавали тонкие полоски металла. Полоски смыкались, расходились, скручивались друг с другом, танцевали какой-то неведомый, завораживающий танец. Танец, у которого не была начала и конца.

— Это Сфера Кулиндур, призванная вызывать эстетическое удовольствие у зрителей, созерцающих танец медных полос внутри, — сообщил маг. — Приглядитесь к их движению. Вы что-нибудь замечаете?

Терван и его спутница нагнулись к сфере, следя за извивающимися полосками.

— Красиво... Действительно красиво, — сказала Лизиан. Ее глаза неотрывно следовали за траекторией движения одной из полос. Маг Киваль заметил это и подсказал:

— Для большего эффекта попытайтесь охватить всю картину в целом. Осознайте все части движения вместе!

Лизиан попыталась сделать то, что сказал маг, негромко вскрикнула и замерла. Ее лицо приняло вид неподвижной маски, лишенной какого-либо выражения.

Терван несколько секунд пытался оторваться от сферы, но все его усилия были безрезультатны. Сфера полностью завладела его сознанием.

— Что это за подарок, который лишает рассудка? — затихающим голосом проговорил он и тоже замер. Вместе с женой они походили на пару неподвижных статуй или, скорее, на больных, внезапно скованных параличом.

Ратч Норвад убрал сферу в мешок, стараясь не смотреть в нее. Стимблер забрал у Тервана из руки зеленый жезл. Киваль победно улыбнулся.

— Следуйте за мной. Не издавайте ни звука. Ведите себя естественно. Вперед! — приказал он. Терван и Лизиан послушно последовали за ним

Вскоре их поглотила темнота.

4.

Маг Вункам Киваль сосредоточено приступил к работе. Он, Искатель Информации, Интендант Манпы и Огранщик Реальности стояли вокруг специальных кресел, в которых лежали неподвижные тела. Кресла были сплетены из веток синего дерева и представляли собой широкие чаши, стоящие на переплетении корней и узлов.

Интендант Манпы Вакула Нисар заранее обеспечил себе доступ к свежей энергии — рядом с ним в небольшой клетке сидела самка ночного упыря. Она возбужденно сверкала глазами и раздувала огромные ноздри.

— Энергия? — спросил Огранщик Реальности, и Интендант Манпы положил руку на мохнатую голову животного. Мощный поток жизненной силы захлестнул его, он справился с ним и перенаправил его Огранщику.

Огранщик закрыл глаза и воздел руки над телом Тервана. Пару секунд он совершал какие-то незаметные манипуляции, а затем потребовал:

— Еще.

Интендант взял еще энергии и опять без остатка передал ее Огранщику. Тот удовлетворенно кивнул, его толстое лицо расплылось в улыбке, щеки порозовели.

Через пару минут он сказал:

— Слой СБЛДЖИ-54-У-78. Направление Икс-87, по отношению к вектору Вселенной. Фактор соотношения со слоем СБЛДЕ-23-У-2.

Киваль взглянул на Искателя Информации — тот сосредоточенно обрабатывал данные.

— Энергия? — спросил Интендант Манпы.

— Энергия! Мне не хватает энергии! — закричал Нур.

— Энергию Искателю Информации! — приказал Киваль, и Вакула Нисар тотчас же перенаправил только что выкачанные жизненные силы.

— Слой стабилен. Вероятность прорыва тридцать процентов. Вероятность свертывания и замыкания на себя пятнадцать целых пять десятых процента. Фактор соотношения обладает достаточной гибкостью, — Нур вытер мокрый лоб. Киваль улыбнулся.

— Кодовое слово слоя?

— Сейчас, — Герлим Нур на мгновение замер, — так... вот оно! Запоминай: СКИТРИЗМИГРАЗВИР-ПРОЩЕТ!

— Отлично, — Киваль обратился к Интенданту Манпы, — сколько у нас еще сил?

— Еще достаточно, — сообщил тот. Самка упыря тихо поблескивала глазами.

Маг сделал взмах рукой. В палатку вошел Шон Стимблер.

— Все готово. Садись, — Киваль указал на свободное кресло в углу. Шон с опаской сел.

— В чем заключается суть процесса? — спросил он.

— Времени для разговоров нет. Мы наложим твой индивидуальный слой реальности на слой реальности Тервана, — маг протянул командиру воинов бокал с темной жидкостью, — выпей.

— Но зачем?

— Нет времени. Чем быстрее все мы сделаем, тем лучше.

— Но я должен быть уверен, что ничего плохого не произойдет...

— Пей! — прорычал Киваль.

Выпив жидкость, Стимблер потерял сознание.

Интендант Манпы повторил действия с перенаправлением энергии животного; когда индивидуальный слой реальности Стимблера был обнаружен и определен, Киваль поменял его на слой Начальника Бригады, совместив оба кодовых слова. Это произошло так быстро, что никто и глазом не успел моргнуть.

Интендант Манпы в последний раз положил руку на голову умирающего животного и передал остатки энергии магу.

— Что!? Неужели это все!? — воскликнул тот.

— Да. Больше ничего нет, — Вакула Нисар бросил скорбный взгляд в клетку. Самка ночного упыря, обладающая невероятной выносливостью и огромным стремлением выжить, была мертва.

— Но я не могу использовать собственные жизненные силы! — воскликнул маг. — А мне нужно еще закончить адаптацию слоя и зашить все разрывы в ткани реальности!

— Что же нам делать? — спросил Огранщик. Все это время он с огромным напряжением сдерживал края расплозающегося мироздания. Киваль взглянул в пространство над креслами: в воздухе извивалась тонкая, абсолютно черная нить, окруженная массой точно таких же нитей, только меньшего размера. Казалось, что, утончаясь к своим концам, эти черные трещины охватывают всю палатку и ползут дальше, в ночь.

— Мне нужен приток жизненных сил!

Вакула Нисар быстро вышел из палатки. Через некоторое время он вернулся, ведя Ратча Норвада.

— Тебе выпала честь послужить великому делу! — провозгласил Интендант Манпы и усадил Ратча рядом с клеткой.

— Что с ней случилось? — испуганно спросил Ратч, показывая на труп самки упыря.

— Ничего особенного, — пробормотал Вакула Нисар, оглядывая всех присутствующих. Маг Вункам Киваль медленно кивнул. Через секунду Ратч Норвад лишился всех своих жизненных сил. Его голова упала на грудь, глаза закатились. Не обращая никакого внимания на помощника командира воинов, Мастера продолжали свою работу.

Вскоре все было закончено. Принесли холодную воду в кувшине. Киваль вылил ее Стимблеру на голову. Отплывываясь, командир воинов встал.

— Подойди к зеркалу, — приказал маг.

Шон Стимблер подошел к зеркалу. С блестящей, покрытой разводами поверхности на него взглянуло чужое лицо. Лысый череп, широкие скулы, черные глаза, внимательные и грустные.

— В чем фокус? Как вы заставили Тервана очутиться по ту сторону зеркала? — педоуменно спросил Шон.

5.

— ...понимаешь, наша реальность состоит из тысяч, десятков тысяч, миллионов слоев. У каждого живого существа есть свой собственный слой. Индивидуальный слой, такой, какого больше не у кого нет. Поэтому, заменив один слой другим, мы можем поменять все характеристики, особенности, индивидуальные качества. Ты понимаешь или нет? — Герлим Нур вопросительно взглянул на Стимблера. — Все же так просто! Слой — это огромное хранилище, в котором находятся все данные конкретного существа, предмета, объекта. Мы просто крадем эти данные и изменяем их, и в результате — полное перевоплощение!

— Мне безразлично, как именно вы это проделали. Главное, чтобы потом все встало на свои места, — заметил Стимблер. Он внимательно изучал зеленый жезл.

— Конечно, мы вернем тебе твое тело и внешность. Восстановим все.

— Я надеюсь на это.

— Не забудь надеть его тунику, — посоветовал Нур.

Стимблер оглядел свое худое загорелое тело и улыбнулся.

— Не забуду. Кстати, что вы сделали с самим Терваном?

— Он жив. Во всяком случае, был жив, когда я уходил из палатки. Думаю, что он еще понадобится Кивалю...

— Не сомневаюсь. Ведь Киваль продумывает все на два шага вперед? Так ведь? — Стимблер накинул на себя тунику, проверил жезл и пошел к выходу.

— Желая удачи! — сказал Нур.

Стимблер выскользнул из палатки Искателя Информации, пробжал до тюков с вещами и продовольствием, остановился у палатки мага. Практически весь лагерь был уже собран — подмастерья закрепляли на жуках последние вещи и сворачивали БРП (Быстро Раскладывающиеся Палатки). Тут и там вспыхивали огни трубок, слышался негромкий говор солдат. Отряд Вулкама Киваля должен был вот-вот отправиться в путь.

Киваль появился из темноты так внезапно, что Стимблер вздрогнул.

— Она там. Можешь начинать: влияние наркотиков и заклинаний скоро закончится. Но если ты испортишь нам все дело, я скормлю тебя своему жуку! — прошипел он.

Стимблер откинул в сторону занавески и во-

шел в палатку.

На полу лежала женщина.

— Лизиан. Лизиан, пойдем, — негромко сказал Стимблер.

— Терван? Это ты? — пробормотала женщина.

— Это я, — произнес Стимблер.

— Где ты был? — Лизиан поднялась с подушек и потянулась.

— Маг отдал мне свои подарки, помнишь? Теперь мы должны проводить его отряд до Бригадных скал, — Стимблер взял «жену» за локоть и вывел наружу.

— Проводить? До Бригадных скал? — удивилась женщина.

Шон Стимблер натянуто рассмеялся.

— Не говори глупостей, дорогая. Конечно, ведь мы же обо всем договорились.

Лизиан насторожено взглянула на него.

— Действуем не по уставу, Начальник Бригады? — спросила она.

— Что? — испугался Шон.

— С чего это я стала «дорогая» после стольких лет «помощника»? — Лизиан огляделась и принахлалась.

— Что-то здесь не так, — с сомнением произнесла она.

— Все в порядке, пойдем, — попытался восстановить доверие Стимблер и увлек девушку за собой.

Вместе они удалились от отряда мага, миновали низменность, поднялись на каменную гряду и оказались перед воротами поселка.

— Слава Торговым Перевозкам! — вскинули руки в ритуальном приветствии проходящие мимо стражники. Стимблер повторил их жест, надеясь, что делает все правильно. Со стороны должно было казаться, что идет настоящий Начальник Бригады. В каком-то смысле Шон и был настоящим — его тело было точной физической копией тела Тервана.

— Начальник Бригады, у нас проблемы с Сигнальным Маяком! — раздался чей-то крик. Навстречу Стимблеру от темных приземистых зданий, выложенных из камня и дерева, бежал запыхавшийся паренек в серой тунике.

— Веди меня, — распорядился Стимблер и пошел вслед за мальчишкой. Лизиан с сомнением поглядела ему вслед.

— Как тебя зовут? — спросил он по пути.

Мальчишка удивленно взглянул на него, потом уловил смеющийся блеск глаз и тоже улыбнулся.

— Хорошая шутка, Начальник.

— А если серьезно?

— Младший офицер связи Герм, связист в девятнадцатом поколении.

— Что случилось с Сигнальным Маяком, Герм?

— Он выдает какие-то странные сигналы, сэр. Я, да и старик Нури, то есть

старший офицер связи Нуриан, их не понимаем. Разберитесь, пожалуйста, сэр, — протараторил Герм.

— Разберемся... — они уже подходили к дому, стоящему в отдалении от остальных построек. — А вообще, на что эти сигналы похожи?

— Старик Нури, то есть... старший офицер связи сделал предположение, что Капитан возвращается. Но мало ли что говорит этот Нури! Тысячу лет ждали этого Капитана, и на тебе — прилетает! И только из-за того, что старик что-то наговорил! — мальчик запнулся и с опаской поглядел на Шона. — Извините, сэр.

— Ничего, — Стимблер вошел внутрь темного помещения, заставленного какой-то аппаратурой. В самом центре огромной комнаты был установлен сложнейший механизм, состоящий из множества различных по диаметру, размерам и форме деталей.

— Капитан, Капитан возвращается! — закричал маленький старичок в странных выпуклых очках, сидящий в кресле перед пультом управления.

— Пусть себе возвращается, — пробормотал Стимблер сам себе и обратился к старику. — На основе чего были сделаны подобные выводы?

— Посмотрите сюда. Разве вот эти две светящиеся линии не указывают на то, что в радиусе трех световых лет движется космическое судно Ассамблеи Свободных Миров? — спросил старик, указывая на экран.

— ...Хм, эти линии не совсем ясны, они требуют дополнительно изучения, которым я не собираюсь пока заниматься. Отключите Сигнальный Маяк и займитесь более срочным делом, — приказал Шон.

Мальчишка и старик словно окаменели.

— Что? Сэр, мне кажется, я не так вас понял... — начал было старший офицер связи, но «Начальник Бригады» перебил его:

— Вам что не понятно? Это подождет. У меня есть чрезвычайно важное дело. Ты, Герм, проводишь от-

ряд, ждущий тебя у ворот, к южному выходу. А ты, Нуриан, позаботишься о том, чтобы этих людей никто не трогал, понятно? Они наши гости, — Стимблер сначала говорил тоном, не допускающим никаких возражений, потом прокричал: — Что же вы стоите, выполняйте приказ!

Герм испуганно попятился к двери, споткнулся, вскочил и выбежал вон.

Старик сунул Стимблеру под нос толстую запыленную книгу.

— Великий Справочник нельзя приступать! Глава 23, пункт второй гласит: «Сигнальный Маяк в случае аварии — одно из самых важных средств спасения, его нужно беречь и обращаться...»

Стимблер выхватил книгу.

— Выполнять приказ! — зарычал он. Старик бесильно опустился на кресло.

— Но ведь Капитан... — попытался объяснить он и внезапно замолк, пораженный — Шон направил на Сигнальный Маяк зеленый жезл, который до этого, не замечая, держал в руках. Раздался громкий треск. Вверх устремился черный столб дыма, расплавленные части механизма потекли на пол жидкой мерцающей массой.

— Выполнить приказ! Быстро!

Старик заспешил к выходу, что-то испугано бормоча.

Шон глубоко вздохнул, приказал себе успокоиться и пошел за ним.

Мог ли так вести себя настоящий Начальник Бригады? Как широко распространяется его власть? Это еще предстояло выяснить...

6.

...Отряд Вуйкама Киваля двигался по направлению к Соленой долине. Впереди шел жук самого мага, позади него растянулась процессия, состоящая из девяти больших хвостатых жуков. Шон Стимблер сидел на восьмом жуке и растерянно разглядывал свои руки.

— Стимблер? Через две недели мы будем дома, и ты получишь назад свое тело, — сказал Герлим Нур, Искатель Информации, — вероятность этого равна...

— Прекрати свои глупые рассказы! Мне надоело слушать одно и то же! А если я не доживу до возвращения? — в отчаянии вскричал Стимблер.

— Процесс распыления слоя реальности очень долог, очень. У тебя в запасе еще несколько месяцев, — Нур прищурился, глядя вдаль.

Шон Стимблер поднес свои руки к лицу. Сквозь прозрачные, слегка светящиеся ладони было видно окружающее — так, будто смотрящий находился в глубинах озера и смотрел на мир через массу воды. Шон в ярости сжал зубы. Вот она, плата за оказанные услуги! Он теряет связь с окружающей реальностью, а все из-за чего?

— И надо было нам спускаться в то проклятое

Ущелье!? Что у нас еще впереди? Соленые каньоны? Реки Радости? Картонорис? А если мы будем обходить и их, сколько я тогда протяну?

— Не беспокойся. Вероятность засады в Соленых каньонах равна...

Шон нахмурился.

— Объясни мне, почему слой реальности Тервана не совместим с окружающим миром? — спросил внезапно он.

Герлим Нур помолчал.

— Как я тебе уже говорил, у каждого объекта в нашем мире существует собственный слой реальности, который находится в определенной связи с другими слоями. При перемещении слоя одного объекта на другой объект возникает временный диссонанс. В твоем случае он перерос в хронический. Почему это произошло, нужно спросить у Огранщика Реальности и мага. Возможные последствия весьма разнообразны...

— Не надо о последствиях... — пробормотал Шон. Ему показалось, что мир на мгновение погрузился во тьму, а потом вспыхнул вновь.

— Если этот процесс не удастся остановить, я сольюсь с окружающей реальностью? — спросил он.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

Шон поглядел вперед, на огромный шлейф пыли, поднимающийся за жуком мага. Отряд вступал в Соленую долину.

— Киваль должен мне жука, — вспомнил он.

— Освежи его память, — посоветовал Нур.

Шон кивнул. Обернувшись, он похлопал по плечу человека, сидящего рядом.

Человек посмотрел на него.

— Только что, вон там, я видел огромную пятиконечную звезду, опускающуюся на землю. Она пылала так, что смотреть было больно. Опустилась далеко отсюда и потухла, — сообщил человек. — Что это могло быть?

— Где, ты говоришь, опустилась эта звезда, Терван? — спросил человека Нур.

— Вон там, — Терван беззаботно махнул рукой в сторону далеких скал.

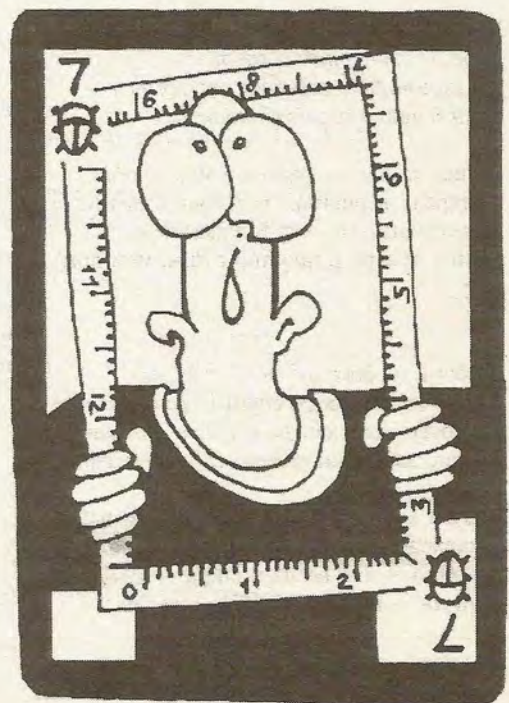
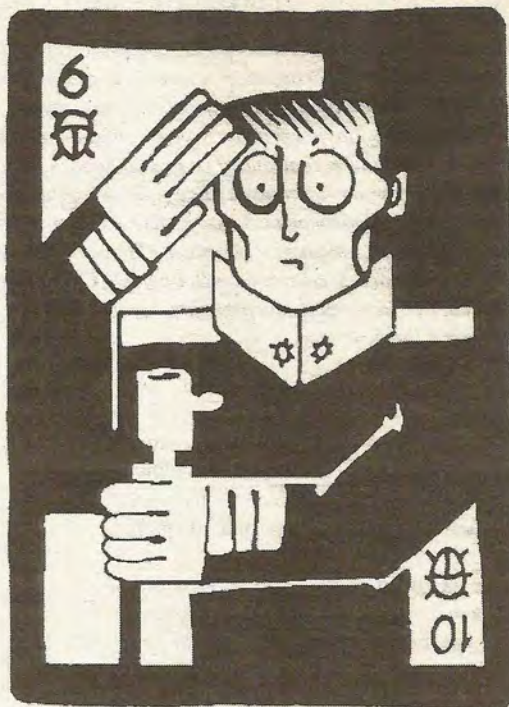
— Неужели они смогли починить Сигнальный Маяк!? — удивился Сtimbлер, а Искатель Информации нахмурился.

— Все возможно. Вероятность, что это был Капитан, равна...

— Заткни ему рот, Терван. Он пссет чушь, — обратился Сtimbлер к человеку и, когда тот выполнил его просьбу, сказал:

— Твой разум еще чист, и ты много не знаешь. Да это и не удивительно при такой потере памяти. Но запомни раз и навсегда: когда произносится слово «вероятность» — нельзя абсолютно ничему верить! Запомнил?

— Да, брат.

Рисунки Сергея Ивкина.

Николай БОРОВЫХ

Николай Иванович Боровых родился в 1948 году в селе Аркино Брянской области. Окончил московское высшее Краснознаменное пограничное училище. Служил в Забайкальском пограничном округе. Работал на ферросплавном заводе. Лауреат и дипломант районных и областных конкурсов авторской песни и всесоюзного конкурса поэзии. Член Союза литераторов России. Автор книг стихов «Все любовью живет» (1997) и «До судного дня» (2000). Публиковался в журнале «Урал», в газетах «МОЛ», «Путевка», «Ритм», «Маяк», в журнале «Металлург», а также в сборниках «Складчина» (1-3 выпуски), «Добряне». Совместно с композитором Евгением Родыгиным написано три песни. Живет в Дзуреченске.

Нет, не уснуть! И как тут можно спать,
Когда февраль выветривает душу.
Что наболело, накиплю — наружу
Прёт изнутри... А где она, тетрадь?..

Не зажигая свет, крадусь на кухню,
На что-то натыкаюсь... матерюсь...
И как бы от инфаркта мне не рухнуть!
Ну, чёрта с два! Ещё я поборюсь!

Но вот добрался, постоял немного,
Нашёл тупой невзрачный карандаш.
Поставил чайник — газ от ветра дрогнул,
Будя во мне спасительный мандраж.

Простые буквы поначалу трутся
И не желают внятно говорить.
Но стоило мне всё-таки проснуться —
Хотя б чайку горячего попить!

Попил чайку, согрелась в муках тема,
Подкралась рифма... всё пошло ладом...
Исчезла накипь. Отстоялась пена.
Плыви теперь в простор стиха, мой дом!..

Не беги, не беги от себя, от зимы.
Прилетят с первым снегом твои снегири.
Красногрудые, как на столбах фонари,
Словно капельки солнца и ранней зари.

Что им холод и вьюга, причуды зимы!
Раскраснелись они от прилива весны.
Им зима — что весна и снега — что дожди,
Приходи — и они отзовутся в груди.

Снегири — как огни у туманной реки.
Чтоб не сбиться с пути, нам пужны маяки.
Мне ещё бы понять, мне ещё бы смекнуть:
А какой мне они напрозорчили путь?

Посмотри на себя, посмотри, посмотри!
Не помогут тебе уж твои снегири.
Сколько снега вобрал ты от этой зимы,
Что навряд ли дождёшься прихода весны.

Вот и тополь облетел,
Нету ни листочка!
Облысел и посветлел —
Скрыться негде почкой.

Мухи белые летят,
Облепляют рощу.
Рыжий локон серебрят
Белую порошей.

Не замерзнуть бы внутри
И дожить до лета...
Прилетайте, снегири,
Зарево рассвета.

Вы — спасение моё
От душевной спячки.
Подарите мне перо
Из своей записки.

Пусть блеснит оно, как вы,
Капельками солнца.
Я открою для любви
Зимнее оконце.

Я дождался заветную осень,
Взял лукошко, и прямо в тайгу —
Подкрепиться у елей и сосен
Вдохновешьем и выгнать тоску.

Вдруг как в сети попал — паутина
Захватила меня, как в силки.
Словно в мире открыли путину
На жуков, комаров пауки.

Ну, а я паукам не добыча.
И своим нагловатым лицом
В кровожадные сети их тычусь,
Разрушаю привычный их дом.

Что творю я? И кто мне позволил
Быть гонителем и палачом?
Где свобода, там рядом неволя.
Так задумано было Творцом.

Впопыхах набираю лукошко
Краснощёких, могучих грибов.
Мне вдогонку вонзается мошка:
Мстит за то, что нарушил их кров.

Золотится за окнами осень —
Серебрится моя голова.
А душа успокоиться просит,
От усталости еле жива.

Осыпаются строки, как листья,
Им уже не дружить с высотой.
Неужели стихам не пролиться
Сквозь душевное решето?..

Вот новый старт... Ещё забег?
Я распочал со всеми век.
О, если б мог я заглянуть,
Куда ведёт нас новый путь!
И можно ли его спрямить?
И можно ли по-братски жить?
Что даст нам этот новый век?
Добрее ль станет человек?
А если нет, тогда зачем
Живём мы? И ведомы кем?
И кем задуман был финал,
Чтоб человек проблемой стал?
А дальше что же? Пустота?
Жить снова с чистого листа?
О, если путь не изменить,
Зачем тогда страдать и жить?

Люблю

Люблю, когда на женских лицах
Мороз рисует макияж,
Когда берёзы в белых ситцах
Одеты, словно напоказ.

Люблю, когда на ветках пенных
Поёт от счастья соловей
И музыкальное творенье
Разносит ветер-чародей.

Люблю, когда на зорьке ранней
Играет весело коса,
Когда на травушке медвяной
Сияет бисером роса.

Люблю, когда в костре осеннем
Горят и листья, и душа.
И я сгорю, чтоб в день весенний
Воскреснуть из небытия...

Последний крохотный сугробик,
Зимы недавней мрачный облик,
На сером фоне одиноко,
Забывтый всеми, ждёт упрёка.

Он не успел растаять, скрыться,
И, как бельмо, теперь искрится.
Он стал за зиму всю в ответе
И проклял всё на этом свете.

Теперь и дождь его терзает,
Ручей соседний подмывает.
Он был искристый, белый, чистый —
Теперь похож на трубочиста.

Вся грязь, которая открылась,
К нему, как пластырь, прилепилась.
Весна его врасплох застигла:
Он стал расхристанным и рыхлым.

Мне очень жаль его, бедняжку,
Ему среди врагов так тяжко.
Кому не лень, его пинают,
А он в ответ на зло не тает.

Вот так и я: живу на свете,
За предков всех своих в ответе.
Со всех сторон меня пинают.
Я ж, как сугроб, пазло не таю.

Я, как мартовский кот,
Прискакал на курорт
Подкормиться рыбёшками с моря.
И вот рыбка одна
Окрутила меня,
И такого хлебнул с нею горя...

Ночной безлюдный полустанок.
Час ночи. Ветрено. Зима.
И ты, укывшись в полушалок,
Скрываешь слёзы от меня.

А я, весёлый и свободный,
Прощаюсь наскоро, без слов.
Не понимая, что сегодня
Терял тебя, мою любовь...

Остудила осенняя ветренность
От прокисшей листвы и дождей.
Нарастает в душе неуверенность,
Жалит сердце до самых кровей.

Одолели ночами сомнения:
Для чего, для кого я пишу?
Кану в вечность, в награду — забвение.
Так зачем над строкой я дышу?

К чёрту все! Прекращаю копания.
Есть талант или нет — поглядим.
Кто из пишущих знает заранее,
Кто в огонь превратится, кто — в дым?

Памяти Бориса Рыжего

К чему, скажи мне, бунтовать?
С собой соперничать?
На шею петлю надевать
И с жизнью ерничать?

Нельзя поступком изменить
Код генетический.
Ведь тень не может наделить
Предмет физически.

Зачем, в себя вонзая нож
Иль пулю дерзкую,
Мы жизнь не ценим ни на грош,
Пусть даже мерзкую?

Мы что — своим небытием
Изменим общество,
Или нарушим ход времён
Своим пророчеством?

Всё это было и до нас:
Борясь с Отчизною,
Поэт вздымал к народу глас
Своею жизнью.

И вот и ты, Борис, ушёл,
Всем вызов делая.
Хотелось, там чтоб ты нашёл
Успокоение.

Осень поздняя с звёздной скоростью
Пробивается дрожью в нутро,
То увядшим цветком, а то моросью
Изгоняя из тела тепло.

Но не век же ей хорохориться...
Откричат, улетят журавли.
Только лужи морозцем покроются —
И вернутся мои снегири.

Кто из нас дошёл до перевала?
Мало нас на каменной тропе.
Вот и я карабкаюсь устало
И наперекор своей судьбе.

Доберусь назло не спора ради,
Докажу не верящим в меня:
Западно плестись за ними сзади,
Обгону и всех пошлю их на...

Напоследок к веточке корявой
Прикреплю послушное перо,
Чтоб оно заместо ленты алой
Путникам уставшим помогло.

А спуститься мне уж не под силу.
Да и вниз, в долину, не хочу.
Если довелось достичь вершины,
Здесь конец печальный допою.

Памяти Алексея Решетова

Я не был близко с ним знаком,
В друзьях не числился при жизни.
Мы породнились с ним пером,
Стихи слагая об Отчизне.

Он, как и я, болел за Русь!
Писал без страха, откровенно,
В его стихах сквозила грусть,
Был недоволен переменой.

Он кончил путь, ушёл в века:
На небеса, поближе к Богу,
Но я живой ещё пока,
Возьму строку его в дорогу.

Прощай, прощай, заочный друг!
Я подхвачу поэта знамя,
Не признают стихи разлук,
Живой ты будешь вместе с нами.

Петр СУЛЬЖЕНКО

Предлагаем Вашему вниманию подборку рассказов молодого уральского прозаика Петра Сульженко. Он - выпускник Уральского университета, прозаик (рассказы публиковались в российской периодике), родился в Абхазии, жил в Екатеринбурге, Вятке (Кирове), Гаграх.

В настоящее время живет и работает в Екатеринбурге.

Похороны

Хоронили никчемного мужичка. Родственники собрались, переступив ради такого дела через старые обиды и распри. Стояли у могильной ямы на убогом деревенском кладбище, нетерпеливо поглядывая на небо, торопясь отделаться от покойника и от поспешных, таких неожиданных похорон. Стали опускать гроб, и вот уже сосновая крышка исчезла в песчаном проеме. И вдруг завыл могильщик. Он стоял в стороне с лопатой наизготовку и слегка пошатывался от выпитой водки. Выл он, размазывая слезы по испитому лицу. Родственники, стоявшие каждый сам по себе, словно с трудом отбывая обряд как дурацкую, ненужную в их жизни повинность, с неудовольствием озирались на ревущего могильщика. Но тот не унимался, все больше заходясь в пьяных слезах. Пора было закапывать, и все вдруг пронзительно поняли — навсегда. И родственники увидели все в новом свете. Братья и сестры вспомнили, как малышом таскали покойного на закорках. Как весело воровал он конфеты. Как радовался, когда поймал первую рыбку. Как провожали его в армию. Что же случилось? Где повернулась его жизнь так, что стал он нелюбим, стал раздражать, мешать, как опостылевшая обуза? Сначала сестры, потом и братья стали всхлипывать, а затем завывали по-деревенски так, что могильщик оторопело замолчал и стал оглядывать редкую толпу, словно промытыми целебной влагой глазами. И вот стояли они, взрослые мужики и бабы, и ревели, оплакивая свое ушедшее детство, канувшую в никуда восторженную юность, умерших родителей. И этого никудышного мужичка, и его бестолковую жизнь, и белокурого забавного мальчугана, каким он когда-то был.

Проходящая сбоку горбатая старушка с грибной корзинкой, из которой виднелись горлышки пустых бутылок, шаря в кустах палкой, остановилась на мгновение и, прислушавшись, одобритительно проговорила: «Хорошо хороняют, больно-то уж по-людски-то ревут!»

Маквала

Вопреки расхожему мнению, женщина в грузинской семье имеет колоссальное влияние. Это видно уже невооруженным взглядом по отношению грузина к матери. Но так ловко устроены и сбалансированы отношения в семье, что авторитет женщины нигде не выпирает. Они верные наперсницы своих мужей (конечно, я беру идеальный вариант), хранительницы традиций и авторитета мужчины. Поэтому грузинский муж может привести домой ватагу выпивших приятелей, в три часа ночи, и женщина накроет им стол, не моргнув глазом. Однако не будь у нее железной воли и практического склада ума подпитываемых многовековой традицией, грузинский мужчина, как и любой другой мужчина в мире, быстро скатился бы в пропасть застольных удовольствий и прочих мужских радостей. Женщина его толкает на трудовые подвиги, во имя семьи постоянно напоминая, что он добытчик, охотник и главная опора, а взамен он получает восхищение, граничащее с обожанием и кое-какие послабления в личной жизни. Семья для грузина — это крепкий надежный тыл, семья по-грузински оджахи, вслушайтесь, это слово родственное слову очаг. Браки в Грузии нередко совершаются не на небесах, а по наитию родственников. То есть парню, проще говоря, находят невесту. Я ни слова не говорю о любви. Бывают браки и по любви, сколько угодно, но зачем мне о них рассказывать, когда читатель и без меня о таких браках неплохо осведомлен, хотя бы из собственного опыта. Я говорю о тех браках, в которых молодые, поддерживаемые

морально и материально, начинают свою совместную жизнь не с пустого места, томимые невиданной любовью, а имея свой дом, машину и приличную работу. И воодушевленные общей целью строят жизнь на взаимном уважении, терпимости, которые нередко, вот парадокс, перерастают в любовь и крепкую дружбу. Конечно, учитывается и возраст, и внешность героев. Так что извините, если Ваш жених старый, кривой то и невесту ему подберут косую и не первой свежести, чтобы им не в чем было друг друга упрекнуть. Хотя, в жизни всякое бывает. И невест воруют, как встарь, но, как правило, родственники и с той и другой стороны о предстоящем событии осведомлены. В крайнем случае, об умыкании знают невеста и родные жениха (хотя бывает, невеста только догадывается). Не хочу утомлять читателя перечислением вариантов — жизнь все равно разнообразней. Кто хоть сколько-нибудь знаком с Грузией, согласится, что грузины — природные актеры. Из ста грузин девяносто можно снимать в кино и неважно кого они будут играть — себя или Дато Туташиа. Остальные десять могут быть режиссерами. Однако, если на свете есть чудачки, то встречаются они, конечно, и в Грузии. Однажды папаша умыкнутой невесты так вошел в роль обиженного родителя, что пока его дочь и будущий зять ожидали родительского слова в горном селе у родственников жениха, папаша ворвался в дом жениха, и переколотил топором все, что попало под руку. Он считал, что может себе это позволить, он был трижды Герой социалистического труда. Потом папаша, удостоверившись, что соседи уже достаточно подготовлены (все бросили свои дела и сбегались на шум) вышел во двор и произвел ряд выстрелов из двухстволки в воздух, перемежая их клятвами покарать самозванца жениха и проклятиями в адрес непутовой дочери. Тут, извините читатель, я должен сделать крохотное отступление: Такое уж сложилось амплуа в кинематографе жизни, что грузины — это усатые, темпераментные парни, которые, чуть что и за кинжал. Приходится поддерживать репутацию воинственных горцев. А грузины, между тем, самым своим любимым делом почитают мирное хоровое пение, почти церковное, напоминающее своей слаженностью и стройностью веселую молитву гурманов: Господи, спасибо Тебе, что ты сотворил нас грузинами, а не чукчами, спасибо за сациви, мчади и кисленькое ткемали за чахохбили сацибели, хачапури и кучмач. Благодарим тебя, Господи, за божествен-

ное вино, оно на радость нам дано; миру — мир, здоровье — народам, деньги — евреям, вино — грузинам, присно и во веки веков! Аминь. В общем, больше всего на свете грузины любят выпить, покушать, поговорить и песни попеть, что, собственно говоря, очень роднит их с русскими, с той частью русских, которые жизнь воспринимают как радостное событие, а не как череду скучных будней. Поэтому кинжал свой грузин если и вынимает, то для того чтобы отсечь голову у жареного поросенка и вручить ее уважаемому гостю. И, в конце концов, это «злой чечен кинжал свой точит», а не старый знакомец, добрый христианин-грузин.

А теперь вернемся к нашей истории. Как водится на этом свете, светлая полоса сменяет темную и папаша невесты, в смутном предвкушении приятных свадебных хлопот, сменил гнев на милость — родительское благословение было дано, молодые были прощены, а в дом жениху была куплена новая мебель и посуда. И не обошлось тут без Мзии, мудрой супруги нашего трижды героя. Она ему сказала: «Хватит, Валико, показал свою дурость всем, теперь пора и о девочке подумать — не забывай, что Маквале уже 28 лет и высшего образования у нее, между прочим, нету, где ты ей найдешь мужа лучше, чем Бичико?».

Через год Бичико лежал на диване, на первом этаже своего дома и уныло глядел на свою загипсованную, со спицей вставленной в про сверленную пятку ногу, подвешенную к потолку на крюк и изводил Маквалу как капризный ребенок:

«Маквала!» — из кухни доносится только звон посуды.

«Маквала, принеси мне гоми!» — из кухни нет ответа, только слышно как с грохотом переставлена какая-то тяжелая кастрюля.

«Маквала, я плевал на то, что твой папа трижды герой!» — в кухне установилась тишина. Бичико тревожно прислушивался. Наконец, послышались тяжелые шаги и в дверях появилась Маквала. Маквала была крупная женщина, очень крупная. Гораздо крупнее мужа и вообще среднестатистического грузина. Бичико в глубине души подозревал (в то же время не сознавая себе), что он несколько побаивается свою жену. Он сделал невинное лицо и жалобно сказал: «Нога чешется, та, которая в гипсе.» — Маквала, оперев руки в необъятные бедра, вздохнула и ядовито спросила: «Ну и как я тебе ее почешу?». Но физические мучения Бичико были

ничто по сравнению с нравственными. Он не мог поехать на похороны любимого дедушки троюродного брата. Телеграмма пришла вчера и несколько родственников с Маквалиной стороны, и соседей Бичико, собрались в этой комнате. Все пришли к однозначному выводу, что надо ехать. Потом, поразмыслив, все пришли к выводу, что Бичико ехать не может. И замолчали, в комнате повисла тишина.

«А может, как в прошлый раз?» — предложил брат Маквалы. — «Положим Бичико на кровать, кровать поставим в колхозный автобус...» — Навострив уши, родственники и соседи заинтересованно слушали, но тут Бичико, услышав про кровать и автобус, громко застонал. Все, прервав слушание, с неудовольствием посмотрели в его сторону. Тогда, старый Пуцкер, сказал свое слово: «Конечно, можно поставить кровать в автобус и, привязав к потолку ногу, привезти его на похороны, все можно, но как он будет сочувствовать родственникам лежа? А прощаться с покойным тоже будет из автобуса? Нет, такой план не годится, в нем слишком много слабых мест. Я думаю, нужно сделать так: вместо Бичико поедет Маквала (на этот раз на стон Бичико никто не обратил внимания), а чтобы компенсировать (старый Пуцкер с удовольствием произнес это слово) отсутствие Бичико, вместе с Маквалой поедет все мы». И как бы про себя Пуцкер добавил: «Мне как раз там кое-чем повидаться надо». На этом и порешили. Отъезд назначили на утро, на шесть часов. Пуцкер, как самый старший, пошел договариваться с председателем об автобусе.

«Старая лиса!» — кричал Бичико, когда дверь за родственниками и соседями захлопнулась. «Сразу видно, что это твоя кровь, ни один из моих дядей никогда себе такого не позволил бы. И как все ловко: вместо Бичико поедет Маквала, председатель даст автобус, а ему, видите ли, повидаться надо! Да кто ему дал бы автобус, если бы не мои похороны?! Устрица!» — Маквала молча собирала со стола, бросая печальные взгляды на мужа. Затем сказала: «Успокойся! Во-первых, это не твои похороны, а твоего четверюродного дедушки...» — «Троюродного» — буркнул Бичико. «Во-вторых, — продолжала Маквала, — нужно было говорить, пока здесь все были, а не стонать».

Бичико, стиснув зубы, сквозь слезы смотрел на свою ногу в гипсе и думал: «Черт бы тебя побрал — хотя бы ты не чесалась!».

Все происшедшее с его ногой начиналось до-

вольно безбидно и, можно сказать, благородно. Бичико работал начальником лесопилки и как-то из райкома позвонили и сообщили, что их бригада вальщиков леса вышла по годовым показателям на первое место среди других бригад и ей присвоен то ли вымпел, то ли почетный знак ударников труда работников лесного хозяйства, и все это перед профессиональным праздником «Днем работников леса». Съездил Бичико в райком, получил вымпел, потом получил в кассе деньги и ведомость — премиальные для отличившейся бригады. И задумался, передавать все это с лесовозом в горы на делянку — некрасиво, да и деньги — материальная ответственность. Хочешь не хочешь, а ехать нужно самому. Обычно лесовоз затемно выезжал и к обеду добирался до делянки, там его грузили и поздно вечером он возвращался обратно. Предупредив Маквалу, чтобы собрала еды в дорогу, Бичико заехал на ферму и взял несколько кружков сыра, затем в пекарню за лавашем, а дома наполнил тридцатилитровый бурдюк вином и спокойно лег спать. Рано утром водитель лесспромхоза на МАЗе заехал за Бичико. И они поехали в горы. Бичико равнодушно поглядывал из высокой кабины в пропасть (дорога была настолько узка, что из бокового окна ее просто не было видно) на скачущую и пенящуюся далеко внизу речку и время от времени клевал носом. Это только непривычным к таким пейзажам жителям равнины может показаться, что для того чтобы из дня в день ездить по такой дороге, нужны железные нервы и особый набор генов. Водитель время от времени одобрительно поглядывал на бурдюк с вином и напевал. Когда Бичико сел в машину, водитель заботливо спросил, принимая бурдюк: «Не протекает?». До делянки доехали даже быстрее, чем обычно. Рабочие обедали. Под сенью семидесяти метровых пихт стояла бревенчатая хижина, перед ней стол с пеньками вместо табуреток. Из хижины струился веселый дымок вместе с запахом мамалыги и копченого мяса. Сидящие за столом знали, что идет лесовоз, в горах рев мотора слышен за несколько часов до появления машины. Увидев Бичико, все встали. Грузины — чрезвычайно приветливый и добродушный народ, особенно если не обременены начальственной должностью. Через час окрестности оглашались дружным и стройным пением, которое подхватывалось и разносилось по ущельям горным эхом. Лесовоз все же загрузили пятью толстенными кряжами, затянули тросами. Водитель, пивший вино на-

равне со всеми, еще раз обошел вокруг лесовоза и крикнул Бичико: «Айда!». Грузеный МАЗ шел медленно, на спусках с крутыми поворотами вообще черепашным шагом. За спиной поставывали и поскрипывали тершиеся друг о друга бревна. Их было пять: четыре штабелем друг на друге и пятое посередине на двух верхних. Бичико чувствовал, как наполняется мочевого пузыря — вино требовало выхода. «Речку переждем — остановимся», — сопереживая, сказал водитель и добавил: «Я тоже уже не могу, в жар бросает». И вот поворот и крутой спуск к реке, колеса ухнули в воду и вдруг Бичико увидел, что река стремительно приближается. Рванув ручку двери он вывалился из кабины в речку. Встал, течение толкнуло его к машине, он развернулся и больно стукнулся низом живота о торчащую горловину топливного бака так, что в глазах потемнело. Бичико стал оседать. Очнувшись он сидя на дороге, водитель придерживая его за голову повторял срывающимся голосом: «Ничего страшного, ничего страшного!». МАЗ стоял посреди реки, кабина была откинута вперед как во время ремонта, словно вежливый прохожий приподнял шляпу, не отрывая полей от лба. От вида течения реки Бичико замутило. Водитель объяснял: «Верхний кряж поехал, смял защиту, уперся в кабину и опрокинул ее. Тяжелый, сука. Ты как, Бичико, как себя чувствуешь?» Бичико приходил в себя, болела голова, от мокрой одежды познабливало — по ущелью несся прохладный ветерок. «Все хорошо, только я думал: в пропасть летим». Водитель отошел и долго, как из шланга, поливал обочину, потом крикнул и, застегиваясь, удивленно спросил: «А ты чего?» Бичико прислушался к себе и ответил: «Почему-то расхотел». Лесовоз стоял накрепившись на один бок и бревна легко сошли, ухнув в речку. «Эх! — сказал водитель, — Тринадцать кубов!» — «Несчастливое число», — вяло согласился Бичико. Доехали без приключений. У дома выяснилось, что Бичико не может сам вылезти из высокой кабины — мышцы одеревенели. Маквала подхватила его как подростка, привела в дом и уложила в постель. «Что-то мне не хорошо», — жаловался Бичико: «Голова болит и в живот как будто камней напихали». Рано утром он позвал Маквалу: «В больницу падо — умираю». Маквала взглянула на него и ахнула — муж был весь опухший и синий, тяжело дышал. Выскочила на улицу и бегом к соседке акушерке: «Натела, посмотри на моего мужа, он вчера в аварию попал, а сегодня как

Фантомас!». За Нателой выскочил ее муж. Акушерка, взглянув на Бичико, деловито спросила: «Сознание терял?» — Бичико кивнул. «Тошнило?» — Бичико опять кивнул. «Тяжелое сотрясение мозга!» — торжественно объявила она Маквале. «Вай ме!» — тихо сказала Маквала. Нателин муж побежал по соседям, чтобы найти машину. Через двадцать минут к воротам подъехал грузовик. Подошли еще соседи. Все стояли у распахнутых ворот как на похоронах. Увидев грузовик, Натела закричала: «Вы с ума сошли, не вздумайте его в грузовик пихать, он у вас умрет!». «А что ты предлагаешь, на вертолете его везти в больницу?!» — огрызнулся Нателин муж. «Несите его на руках вместе с кроватью!» — твердо сказала Натела и обнадеживающе добавила: «Тогда, может быть, выживет». До больницы, по прямой, было около трех километров: спуститься с горы, пройти через болото, потом через железную дорогу и, наконец, по улицам поселка до самой больницы. Широкою, старинную с медными шишечками на спинках, кровать несли шестеро мужчин. Несли так, как будто боялись расплескать драгоценную влагу. Еще шестеро шли для замены. Издали казалось, что идет небольшая похоронная процессия. Наконец, дошли до железной дороги. Ручеек, вытекавший из болота упирался в железную дорогу, бежал вдоль нее, а потом уходил под мост. Вдоль ручья под железной дорогой был перекинут пешеходный мостик, чтобы дети, идя в школу, не переходили через полотно. Здесь процессия остановилась перевести дух. Бичико лежал с закрытыми глазами и тоже тяжело дышал. Мостик делал на той стороне дороги крутой поворот от ручья и мужчины помучились, пока протиснули и развернули на повороте тяжеленную кровать. В поселке нести стало легче, правда появились любопытные. Увидев странную процессию, жители выходили из дворов. Теперь под взглядами многочисленных зрителей, соседи Бичико шагали, как легионеры, несущие с поля боя своего центуриона. Шесть мужчин несли железную кровать по улице поселка, а еще шесть объясняли любопытным, что все это значит.

«Что случилось?!» — спрашивал кто-нибудь из жителей поселка.

«Бичико умирает, сильное сотрясение мозга!» — отвечал один из соседей.

«А от этого умирают?» — спрашивал поселкип. Сосед измерял вопрошавшего красноречивым взглядом и уклончиво отвечал:

«Некоторые умирают».

И вот, наконец, больничный двор. Старенький доктор невозмутимо курил на крыльце больницы, и наблюдал за приближающейся процессией, словно собиравшись произнести приветственную речь. «Поставьте кровать!» — властно, зычным голосом сказал он, увидев, что дойдя до крыльца, носильщики замешкались. Подойдя к Бичико, доктор остановился, вглядываясь в его лицо. Положив руку на запястье большого, ощупывал живот несчастного. «На машине разбился,» — подсказал кто-то. «Повреждений не вижу!» — громко и внятно сказал доктор. «Тут легкая ссадина..., а вот тут что-то нехорошее, впизу живота, — и, обращаясь к открывшему глаза Бичико, спросил: — Вино пил?» Бичико кивнул. «Много?» — Бичико опять кивнул. «Писать не можешь?» — Бичико удивленно округлил глаза. Доктор нетерпеливо переспросил: «Не можешь писать?» Бичико помотал головой. Доктор поднялся по ступенькам и скрылся за дверью. Мужчины недоуменно переглядывались.

Доктор вернулся, задумчиво спустился с крыльца, протирая ваткой какую-то острую трубочку. «Ну-ка, поднимите ему рубашку и расстегните брюки!» — скомандовал он. Кто-то осторожно выполнил приказ. Доктор еще раз внимательно осмотрел живот Бичико, потер ваткой ниже пупка и вдруг ткнул туда острым концом трубки. Старенький, мудрый доктор успел отскочить. Остальные — нет. Бичико фонтанировал как кит. «Что это?!» — растерянно спрашивали все, вытирая мокрые лица. «Что, что! — передразнил доктор — Моча!» «Доктор, он не умрет?» — спросил кто-то из задних рядов запоздало. «И жить будет, и пить, и в футбол играть», — отвечал доктор, вытирая больничным полотенцем Бичико и обрабатывая ранку йодом. Бичико порозовел, на лице его торжествовало облегчение. «Ну вот и все, — сказал доктор, накладывая на тампон пластырь, — Можете отвезти его домой, сегодня еще будет чувствовать слабость, а завтра пойдет на поправку». Старичок потре-

пал Бичико по щеке. Бичико приподнялся и осторожно сел. «Ну, ты нас напугал!» — сказал восторженно муж акушерки. «И обоссал!» — заметил кто-то из соседей незлобно. «Везите меня домой», — улыбаясь, озираясь Бичико. «Мы тебя снова унесем!» — сказал чей-то задорный голос. Все засмеялись. Доктор ворчливо сказал: «Хватит смешить людей, найдите машину и увезите его». «Доктор, с меня магарыч и хлеб-соль!» — улыбаясь Бичико. «Ожил!» — махнул рукой доктор и ушел в здание. Веселой гурьбой соседи потащили кровать с Бичико по улицам поселка. Но грузины не были бы грузинами, если бы кто-нибудь не сказал: «Что-то у меня в горле пересохло», — «Не только у тебя», — подхватил другой. «Это у вас после соленого душа», — добавил третий. Компания остановилась у одного двора, ей вынесли кувшин с вином и кружку. В следующем дворе кровать поставили прямо у накрытого стола под виноградной беседкой. «Эй, вы!» — кричал слабым голосом Бичико. — У меня жена с ума соходит!». «У меня жена тоже с ума сошла бы, если бы я исчез вместе с кроватью!» — парировал кто-то. Потом они остановились у хинкальной, снова пили, говорили тосты и долго целовались все по очереди с хинкальщиком и случайными посетителями. И, наконец, двинулись домой. «По-моему он стал тяжелей», — заметил муж акушерки. «Может отсоединить спинки», — предложил кто-то пьяным голосом. Впереди показался мостик.

«Так я и знал!» — в сердцах сказал доктор, когда стонущего Бичико, грустные, изможденные соседи снова притащили в больницу. «Где они тебя так?» — спросил он мрачно. «С моста уронили!» — только и смог выговорить ополумевший от боли Бичико.

Бичико Хачапуридзе приехал в поселок, заочпчив «Лесной техникум». Поработал полгода лесничим, а потом молодого специалиста выдвинули начальником лесопилки, вместо проважавшегося Кукури Хухуа. Дали участок земли. Бичико поставил времянку, развел виноградник и стал потихоньку строиться. Незаметно пролетело пять лет, дом был почти закончен, куплена мебель. Бичико подумывал о машине и женитьбе. Но в поселке с жёнщинами было такое же положение, как в г. Иванове с мужчинами. И тут он увидел Маквалу. Родители ее жили через три дома. И Бичико по выходным наблюдал как Маквала, после того как прошумит первая электричка, проходила мимо, идя со станции. Она работала медсестрой в дурдоме в

соседнем городке. Словно невзначай Бичико стал выходить к воротам, услышав субботнюю электричку. Сначала они просто здоровались, потом стали перебрасываться короткими фразами. Маквала была выше Бичико. Как ни странно, его это приятно волновало. «Что делать?» — задал он извечный грузинский вопрос двоюродному брату, попав по делам в город. Они сидели в шашлычной и запивали шашлык «Вазисубани». «Что? Жениться!» — обреченно заметил двоюродный брат, как будто невинные пируэты Бичико у собственных ворот накладывали на него тяжкие обязательства. «А если она не согласится?» — робко спросил Бичико, с надеждой и уважением глядя, как брат решительно вгрызается крепкими зубами в мясо. Он едва вытерпел, пока брат жевал, задумчивым взглядом оценивая наполненность бутылки, и наконец услышал: «А кто ее будет спрашивать — украдем, и все!». Тут же был составлен план кампании. «Машину я беру на себя!», — внушительно говорил брат, — «С дядей Гагули тоже договорюсь, поживете у него, пока ее родственники переберются, а ты должен назначить день и уговорить ее сесть в машину». Сначала Бичико задумал встретить на машине Маквалу у станции в поселке, но потом отменил эту мысль — ехать две минуты, а вдруг она не согласится сесть в машину. А что если встретить ее в городке? В ближайшую субботу Бичико, услышав электричку, вышел на улицу и прогуливался перед своими воротами, пока не увидел Маквалу. Они поздоровались, и Маквала остановилась, поставив сумку на дорогу, печально глядя на Бичико сверху вниз. «Вовремя электричка пришла», — светски заметил Бичико. «Зимой она редко опаздывает», — рассудительно ответила Маквала, мельком оглядывая новый дом Бичико. «Ну, я пойду». Маквала подхватила сумку и кивнула Бичико. «Баран, спроси про следующую субботу!», — ругал себя Бичико и крикнул вслед Маквале: «А на машине лучше!». Маквала не ответила, только обернулась через плечо, улыбнувшись глазами. В пятницу Бичико приехал к двоюродному брату. Увидев автомобиль, на котором предполагалось похищать невесту, Бичико заметно приуныл: «Ты говорил «Волга» будет». «Эта лучше, чем «Волга», — защищался брат: «В глаза не бросается, посадим ее на заднее сиденье и, уже пикуда не денется — дверей ведь нету! Напу также воровали», — добавил он веско, имея ввиду свою сестру. В тоне его чувствовалось, что он еще не простил зятя, но отдает должное тому, как искусно все было

проделано, как бы намекая, что не будь зять столь изобретателем, неизвестно стал бы он вообще зятем. Вечером они вымыли красный «Запорожец», заправили его и легли спать. Бичико долго ворочался и вздыхал и только кажется задремал, как почувствовал, что брат трогает его за плечо: «Ну и нервы — я бы ни за что не заснул!». Они вышли во двор, Бичико познабливало то ли от утреннего холода, то ли от волнения. Из салона «Запорожца» брат достал траурный веночек из туй с широкими черными лентами и стал привязывать к багажнику на крыше «Запорожца». «А это еще зачем?» — испугался Бичико, решив, что брат что-то перепутал. «Понимаешь, будем ехать мимо ГАИ: увидят веночек, увидят, женщина в машине плачет и подумают: на похороны едут! Здорово придумал?!». Бичико не ответил, только спросил: «А веночек где взял, купил?» «Нет, на кладбище украл!» — рассердился вдруг брат, он тоже заметно нервничал. Прежде чем сесть в машину, Бичико украдкой расправил траурную ленту. Надписи не было. Брат повернул ключ в замке зажигания — никакой реакции, еще раз — тот же результат. «Что будем делать?» — спросил в отчаянии Бичико. «Что, что — толкать!» — ответил брат. Приехали на вокзал, до электрички оставалось два часа. Брат заглушил мотор. «А если опять не заведется?» — спросил тревожно Бичико. «Должен был подзарядиться», — с фальшивым энтузиазмом успокоил его брат, но проверять не стал. Они сидели, вглядываясь в пустынную улицу, которая выходила на привокзальную площадь. «Надо было бинокль взять», — озабоченно говорил брат, протирая запотевшее стекло. «Зачем?» — удивился Бичико. «Чтобы не просмотреть.» «Ее мы никак не просмотрим!» — самодовольно ухмыльнулся Бичико. За двадцать минут до прихода электрички брат спросил, подозрительно вглядываясь в поникшего Бичико: «А ты точно знаешь, что она сегодня поедет домой?» «Точно», — соврал Бичико. В это время кто-то постучал по крыше «Запорожца», братья подскочили от неожиданности, выглянули. У машины стояла Маквала: «А я уже целый час за вами наблюдаю. Кого-то ждете?» «Кто это?» — подозрительно спросил брат у Бичико. «Кто, кто!» — шепотом сказал Бичико. — Невеста!» Бичико вылез из «Запорожца», глаза его бегали: «А, Маквала! Хочешь, мы тебя подвезем?» «Вы же на похороны собрались», — Маквала кивнула на веночек. «Домой надо заехать». Бичико стало потряхивать. Брат сидел в «Запорожце» и, закрыв

лицо руками, тоже тряся. Бичико откинул спинку переднего сиденья и жестом пригласил Маквалу. Она бросила сумку в салон, с сомнением посмотрела на открывшийся проем и поставила ногу. «Запорожец» подсел на одну сторону. Было совершенно ясно, что Маквале будет почти невозможно пролезть на заднее сиденье. Она убрала ногу и сказала, улыбаясь Бичико: «Лучше я впереди сяду». Бичико нырнул в салон. Брат до упора отодвинул назад сиденье. Маквала осторожно села, все же ей нельзя было отказать в некоторой грации. Мотор не завелся. «Толкнуть надо», — как бы удивляясь неожиданной, но смешной ситуации, заметил брат. Бичико затрепыхался на заднем сиденье, как перепелка в сетке. «Я толкну», — сказала просто Маквала и грациозно вылезла из «Запорожца». Машина тронулась, набирая ход. «Как же она поедет впереди, если она украденная невеста?!» — переживал Бичико. «Сиди, ради Бога! — жестко сказал брат и цинично добавил: — Скажи спасибо, что мы не везем ее сверху на багажнике».

И вот Маквала с родственниками и несколькими соседями уехала на стареньком колхозном автобусе на похороны. А Бичико остался дома. Но поскольку он нуждался в уходе, по причине собственной недвижимости, присмотр за ним поручили тестю. И тот с энтузиазмом согласился, ведь уход за больным — это почетное дело, которое, в то же время, освобождает от другой, порядком надоевшей, работы. К тому же Валико полюбил зятя и со свойственным героям труда прямодушием выражал ему свою привязанность при каждом удобном случае. В данном случае он заказал Мзии, мудрой супруге своей, множество разнообразных кушаний, которые она и носила через какие-то промежутки времени из своего дома в дом зятя. А Валико придвинул большой стол к дивану Бичико, уставил его всевозможными вкусностями, кувшинами с белым и красным вином и пошло и поехало застолье, с тостами и рассказами на которые Валико был большой мастер. Омрачало застолье только то, что при непрерывных возлияниях, Бичико требовались частые излияния. И Валико порядком надоело носиться с глубоким глиняным блюдом во двор, прерывая какой-нибудь замечательный рассказ на самом интересном месте. (У Валико было три любимых рассказа: 1-й рассказ о том, как он получил первый раз героя соцтруда, 2-й рассказ о том как..., ну дальше читатель сам догадается). Бичико, конечно, эти рассказы уже слышал сто раз, но задвинутый столом с яства-

ми и привязанный за ногу к потолку, он был беззащитен перед красноречием Валико. Кроме случаев, когда нужно было излить накопившееся в пузыре вино. Но и тут Валико нашел остроумный выход, вспомнив старинное сванское приспособление — детскую люльку с дырочкой на дне, через которую продевался шланг, один конец шланга подводился к младенцу, другой опускался в кувшин под люлькой. Между прочим сваны были уверены, что мальчик, который долго лежит на спине вырастает потом в стройного юношу. Ну, насчет стройности я спорить не буду, но в детстве меня часто удивляло: почему у многих сванов плоские затылки? Валико, каждый час услышав бой настенных часов, бросал на них орлиный взгляд и с удовлетворением отмечал, что, дескать, автобус с Маквалой, родственниками и соседями в этот момент должен находиться там-то и там-то. И, справедливости ради, надо сказать, что долгое время так оно и было, но в один момент провидческие откровения Валико стали расходиться с действительностью. Пока старенький автобусик, с симпатичной мордочкой газика, мчал нашу компанию по равнине и взору открывались знакомые поселки и виноградники, пассажиры пускали по кругу бурдюк с вином и он не миновал даже Маквалу, скромно сидевшую на заднем сиденье в черном платье и черной косынкой на голове (мужчины были в черных рубашках), но потом водитель свернул на горную дорогу, по которой им предстояло преодолеть перевал. И мало-помалу, пассажирами овладело меланхолическое состояние. Мотор задыхался на подъемах и ревел так нутужно и заунывно, что издали ревел напоминал звуки похоронного оркестра. Мысли всех приняли соответствующее направление. Вообще, похороны — удивительное явление в общественной жизни народа, часть его психологического портрета. В Грузии похороны очень многолюдны, съезжаются родственники и знакомые, которые не виделись, может быть, многие годы. На свадьбу ты можешь не приехать по той или иной причине, но для того чтобы не приехать на похороны нужно иметь чрезвычайно веские основания. Но поскольку бывает, что родственники находятся очень далеко, даже на других континентах, ожидание пока все съедутся, выливается в то, что покойника много дней не хоронят. Проводятся всякие мероприятия, вплоть до балзамирования, чтобы как можно больше людей могли попрощаться с покойным. Бывает, наступает девятый день, а покойник все еще лежит в доме.

А один мингрелец рассказывал (врал, наверное), что в каком-то городке, покойника похоронили только на 37 день, ждали родственников из Америки, что-то у них с визами не ладилось. И, якобы, один родственник, который приехал только на пятый день после того как получил скорбное известие, и думал, что опоздал, жил все это время в гостинице (в доме покойного и у соседей уже не было места), обвинил зятя покойного, что тот специально дотянул до сороковин, чтобы не тратиться на них отдельно. Но, что удивительно, на грузинские похороны приходят (на оплакивание) даже враги покойного.

Неизвестно, что чувствуют враги, видя похороны своего недруга, но, во всяком случае, внешне они не ликуют. Враги приходят к дому, где лежит покойный, круглосуточно окруженный скорбящими родственниками, а днем и профессиональными плакальщиками, плачущими нередко в микрофон, и стоят обособленной, особо-мрачной группой со скорбно-уязвленным видом. Стоят несколько часов на улице так, чтобы все их видели. Не заходят в открытые для всех ворота, не подходят с сочувствием к родственникам, тем более не садятся за днем и ночью накрытый стол, но всем своим видом показывают, что они тоже люди, и горе, которое рано или поздно приходит в любой дом, не оставляет равнодушными и их. Сотни людей приезжают просто на оплакивание и какое-то время стоят у дома покойного. Если покойный старик, на лицах нередко можно увидеть даже улыбки и это не нарушение похоронного этикета, просто пришедшие вспоминают, каким славным и веселым человеком был усопший. Если в Грузии вам вздумается отпустить бороду, вас постоянно обеспокоенно будут спрашивать: «Что-нибудь случилось?». Бороды здесь носят в знак траура. Если же, не дай Бог, начнется война, бороды отращивают все, кроме женщин и детей, разумеется.

Но мы забыли про наш автобус, который изо всех сил карабкался на перевал и вдруг, достигнув почти седловины — автобус стал, из-под капота валил пар, застилая ветровое стекло. Пассажиры, многие из которых клевали носом, встрепенулись и разом заговорили: «Что случилось, застряли?». При этом кто-то, в темном салоне было не разобрать, сказал: «Ничего, Маквала подтолкнет!» Мужчины выпали, чтобы размять ноги, водитель открыл капот и мрачно объявил: «Вода выкипела в ра-

диаторе!» Но осознание серьезности положения пришло не сразу. Дорогу многие хорошо знали, до ближайшего источника воды было больше 15 километров. С собой воды не было и даже вино было выпито. Надвигалась холодная альпийская ночь, пронизывающий ветер уже напоминал о себе частыми ледяными порывами. Мужчины стояли у открытого капота газика и натужно пытались сообразить как действовать дальше. Между тем, старый Пуцкер, озираясь и расстегивая ширинку со словами: «Маквалы нет?» отошел к обочине. Но вдруг его остановил вопль водителя: «Пуцкер, не на дорогу, в радиатор, клянусь мамой — это наш единственный выход!». Другие собиравшиеся последовать примеру Пуцкера, засмеялись — забрезжила надежда. Маквала сидела на своем месте и куталась в шерстяную кофту, открытый капот не позволял ей видеть, что происходит впереди. Мужчины с удовольствием по очереди вставали на бампер и замирали у горловины радиатора. Кто-то советовал: «Подожди, ветер стихнет, а то мимо пойдет!».

Наконец, водитель измерил палочкой уровень и скорбно сказал: «Мало, на самом дне!» Все молча стояли, осмысливая тщетность мелькнувшей надежды. И вдруг кто-то тихо сказал: «Маквала!» «Вы что с ума сошли?!» — кричала Мак-

вала, когда до нее дошло, что от нее хотят мужчины, — «Опозорить меня хотите на всю жизнь?!» Старый Пуцкер проникновенно ей говорил: «Надо, дорогая, надо — иначе не доедем, замерзнем, ночь надвигается!» Пришлось Маквале уступить, но то, что с легкостью делает мужчина, не всегда с такой же легкостью может сделать женщина. Особенно такая, как Маквала. Двое мужчин поддерживали ее с боков, а один поддерживал за колени спереди. Радиатор и наполнился. В общем, съездили они те похороны как полагаются, не подвели Бичико, а даже наоборот, такая солидная делегация, которая приехала вместо него, только подняла его авторитет. А Маквала взяла со всех мужчин строжайшую клятву — хранить эту историю в глубокой тайне. И к чести этих мужчин — они ее хранят. И даже встречаясь в застольях, в любом подпитии не нарушают ее. Только иногда кто-нибудь скажет, переворачивая осушенный рог: «Сухо, как на Джамбульском перевале!» Посвященные заговорщически посмеиваются, а остальные сидят и переглядываются как дураки.

Дотошный читатель может спросить: «А ты откуда знаешь эту историю?» Эх, читатель, читатель! Маквала мне рассказала: «Пиши, — говорит, — Раз ты записываешь разные истории, только имена измени и название перевала».

Рисунки Юлии Меньшиковой.

Лариса ЛИСЮТКИНА

*Для Ларисы поэзия — это сплав энергии души и силы интеллекта.
А еще в январе 2002 года состоялась ее выставка в Союзе художников.
Совместно с учащимися детской художественной школы № 1 г. Нижнего
Тагила она показала открытый альбом «На каждую улочку — совершим про-
гулочку».*

*Автор трех книжек детских стихов: «Кот-рыбак», «Год веселого драко-
ши», «Пасхальное яичко».*

Пень

Трухлявый, лысый, старый пень
Пинали все кому не лень.
Пню было некуда идти,
И он не мог себя спасти.

Он десять лет уже не пел,
Он рассыпался, он дряхлел.
Он знал свой истинный удел
И молча боль свою терпел.

Он тихо жил, без суеты,
Со всей природой был на ты.
Он не был никому чужим,
Но век чужой был прожит им.

Глухарь

Поутру глухарь токует:
По глухарке он тоскует.
Объявляет всей округе
О невесте, о подруге.

Одинокий ксилофон,
Выбирая нужный тон,
На басовой ноте — «ре»
Нам играет на заре.

Нам

На распутье бежать невозможно,
И стоять на распутье нельзя.
Нам бы двигаться осторожно,
Глядя друг другу в глаза.

Где нет возможности спасти,
Там невозможно удержать.

Нам дальше некуда идти —
Нам надо замертво стоять.

Воздушный шар

Шар был важною персоной.
Но однажды ночью тёмной
Он пошёл попить воды.
Он не чувствовал беды.
В темноте чуть-чуть споткнулся,
На булавку он наткнулся.
Шар был важною персоной,
Не услышали мы стона,
Только лёгонький хлопок
И булавкин хохоток.

Гололёд

Что такое гололёд?
Это голый, голый лёд.
Лёд не может быть одетым,
А совсем наоборот.

Если он наденет шапку,
Шарф, тулуп и валенки,
Соберёт себя в охапку —
Станет очень маленьким.

Ляжет лёд под одеяло
И под жарким слоем пуха
Расползётся, точно сало,
Или он совсем протухнет.

Лёд — любитель закаляться
В самые морозы.
Так водою обливаться,
Чтобы вышли слёзы.

А ещё он любит очень
Леденцы на палочке.
Он садится каждой ночью
Помечтать на лавочку.

Сергей РАТУШНЫЙ

Ратушный Сергей Алексеевич - коренной свердловчанин.

Родился в 1955 году. После окончания девяти классов поступил в училище, где два года обучался на столяра-краснодеревщика. Оставил училище в связи с болезнью и начал трудовую деятельность. Работал грузчиком, был рабочим на полевых работах, на стройке. Ездил по всему Уралу. Все время сотрудничал с многотиражными газетами, публикуя в них свои репортажи и стихи.

Рассказ «Передача» является его первой пробой пера в прозе.

ПЕРЕДАЧА

Мать

«То-то сынок сегодня порадуется,» — подумала Ирина Аркадьевна, когда поставила новую пару зимних ботинок в окошко для приема передачи. Передача в этот раз получилась на редкость «богатой», как сказала Ирина Аркадьевна соседке по этажу: и сигарет почти сто пачек, и чая килограмм, и конфеты, консервы, пряники, сухое молочко для «сыночки», как она ласково называла Диму. И самое главное — туфли, кожаные, на натуральном меху. Ну и что из того, что у самой из зимней обуви были только мужнины боты «прощай, молодость»: две пары шерстяных носок — и любой мороз не страшен. Да и ходить-то особо некуда — до магазина изредка, да в соседний подъезд, подмести и раз в неделю помыть. Эту халтуру она взяла после ареста Димы. Пенсии Аркадьевне едва хватало, чтобы заплатить за двухкомнатную квартиру, которую оставил муж-покойничек и которую она намеревалась оставить «сыночке». Благодаря этой халтуре Ирина Аркадьевна вот уже пять лет два раза в год делала Диме передачу, и оставалось ей приезжать еще дважды. Срок подходил к концу, до «звонка» (конца срока) было год и месяц. И еще (в тот момент подумала Ирина Аркадьевна), как хорошо, что все-таки пригодились ее и мужа-покойничка обручальные кольца... Да маленький золотой крестик — все золото ее жизни она отдала без сожаления адвокату, защищавшему Диму в суде. Дали семь лет за разбой, а так бы и десять могли дать, так во всяком случае ей сказал адвокат.

И, выйдя из помещения приема передач под промозглый осенний ветер с дождем, она еще

раз взглянула на свою смешную обувь и улыбнулась пробежавшей мысли — вот освободится «сыночка», начнет работать, и справит матери новую обувь.

Сын

Дима был единственным и очень поздним ребенком. Ирине Аркадьевне было за сорок, а отцу — Ивану Дмитриевичу — под шестьдесят, когда Дима появился на свет. Так что не надо особого труда и фантазии для того чтобы представить, какими были детство и юность Димы. Все было для него, и только для НЕГО. К хотя Иван Дмитриевич прожил трудную, но честную жизнь, прошел две войны, — Финскую и Отечественную, знал истинную цену куска хлеба, в Диме видел, как и Ирина Аркадьевна, только хорошее. Так и не узнала она всей правды о смерти мужа. В свидетельстве же о смерти Ивана Дмитриевича было черным по белому написано: смерть наступила в результате обширного инфаркта миокарда.

А дело обстояло так. Дима, будучи студентом медицинского института, (единственная мечта матери, много лет проработавшей медицинской сестрой, чтобы ее ребенок, ее «сыночка» выучился на доктора) пристрастился к наркотикам. Как-то во время летних каникул, зная, что родители в саду, Дима с другом пришел домой чтобы «свариться» — сварить маковой соломки и, кайфуя, посмотреть интересную видеокассету.

И именно в этот момент зачем-то Иван Дмитриевич вернулся в дом. Увидев шприц и прочие атрибуты наркоманов, моментально сообразил, в чем дело. Он только сумел спросить у сына: «За что?» В ответ он увидел наглые и блестящие нехорошим блеском глаза Димы и услышал

его какое-то дистрофическое: «Нельзя уже и расслабиться...»

Хоронили фронтовика скромно, так как Ирина Аркадьевна посчитала, что образованный «сыночка» будет лучшей памятью и памятником Ивану Дмитриевичу.

После окончания института Дима сумел поработать дежурным врачом в бригаде «скорой» всего полгода, перебравшись из нее на тюремные нары за хищения наркотиков.

Но и тогда Ирина Аркадьевна посчитала, что это какой-то злой наговор на ее «сыночку» (в чем он ее и убеждал).

Освободившись досрочно, он снова взялся за старое — за наркотики, и буквально через неделю «загрел» на нары, теперь уже за разбой. В редких письмах к матери Дима писал, что стал другим, и все теперь будет хорошо. Только это и видела в письмах сына мама, хотя каждое такое письмо заканчивалось просьбой выслать посылочку или привезти передачу.

Так и жила Ирина Аркадьевна, перечитывая изо дня в день тот десяток писем и веря, что все образуется: и «сыночка» будет Человеком, и удастся ей и внуков понять, и погордиться им.

Дима же думал несколько иначе и каждую передачу обменивал сразу же на «чеки» (доза наркотика — один «чек»). Так и в этот раз, «проколов» за два дня всю передачу, во время начинающейся у него ломки он смотрел пустыми глазами на ботинки — кожаные, на натуральном меху, — и соображал, сколько же «чеков» за них могут дать. Вроде бы случайно оказавшийся рядом в этот трудный для Димы момент «барыга-банчила» предложил сразу четыре (!) чека за ботинки.

Раздумья Димы были недолгими...

Состояние Димы не позволяло ему понять, что происходит — смерть от передозировки мгновенная.

... зажав в руке телеграмму о смерти «сыночки», Ирина Аркадьевна в другой сжимала ненужные теперь кожаные перчатки, которые час назад вручил ей в том подъезде, который она убирала, один из «новых русских» — как-то, видимо, услышал ее разговор с соседкой про то, что она ботинки увезла, теперь бы еще перчатки «сыночке» справить.

«Прилягу на пять минут, отлежусь и скорей в зону, забрать сыночку», — только эта мысль сверлила ее голову.

Мать

Ирину Аркадьевну обнаружила соседка по этажу на следующий день. Дверь была приоткрыта. Женщина вошла и увидела Ирину Аркадьевну в метре от дивана, лежащую на полу. Руки ее были не раскинуты, а прижаты к груди, к сердцу, в которых были зажаты телеграмма и новые кожаные перчатки для «сыночки».

Сын

Диму похоронили на кладбище рядом с колонией — на нем хоронят зека, тех, кого не забирают родственники. На ногу одели бирку с номером, потом положили в грубо сколоченный гроб. В холмик над могилкой воткнули столбик с дощечкой. На пей был написан только номер. Ни имени, ни фамилии...

Рисунок Т. Ложниной.

Наталья БУРДИНА

Родилась в заснеженном Свердловске в 1977 году. Как все нормальные дети, ходила в детский сад, потом в школу. В 1994 году поступила в Екатеринбургский театральный институт на отделение "Актер театра кукол". Ныне — актриса театра кукол г. Новоуральска.

Первые пробы пера состоялись еще в школьные годы. Сегодня это неотделимая составляющая ее внутренней жизни.

Свято верит в то, что мир поэзии имеет удивительное свойство оживлять души и исцелять от равнодушия. Позволяет смотреть на этот мир детскими глазами, дает нам возможность прикоснуться к бесконечности.

Прислушиваясь к тишине,
К вечерним ливням,
На растревоженном окне
Слагаю гимны.

Взметнется парусник Любви
На горизонте,
И будет бредить до зари
Промокший зонтик.

Стекают капли по стеклу,
Продрог художник.
Уж верно близится к концу
Несносный дождик.

Ручьи галдят наперебой,
Врываясь в лужи.
И в грудь ударивший прибор
Сомненья рушит.

А я — уралочка,
Зовут: Наталочка.
Платочки красные
Да очи ясные.

Кручу монеточку,
Орла да решечку.
Кому любовь дарить,
Кого с ума сводить.

Шелками стелятся
Ладони Велеса.
Кручу перчатками,
Гадаю святками.

Порвутся бусики —
Бегу с безусым я.

А наряжусь княжной —
То и усагый мой.

Ах, поле-полюшко,
Девичья долюшка!
Берёзы стан тугой
Да меткий взгляд дугой!

Стрела амурная,
Река лазурная.
Да плотик маленький
Ласкает ладанки.

Посадила берёзку белую.
Ты расти, краса ненаглядная!
Посадила по рученьку левую
У дороги да входа парадного.

Пробегать будут кони заезжие —
Заглядятся на тонкую издали.
Вечера опускаются вешние
Над белёными старыми избами.

Шумным гомоном, гибкою веточкой
Встрепенётся душа воробьиная.
А на маковке — белая ленточка
Развевается длинная-длинная.

Посадила берёзку кудрявую,
Батьке Ветру забава да Ворону.
Всё сжимает мне рученька правая
Грудь сердечную, левую сторону.

Сергей ИВКИН

Ивкин Сергей Валерьевич (автобиография).

Родился в Свердловске в месяце Капитана и год Сороки. В 1992 году с позором изгнан из пионерской организации. В 1996 году благополучно окончил гимназию № 9. В 1998 году спокойно отчислен из УрГАХА. В 1999 поступил в РГППУ, где учусь на кафедре ДПИ и народного творчества. С 2000 г. «играю в Борхес» (название культурной акции группы художников и литераторов - Ред.).

Печатался в журнале «Юность» (№ 3, 1997), альманахах «Крушение барьера», в «Свезарах», за рубежом и в периодике. Наставниками считает: Е. Касимова, А. Поспелову, Е. Бушуеву. Лауреат фестивалей «Весна-УПИ-2002» в номинации «Юмор», «Свезар-1998» в номинации «Поэзия», «Дебют-97» в номинации «Журналистика».

Домик в деревне

Кирпичная кладка замазана белой шпатлёвкой,
Камин прогорел, и по комнате бродит дыханье.
Здесь вечный бардак, на порядок смотрящий
с издёвкой,
Поскольку бардак научился ругаться стихами.

Большая кровать. Поперёк она даже просторней.
Большое окно с одинокой цветной занавеской.
Когда ты войдёшь: будешь шумной, смешливой
и вздоной.
Мне стоит учиться быть тихим, спокойным
и веским.

Сегодня заметил: в деревне отсутствует время,
И люди живут ожиданием общих авралов.
И строят дома, как ковчеги традиции древней, —
Придёт океан и зальёт мелководье Урала.

Из детства

На старой моторке помятый мотор барахлит:
Не с первой попытки заводится, долго
не глохнет.
Но всё-таки почью на озеро выйти не плохо,
Оставив на зеркале пеба двойной
расходящийся клин.

Я — глупый пацан, до буйков доплывавший
в грозу,
Смотрю на моторку, как на настоящее судно,
Которому озеро, знаю, осилить не трудно,
Имея мотор и озёрного духа внизу.

Старик-капитан. Вся команда: потрёпанный пёс,
Застывший на баке и мрачно глядящий на воду.
Они представляли тогда мне морскую погоду —
я, глядя на них, в ощущении нужности рос.
Я — маленький, гордый, в грозу выбегавший
на пирс,
Смотреть, как паром на приколе боролся
с волнами,
Считал, что теперь что-то общее есть
между нами —
Я эти предметы как марки цветные копил.
Зелёная ветка служила надёжней весла.
Штормило всю ночь — я уснул на квадратике
пирса.
Я счастлив был тем, что на этой мечте
прокатился...
Паром утонул. Меня лодка на берег везла.

Они похожи, словно две сестрёнки.
Два фото: на бумаге и на плёнке.
Цвет золотистой охры и морской.
Есть в первой что-то от домашней львицы.
А у второй характер грустной птицы.
С насока можно в каждую влюбиться,
Но выбор связан с болью и тоской.

Сколь много власти в пристальном прищуре.
Прозрачностью двух льдинок я прищучен.
Двумя же огоньками распалён.
На чёт и печёт разделились лица.
Стоят моей судьбы императрицы.
И это чувство с запахом корицы
Качается, как медный медальон.

Плоды гниют. Сорняк уходит в рост.
 Не прополоть, что впредь не прокосили.
 А с винодела невысокий спрос.
 Молчи — ты нем. Лежи — ты обессилен.
 Сквозь ставни ночью не увидать сад.
 И только запах просочится мятный.
 У притолок гудящая оса
 Невидима, но тем и неприятна.

Тропинка пролегает в пустоте,
 В зрачках репья и бархате крапивы.
 Тебе покойно быть одним из тех,
 Кто эту жизнь несёт неторопливо.

В давящие застоялся аромат.
 Прогнивший пол опасливо пружинит.
 Ветшает одиночная тюрьма.
 И нет вина в надколотом кувшине.

Зелёные земные облака
 На тонких извивающихся ножках
 И тихая небесная река
 Стучатся по утрам в моё окошко.

Зелёные земные облака
 И белые небесные поляны,
 И ласковая женская рука
 Залечат раны.

Вчера меня покинула тоска.
 Вся жизнь моя, как ягода в лукошке.
 Зелёные земные облака
 Плывут вдоль нескончаемой дорожки.

Впервые в жизни

Впервые в жизни хочется: заткнуться
 И в приступе критического счастья
 Пить взглядом ночь, как пьют луну из блюда
 И топят сигареты в крепком чае;

Писать стихи не потому что плохо,
 А потому что слово, избывая,
 Приводит в чувство.

(Холодок на вдохе.

На выдохе листва и звон трамвая.);

Быть старшим, и её, как детонатор,
 Брать в руки, опасаясь за неё же;
 Стать персонажем собственной сонаты,
 Кусать металл её простых серёжек;

Уткнуться в свежий апельсиновый ворох
 Её волос и, достигая тверди,
 Почувствовать себя её опорой,
 Её Сезанном и Джузеппе Верди.

Два зеркала столкнулись:
 Глаз бездонней
 Не видели до этого они.
 Так начиналось первое гнездовье,
 Так в бесконечность
 Обрывалась нить.

Поил востоком женский взгляд косули.
 В его глазах шотландская тропа.
 Изнанкой зеркала соприкоснулись
 И мир в них растворившийся
 Г

*

Я сам себе сказал: «Сорока,
 Сто сорок тем трещи как хошь —
 Сто сорок первую до срока...
 Священной темы не тревожь.

Как отпоёт и отыграет
На сердце радостная блажь,
Когда захлопнут ставни Рая —
Тогда ты мне за всё воздашь!

За глупость, за мужскую ленность,
Гордыню, гонор и оскал,
Что на свидании с Вселенной
Одну планетку отыскал.

Но не сейчас. Молчи, двухглазый.
Дай только сердцем зреть красу,
Не раскрывать как карты фразы,
Не выносить на общий суд.

И двадцать строк, как чашу с ядом,
Не предлагать испить друзьям.
Остановись писать.

Не надо!

Остановись читать.

Нельзя».

Злость самое простое.
Без обид.
Мы встретимся?
Ну, если будет случай.
Меня при встречах иногда знобит,
Да и тебя мне не пристало мучить.

Злость самое простое.
Улыбнусь
При встрече в непредвиденной аллее.
Останется царшиною грусть,
Которую улыбкой не заклеить.

Злость самое простое.
Отпустив,
Гораздо легче дышится, и легче
Не появляться на твоём пути
И не чураться незнакомых женщин.

Обратная переправа

Мне вспомнилось: холодный чёрный берег
И женщина (зажата и бледна),
Широкая река и розовые перья
Огромных шумных птиц, не подлетающих к нам,

Пустая пристань. Нас стояло трое.
Я — молодой гусар с простреленным плечом,
Та женщина со мной (Мне вспоминалась Троя,
Елена и война. Я был бы обречён

На поклоненье ей, но в побелевшем сердце
Другая свой очаг надежды развела)
И рыжий мальчуган. И если приглядеться,
Похожий на меня.

Дробились зеркала
Отравленной реки.

Титанова порода,
Наш лодочник чинил неспешно снасть.
Вычёрпывая раковины воду,
Швырял монетки золотые в грязь.

С нас за проезд не попросил ни пенни.
Бурчал под нос неслышимое нам.
И я, на берег выскочивший первым,
Вдруг понял всё, едва коснувшись дна.

Нас отпускали. Я, убивший друга,
Ревнивый и презрительный к своим,
Кричал благословения как ругань,
Бросая в небеса целепый гимн.

Та женщина (прекрасна и далёка)
Поцеловала воду за кормой.
И улыбался мальчик синеокий,
Как гимназист, отпущенный домой.

Сквозь камыши мы поднимались выше,
Царапали берёзовый настил.
Старик Харон из плоскодонки вышел
И в спину нас, смеясь, перекрестил.

Рисунки автора.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Константин БЕКЕТОВ
«По лезвию Сабли»
Андрей ИВАНОВ, Татьяна КРАФТ
«Прорваться через болота!»
Евгений ТАМПЛОН «Скалы
Петра Гронтского (Петрогром)»
и другие материалы

Здравствуйте, дорогие читатели!

Осень в разгаре. Уже закрыли свой сезон туристы-водники. Готовят лыжи любители зимних походов. Позади и последние соревнования «теплого» сезона: «Осенний марафон», в котором приняли участие более двадцати туристических команд Урала, «Шунутский экстрим» и мультиспортивная гонка для спортсменов-новичков, проведенная прямо в черте Екатеринбург... А время зимних состязаний еще не началось.

Если переключиться с перечисления новостей на рассказ об этом номере нашего журнала, то нельзя не отметить интересный отчет об экспедиции альпинистов, совершивших зимние траверсы и восхождение в труднейшем месте горы Сабли, одной из самых красивых и коварных вершин Приполярного Урала. Да, серьезный альпинизм в наших родных горах возможен!

Про необычную экспедицию (она же испытательный пробег вездеходов) вдоль разрушившейся дороги на Крайнем Севере рассказывает статья Андрея Иванова и Татьяны Крафт «По погибшей дороге». Люди и современная техника с трудом прошли через те болота, где Сталин пытался проложить рельсы...

На страницах этого номера вы встретитесь и с путешественником, действительным Членом географического общества Алексеем Слепухиным, который в замечательном очерке «Конжак» описал свой опыт организации и проведения семейных походов, а заодно расска-

зал немало интересного про легенды, связанные с горами... Материалы этого автора давно печатаются в центральных журналах, а у нас он выступает впервые.

Продолжает рассказывать про памятники уральской природы Евгений Тамплон. На этот раз мы вместе с ним совершим путешествие на Скалы Петра Гронского — самое доступное, с моей точки зрения, место для начинающих туристов, своего рода полигон для них.

Еще один дебют нашего номера — небольшой охотничий рассказ Андрея Байдакова. Андрей, в основном, известен как хороший фотограф, теперь же перед вами открывается его писательский талант.

Так что хорошего вам чтения! И хороших походов!

Александр Челноков

Андрей ИВАНОВ, Татьяна КРАФТ

Прорваться через болота!

В эпоху Сталина здесь хотели проложить северный железнодорожный путь. Он должен был тянуться от Надыма до Салехарда. Но в итоге деньги, время, техника были выброшены на ветер. А самое главное, эта инженерная авантюра оказалась оплаченной примерно 300 000 человеческих жизней. «Северным адом» можно было назвать эту дорогу в те времена. Даже сейчас земля, по которой хотели тянуть этот путь, очень тяжела и для людей, и для техники — а что уж говорить о тех далеких годах, когда лагеря по ее обочинам еще не были разрушены временем и Севером...

Остатки железной дороги.

Идея проезда по этим местам принадлежала Олегу Васильеву (предприятие «Челябтрансавто»). Этот человек очень любит всякую внедорожную технику. И, узнав, что Заволжский завод гусеничных тягачей (г. Заволжье) готовится к серийному выпуску «Бобров», решил самостоятельно их испытать эту принципиально новую для России марку вездеходов. Купил две машины, скомпоновал их экипажи. Туда вошли проверенные люди: он сам и Лариса, его жена; Николай и Ирина Трусовы; Сергей Капитонов; Вячеслав Хрипунов, водитель с завода-изготовителя, и Андрей Иванов, опытный екатеринбургский путешественник, один из руководителей «Уральской студии приключений» (UB2).

Встал вопрос: а где же этим красивым, удобным внутри машинам придется тяжелее всего? И выбор пал на зимник, что уже многие годы тянется почти параллельно с той сталинской дорогой, отходя от нее лишь местами.

Формально точкой отправки пробега являлся город Новый Уренгой. Но от него до Надыма дороги достаточно легки — они песочные, а местами на них

даже асфальт лежит. Хотя разные мелочи начали всплывать уже на этом этапе: например то, что загруженный под завязку «Бобр» имеет слишком высокий центр тяжести. И задняя часть машины при такой, неизбежной для экстремальных условий загрузке, царапает по дороге. Кресла вполне комфортные, в салоне есть даже видеодвойка. Только вот от грохота двигателя избавиться не удалось. Он, как и у предков «Бобров», давит на уши.

Но все это мелочи. А вот как машины поведут себя в экстремальных обстоятельствах?

После первой ночевки на заброшенной буровой машины подъехали к реке Правая Хетта. «Бобры» умеют плавать, но все-таки пробег испытательный, возможности техники еще не ясны, так что случиться может любое. И без нужды лучше не рисковать, а действовать по заранее отработанной схеме: накачать резиновую лодку, поставить на нее мотор, «заводить» веревки на противоположный берег, перевозить вещи и людей. Только после всего этого поплыли вездеходы, в которых находились одни водители.

Переправа прошла благополучно, ночь «обеспечи-

ла» зрелищем — пожаром склада на железнодорожной станции. А 29 августа началось настоящее путешествие — «Бобры» не спеша выбрались за черту Надьма, города еще вполне современного. Но являющегося последним островком цивилизации в тундре...

Лужи в вечной мерзлоте очень коварны. Точнее, это даже не лужи, а нечто вроде грязевых линз. Их называют «чачи». Кажется они небольшими — а если промеряешь их шестом, оставленным кем-то из оленеводов, то дна не обнаруживаешь. Дерево беспрятственно уходит и уходит в грязь, тянущуюся, кажется, на многие километры вниз. И если выбрать неправильную скорость или не тот наклон машины — то все, завязнешь. А деревьев, за которые можно зацепить спасительную лебедку, нет. Так что недаром тундра около зимника выглядит, как свалка поблизости от завода. Прямо из земли (то есть прямо из болота) выходят куски оборвавшихся тросов, торчат колеса тракторов, крыши кабин чего-то настолько проржавевшего, что его уже не опознать.

Тундра... Она огромная, тянется до горизонта. И все в ней одинаково. Как же найти нужную трассу? Либо по шестам, которыми местами отмечен зимник, либо (что надежнее) по водочным бутылкам, сигаретным пачкам и всему подобному, что выкидывается зимой из окна машин, а потом вытаивает, годами лежит среди травы и ягеля.

Что же касается автопробега — то свой нрав тундра показала буквально через 22 километра от Надьма. При съезде с полотна железной дороги в маленькой, вроде бы абсолютно безобидной яме у одного из вездеходов «полетела» направляющая переднего ролика, так называемого «ленивца» из механизма натяжения гусеницы. Пришлось возиться в болотной жиже, вытаскивать из нее детали рассыпавшегося механизма. Потом пешком идти в Надым (что в итоге оказалось даже быстрее езды по тундре), заваривать, возвращаться... Еще хорошо, что такая поломка произошла рядом с городом — иначе вся экспедиция была бы сорванной. По тундре в одиночку вездеход не дойдет, рано или поздно завязнет — и, раз нет второй, вытягивающей машины, навсегда утонет в грязи...

Что осталось от железнодорожного полотна, мимо которого ехали вездеходы, отлично видно по фотографиям. Хотя рельсы пытались прокладывать по голубой глине — очень твердой породе — все равно итог таков... И мосты — вернее, скелеты мостов, где от быка к быку по воздуху идут ржавые, еле-еле держащиеся рельсы. И какие-то подобию домов, барачков, маячащие невдалеке от расползшегося вала песчаного полотна. Откуда, кстати, здесь песок? Может быть, заключенные вычерпывали его прямо из болот, что идут буквально в нескольких метрах от насыпи? Или возили из каких-то удаленных карьеров?

Вездеходы ползут по тундре медленно. Даже когда их экипажам надоедает без конца вылезать и промерять все встречные лужи — все равно медленно. И не только за счет того, что машины застревают — просто по такой почве разогнаться просто невозможно. Регулярно то один «Бобр» тянет другого, то через полчаса они меняются ролями... Иногда места, относительно пригодного для езды, так мало, что обгоняющая машина почти чиркает бортом о борт второго, медленно тонущего вездехода. И опять рвутся веревки, не выдерживая массы медленно уходящего в жижу вездехода. Конечно, и перевороты бывали — как же по такой дороге проехать без них?

В местечке под названием «60-й км зимника» встретили некоего Андрея — он уже 16 лет якобы сторожит какое-то оборудование, оставляемое на лето и нужное зимой для прокладки и обслуживания нашей дороги. Выясняем, что мы — первые люди, которых Андрей увидел за это лето. В обмен на бутылку водки и пять

Маленькая такая лужа... Хорошо застряли.

Добываем добавку к походному рациону.

банок пива он дал нам 200 литров дизельного топлива и кучу бесполезных советов на тему того, как лучше преодолеть его реку.

И опять — дорога. Остатки былых лагерей, поселки, где домов меньше, чем техники, стоящей прямо под открытым небом. переправы через реки и овраги. Наткнулись и на ЛЭП, упавшую как раз вдоль дороги. Ее провода наматывались на гусеницы, не давали нормально ехать.

И еще была ночевка в старом мансийском стойбище. Жертвенные столбы. Деревья, по веткам которых развешано все подряд: тряпочками, банки, черепа мелких грызунов, остатки обуви, запчасти от снегоходов «Буран»... Мешанина из каменного и двадцать первого веков была вполне под стать мешанине под колесами «Бобров».

А седьмого сентября один из вездеходов при переправе через ручей воткнулся носом в его противоположный берег.

Задействовали лебедку — и ее трос первым делом порвался. Тем временем двигатель машины уже начал прихлебывать воду ручья — а это уже грозило разрушением двигателя. Но со второй попытки «Бобра» удалось привести в нормальное по-

ложение. При этой переправе нам очень помогла гусеница большого, ржавого бульдозера, некогда погибшего здесь. За эту гусеницу лебедочный конец крепился вполне хорошо.

Все эти мучения кончились только на реке Оби — за ней дорога была уже нормальной.

Хотя изначально этот маршрут не был задуман как скоростной, и его участникам должно было хватить времени и на настоящую охоту, и на отдых, но в итоге последнее слово сказал азарт. И так как паром из Салехарда в Ханты-Мансийск ходит только раз в неделю, по субботам, то 500 километров трассы было решено пройти не за три, а за две недели.

Спешили изо всех сил.

И опоздали к парому ровно на полтора суток. Так что пришлось сидеть в Салехарде пять дней, бездельничать и вздыхать по поводу того, что ехать по тундре и бороться с чачей было гораздо интереснее. Вздыхать о том, чего не успели рассмотреть в спешке... ведь сейчас проезд по этим местам — просто удовольствие для любителей экстрима.

Тундра осталась по-прежнему коварной, но времена сменились — и сейчас она уже не палач, а напарник в рискованных, трудных играх людей, бросающих ей вызов для своего удовольствия...

На остатках вездехода-предшественника.

Евгений ТАМПЛОН

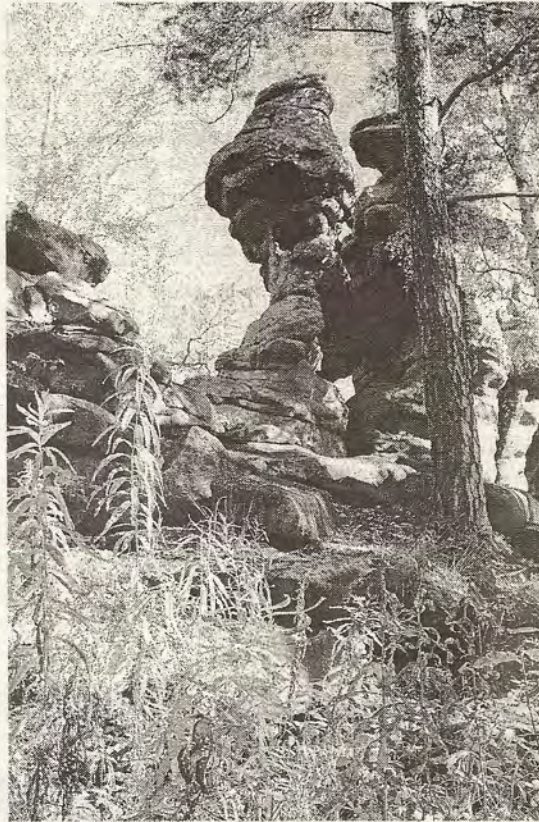
Скалы Петра Гронского (Петрогром)

Среди многочисленных каменных палаток*, что разбросаны в окрестностях Екатеринбурга, на скалы Петра Гронского следует обратить особое внимание и побывать там обязательно. Вы можете познакомиться не только с уникальным природным объектом, скалы Петра Гронского — это и исторический памятник. В древние времена, примерно в середине I тысячелетия до н.э. здесь процветало металлургическое производство. Остатки древних горнов сохранились до сих пор и к ним можно прикоснуться руками.

Скалы Петра Гронского представляют собой гранитный гребень небольшой одноименной вершины, что расположена в 3,0 км от железнодорожной станции Исеть. Своим названием она обязана некоему Петру Гронскому, которого в годы советской власти было принято считать революционером и организатором рабочих боевых дружин. В районе скал революционно настроенные рабочие во главе с Петром Гронским якобы прятали оружие, учились стрелять и морально готовились к грядущей борьбе за светлое будущее. Было это, или не было, никаких подтверждающих документов не сохранилось. Историки даже не смогли найти сведения о рабочем и революционере Петре Гронском. Единственное, что удалось документально установить, что жил на станции Исеть в начале XX века человек по имени Петр Гронский, но был он в те годы подростком и в революционных батальонах не участвовал. Может быть по скалам он лазил значительно чаще своих сверстников, поэтому земляки и увековечили его имя, а поэтический миф о рабочем-революционере придумали уже другие люди и в другом месте.

Историки и археологи предпочитают называть скалы Петрогромом или Гром-Камнем. Этим названием часто пользуются не только ученые. Оно больше подходит для величественных древних скал, тем более, что по рассказам местных жителей именно со стороны скал к Исети приходят грозы. Молнии также предпочитают бить именно в этом месте. Так это или нет,

* Так называются гранитные скалы на вершинах невысоких гор Среднего Урала, которые под действием воды и ветра приобрели причудливые очертания, напоминающие творения рук человеческих — каменные палаты или просто палатки.

Скалы Петрограда.

сказать трудно, но в природе действительно есть местности, где молнии бьют о поверхность земли несколько чаще, чем в других местах. Может быть скалы Петрогром и обладают такой притягательной силой.

Геологически скалы мало чем отличаются от всех других многочисленных каменных палаток, разбросанных к северо-западу от Екатеринбурга. Все они сложены древними гранитами и гранодиоритами, возраст которых достигает 300 миллионов лет. За прошедшие сотни миллионов лет гранитные массивы сильно разрушились; горизонтальные и вертикальные трещины, образовавшиеся еще в период остывания гранитной магмы, расширились и углубились; образовав отдельные вертикальные столбы, сложенные горизонталь-

но лежащими плитами, которые за округлые формы называют матрацевидными.

Вершина самого высокого участка скал поднимается над основанием на 15 метров, по мере удаления от вершины горы высота скальных выходов уменьшается и постепенно они исчезают. На поверхности остаются заметны только поросшие мхами и лишайниками гранитные глыбы — это все, что сохранилось от некогда грандиозных каменных сооружений.

С северной стороны скалы обрываются высокой неприступной стеной, преодолеть которую невозможно без специальных навыков и снаряжения, но стоит немного пройти по гребню, как многочисленные трещины и уступы позволяют вам без особых хлопот подняться даже на самую высокую вершину. На вершине скалы вы увидите плоскую площадку, на которой хорошо выделяется круглое углубление, напоминающее высеченную в камне чашу. Пройдя по вершинам скал, можно обнаружить еще несколько подобных чаш в разной степени сохранности. Все это следы древнего металлургического производства.

Более 2500 лет назад здесь кипела жизнь. Уже тогда в этих местах были найдены залежи медных и железных руд. Вершина же горы, по мнению древних металлургов, была идеальным местом для совершения магического обряда превращения «камня» в металл. Идеальным место было не только из-за грандиозных «декораций», окружающих таинственный процесс плавки, но и из-за чисто технологических требований. В те времена уральские металлурги еще не умели принудительно, с помощью мехов, подавать воздух в плавильную печь. Поэтому и старались выбирать для плавки открытые вершины, хорошо продуваемые ветром. Отец истории — Геродот — пишет о загадочных племенах исседонов, которые в неведомых Гиперборейских горах выплавляют медь и делают из нее зеркала. Их блеском они ослепляют в бою врагов. Конечно, это не более, чем легенда. Геродот пользовался слухами и мифами, описывая страны, где сам никогда не бывал. Но, тем не менее, античный мир знал о существовании Уральских гор. И металл, выплавляемый здесь, доходил до Поволжья и Причерноморья. Какая то часть этого металла, возможно, плавилась на вершинах Петрограда.

Археологи по многочисленным

находкам восстановили древний металлургический процесс. На плоской каменной поверхности из гранитных блоков складывалась копусообразная печь высотой до одного метра. Туда закладывалась мелко истолченная руда, а в качестве флюса добавлялись кости животных. После плавки печь разбиралась и из ее основания доставался небольшой слиток меди, который в дальнейшем перековывали и переплавляли в наконечники стрел и копий, зеркала, ножи и амулеты. От высокой температуры гранитное основание печи разрушалось. Постепенно образовалось округлое углубление, напоминающее плоскую чашу. Эти чаши мы и можем увидеть на вершине скал Петра Гронского.

Добраться до уникального памятника природы и истории очень просто. Независимо от транспортного средства, которым вы располагаете, включая электричку, идущую до Нижнего Тагила, вам нужно добраться до станции Исеть. Отсюда пешком около 3 км на запад. В сторону скал Петра Гронского идет линия электропередач, по которой многочисленными туристами и скалолазами проложена хорошая тропа.

Запланировав поход на скалы Петра Гронского, постарайтесь не смешивать его с экскурсией на Чертово Городище, которое тоже находится недалеко от станции Исеть. Объекты эти внешне во многом схожи, но каждый из них имеет свою богатую историю, свои особенности. На каждом надо побыть, посидеть на древних камнях, послушать шум ветра, — только тогда открываются истинная древность и красота уральской природы.

Петроград.

В этих каменных чашах древние металлурги варили свои сплавы.

Константин БЕКЕТОВ

ПО ЛЕЗВИЮ САБЛИ

«Коми рассказывают, что есть саблийский Хозяин, строгий, жестокий и недоступный; его видят иногда смельчаки, рискнувшие подняться на Саблю, несущимся по горам в виде крутящегося столба...»

Б. В. Безносков, путешественник, 1908 г.

«Истинный альпинизм заключается в восхождениях по новым маршрутам и в освоении новых районов».

Крис Бонингтон

До недавнего времени Приполярный Урал альпинистским районом не считался. Сравнительно небольшие абсолютные высоты здешних вершин не пробуждали интереса восходителей. Даже трудно было себе представить, что когда-либо сразу две большие экспедиции будут одновременно работать в этом районе. Однако на волне нынешней моды на первопрохождения в «малых» горах одним из полюсов притяжения оказалась северо-восточная стена пика Сабля, наибо-

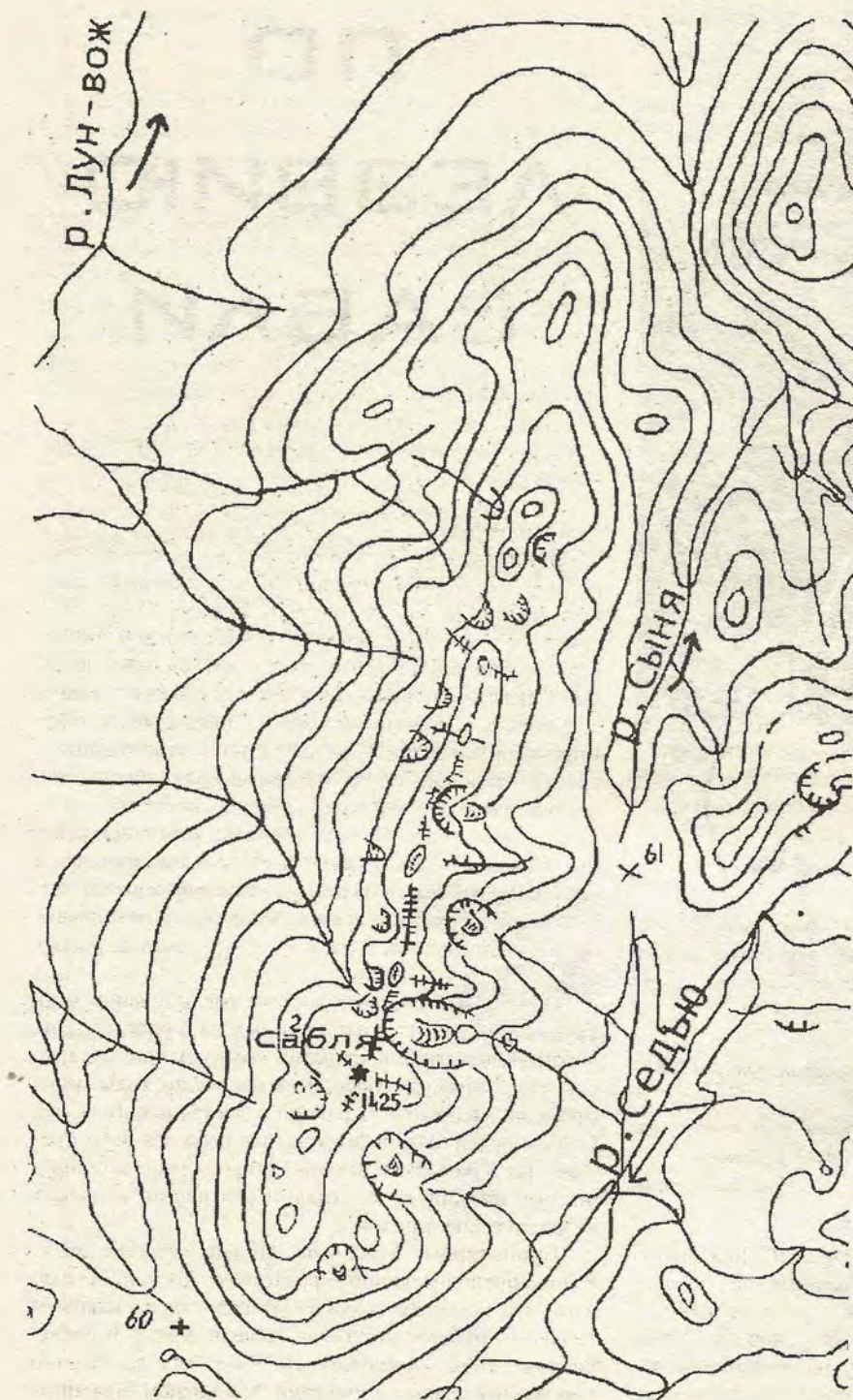
лее трудная и высокая на всем протяжении Уральского хребта.

География

Приполярный Урал находится на северо-востоке республики КОМИ. Именно здесь расположена высшая точка Уральских гор — г. Народа, 1894,5 м, а хребты веером расходятся от водораздельной линии. Саблинский хребет протянулся с юга на север на 30 км, в центральной части резко вздымается главная вершина, достигая почти 1500 м. По сравнению с памирскими высотами — немного, но зато и подножие хребта расположено на совсем небольшой высоте, перепад высот от дна долины более километра — как в «больших» горах. Хребет имеет асимметричные склоны; западный относительно доступен для подъема; а вот восточный почти на всем протяжении изрезан ледниковыми цирками с отвесными стенами, небольшими изумрудными озерами и хаосом моренных россыпей.

Под Саблей с северо-востока раскинулся ледник Гофмана, один из самых крупных на Урале. Ледник обрамлен отвесными стенами, его язык еще недавно спускался прямо в озеро, но в последние годы резко отступил. Особенность района — частая непогода, над Саблей редко бывает безоблачное небо. На всем протяжении Уральского хребта Сабля дальше всех прочих гор выдвинута на запад, и она первая встречает атлантические циклоны.

Приполярный Урал и по сей день остается достаточно труднодоступной территорией. Достаточно сказать, что наиболее высокие массивы были открыты только на рубеже 30-х годов прошлого века. В послевоенные годы Приполярный Урал был достаточно хорошо исследован туристами, в основном лыжниками. Здесь пройдено большое количество перевалов, на наиболее выдающиеся вершины проложены простейшие маршруты восхождений. Вместе с тем с аль-

Абрис местности в окрестностях горы Сабля.

пинистскими целями район практически не посещался, технически сложные восхождения можно пересчитать по пальцам. В этом плане район оставался «белым пятном».

История

Кто первым поднялся на вершину Сабля с запада, доподлинно неизвестно. Регулярные восхождения, в том числе и зимой, совершаются туристскими группами с начала 60-х годов. На восточную сторону хребта никто в те времена не покушался.

7-8 августа 1992 года пермские альпинисты прошли юго-восточную стену по центральному камину, оценив сложность в 5А-5Б. Через 8 лет, в июле 2000, Валерий Шаманов и автор этих строк совершили автономную экспедицию по следующей схеме: пешие подходы + восхождение + сплав к железной дороге по р. Сыня. Поскольку весь груз (кроме байдарки) мы несли сами около 80 км, пришлось экономить на всем, и на стене ощущалась нехватка снаряжения. В результате от прохождения центральной, наиболее трудной, части северо-восточной стены пришлось отказаться и переключиться на восточный контрфорс. 9 июля контрфорс был пройден. Но главная проблемная стена Урала оставалась неприступной.

Летом 2001 года сыктывкарцы повторили маршрут по контрфорсу. Осенью того же года сразу у двух команд — в Питере и Перми — начали вызревать планы зимнего штурма северо-восточной стены. Объединение планов позволило решить главную транспортно-финансовую проблему: вертолетную заброску под ледник Гофмана. По срокам был выбран апрель — в северных широтах еще зима, но уже длинный световой день и надежда

на более устойчивую погоду.

Слякотная и капризная питерская зима упорно мешала выезжать на загородные тренировки, но в конце концов тренируется тот, кто не уверен в своих силах! Состав команды Петербурга подбирался постепенно: изначально были только Кирилл Корабельников (руководитель всего этого безобразия) и я как идеолог-красвед. Увы, Валера Шамало в апреле ехать не мог. Потом мы склонили на свою сторону Алексея Горбатенкова и Владимира Баранова. В конце концов на интернет-призывы откликнулись екатеринбуржцы Геннадий Блинов и Сергей Кофанов. После недолгих уговоров удалось вовлечь в нашу авантюру фотографа Татьяну Парфишину, а Юлю Терпугову уговаривать и вовсе не пришлось. Компания подобралась достойная, что и говорить.

Замечательными ребятами оказались и пермяки. В состав пермской экспедиции входило 11 человек, непосредственно на стене работали трое: Вячеслав Пучнин (руководитель), Владимир Малофеев, Юрий Зайцев.

Печора, небольшой северный город, утопающий в апрельской распутице, давно привык к рюкзакам, лыжам, обветренным загорелым лицам. Можно сказать — «ворота». Приполярного Урала. Здесь находится контора национального парка «Югд-Ва», на территории которого расположен Саблинский хребет. А еще в Печоре есть аэропорт. Теоретически все выглядело просто: мы даем спонсорские деньги, в авиатроюде их таинственным образом превращают в заправленный горючим вертолет.

Однако договориться насчет вертушки оказалось не так просто.

Мутные переговоры с авиаторами крутились вокруг того, считать «землю» (то есть время прогрева двигателя) в стоимость полета, или нет. С трудом добившись компромисса, мы все равно не вылетели: затеялся досмотр наших вещей, а вещей этих было безумное количество. Вдобавок, вертолет в тот момент был занят доставкой президента республики КОМИ в охотничий домик в долине Вангер-Ю, и нам пришлось ждать.

Когда же борт, наконец, вернулся, пилоты заявили, что погода в горах нелетная, и сегодня лететь смысла нет. Моральный дух обоих команд резко пошел на убыль, в магазине закупили некоторое количество нанитка с актуальной надписью «вертолет гарантирован» и забились в местную гостиницу.

Вид на г. Сабля (фото Е. Савенко).

На следующий день все-таки погрузились и вылетели. Но и тут не обошлось без приключений: сесть с нашим грузом в запланированную точку оказалось невозможно, поэтому на дне долины Седью выкинули балласт (10 человек), и лишь тогда поднялись на морены к леднику Гофмана.

Жертвоприношение происходило в страшной спешке, вертолет не глушил винтов, и далеко не все оказались за бортом с лыжами. Им пришлось идти несколько километров до базового лагеря, утопая в снегу.

К вечеру лагерь был установлен, над палатками пермяков и нашим шатром гордо реяли те спонсорские штандарты, которые не были задействованы для других хозяйственных нужд. На заднем плане устрашающим черным обелиском вздымалась Сабля (по признанию одного из наших пермских друзей, когда он впервые увидел стену, ему захотелось запрыгнуть обратно в вертолет). Решили, что обе экспедиции будут работать из общего базового лагеря, питерская команда будет подниматься по центру стены, а пермяки — правее центра. Поскольку из всех присутствовавших на Сабле раньше бывали только я и Слава Пучнин, мы с ним постоянно отвечали на одинаковые вопросы. В основном они сводились к одному «там действительно так круто?»

Работа на стене — никакой романтики. Особенно четко это чувствуется вечером, когда после штатных радиопереговоров по схеме «мы домой — ставим воду — СК», народ валит с маршрута, как на заводе рабо-

Высунусь из палатки, погляжу в пропасть...

чие со смены. Разнообразие в эти серые будни вносит только непогода и хождение в гости, причем одно вытекает из другого. Настоящая метель началась на четвертый день, рано утром, пока все еще спали, и только дежурная связка на ощупь проливали кипятком мимо горлышка термоса, роняя по этому поводу витиеватые производные от названия вершины. Только не надо соревноваться с нами в словесных играх с топонимом «Сабля»! Поверьте, за время экспедиции были перебраны все варианты, и большую часть из них все равно не опубликовали бы на страницах журнала об альпинизме. Вообще, наука утверждает, будто основой является словечко «савлой», что в переводе с языка манси означает «остроконечный», и, в свою очередь, заимствовано от русского «сабля» — получается замкнутый круг.

Подход под стену от базового лагеря занимал около часа. Под снежным взлетом у нас была установлена палатка, и в ней хранилось снаряжение, веревки, каски, запас продуктов. Через три часа после выхода Леша Горбатенков и Сергей Кофанов ввалились в шатер с выпученными глазами.

По их словам выходило, что палатки нам больше не видать, потому что ее обязательно накроет лавиной. Во избежание полного краха они стащили вниз все самое ценное, что попало под руку. В цирке ледника видимость несколько метров, со стены и из всех окрестных кулуаров постоянно сходят лавины.

После пурги опять пришлось тащить «спасенное» барахло наверх. Палатку присыпало снегом, но никаких разрушительных последствий это не повлекло. И вновь начались будни на стене. Первые пять веревочек проходили по крутому снежному склону с выходами

скал, а затем линия нашего маршрута бескомпромиссно ушла вверх прямо в направлении вершины. Скорость продвижения получалась невысокой — в среднем около веревки в день — из-за сплошного лазания на ИТО (искусственные точки опоры). «Рельефа» в средней части стены очень мало, все трещины забиты льдом или мерзлой землей. Много нервов испортил нам налипший на нависаниях снег — видимо, бывают такие условия, когда ветер направлен вертикально вверх вдоль стены, иначе как еще объяснить снежные шапки, прилепленные снизу к карнизам? Большую опасность представляли участки разрушенных скал в средней части стены, и хотя мы старались «ничего руками не трогать», изредка камни все-таки падали. Еще одна проблема — выбор направления

движения. Издалека путь вроде очевиден, особенно в бинокль; но, находясь на маршруте, лидеру не узнать ориентиров — все воспринимается совершенно по-другому. Поэтому мы применяли тактику постоянного «ведения» по рации. Но даже это не спасало от эпизодических «зашилов»: пару раз пришлось исправлять ошибки, разбирать лишние станции и распутывать макраме из правильных и неправильных перил.

Когда число провешенных веревочек перевалило за дюжину, пришла пора «отрываться». К тому моменту на стене уже висели две платформы, — большая «питерская» на 9-ой веревке и «е-буржская» в конце 13-ой. В противовес нашему висячему дворцу платформа свердловской связки, сделанная из старых раскладушек — образец аскетизма и хладнокровия ее обитателей. К тому времени установилась прекрасная погода, совершенно удивительная для сурового приполярного края. Даже в тени температура воздуха была чуть выше нуля, ярко светило солнце, снег спрессовался в такой плотный наст, что лыжи не оставляли следа даже в лесу в долине Седью. Проталины росли и ширились на глазах. Верхняя часть стены, зимой обычно покрытая слоем инея, оттаяла, и скорость команды резко возросла. Гена Блинов обулся в сложную конструкцию из шерстяных носков, полиэтиленовых пакетов и скальных туфель, после чего лазание на ИТО практически закончилось. 18 апреля на очередном сеансе связи прикинули, что до цели примерно 5 веревочек. Большая вероятность того, что завтра команда будет на вершине. На такой же высоте находились в это время и пермяки — темпы обеих групп были примерно одинаковы.

И вот днем 19 апреля они встретились на вершине Сабли — 1497 метров над уровнем моря. Дальше пути

опять разошлись: питерская команда начала спуск по пути подъема, а пермяки предприняли спуск на запад, по простому пути на другую сторону хребта.

Надо было спешить. Во-первых, хорошая погода не могла длиться вечно. Во-вторых, обратно в «населенку» мы должны были выезжать на снегоходах, по договоренности с егерями национального парка. Выезд был назначен на 20-е — восхождение слегка затянулось. Уже с раннего утра «бураны» и их «погонщики» били копытом в нашем базовом лагере, с тревогой глядя на небо и предвещая страшные природные катаклизмы. Они как в воду глядели: во второй половине дня вершину заволокло облаками, начался мерзкий дождь со снегом. Вспомогательные группы спешно свертывали лагерь. Тем временем наши brave восходители все дюльферяли и дюльферяли. Проснулись они не рано: для празднования успеха вчера все забились в питерскую платформу, в жуткой тесноте допили коньяк, полночи раскачивая шаткую конструкцию и устраивая феерическое лазерное шоу при помощи подсевших на лобных фонарей. Утром со стены благополучно упустили рюкзак, который, к чести производителя, почти не испортился после 300-метрового полета по скалам.

Около 16 часов герои собрались в АВС. Леха Горбатенков с неизменным «Чупа-Чупсом», попыхвающий сигареткой Кирилл, обвешанные веревками Гена с Сергеем, и Вова Барапов, всегда спокойный, подобно дохлomu льву. Дождь и порывистый ветер уже набрали обороты. Кое-как стащили весь груз к «буранам» и двинулись через Аранецкий перевал на восхождение с пермяками.

Лично с моей точки зрения, в этот момент и начались самые интересные и увлекательные приключения. По сравнению со стеной, где «10 дней страшно и скучно», езда на лыжах за «бураном» — гораздо более динамичный вид спорта. Ехалось нам плохо. На предгорной равнине снег быстро напитался влагой и перестал держать машины. Дожди не прекращались. Вдобавок, из-за резкого прихода весны стали вскрываться реки, а ведь нам надо было и переезжать... Тот путь в 70 км, который еще неделю назад на разгруженных снегоходах можно было проехать за 3 часа, мы теперь смогли одолеть только за 3 дня. Из 4 «буранов» очень скоро в строю остался только один, и ему пришлось бесчисленное число раз мотаться туда-обратно, вывозя в село Приуральское сначала людей, потом груз, потом сломавшихся собратьев. Мы оккупировали спортзал сельской школы и обеспечили

Еще один вид на Саблю (фото Е. Савенко).

местному магазину годовой оборот. Такое поведение привело к желаемому результату: отыскалась машина, готовая вывезти нас к железной дороге (думаю, поселок вздохнул с облегчением).

А если серьезно, — надеюсь, читателям понятно, что все участники всех экспедиций глубоко порядочные и воспитанные люди — все время своего пребывания в спортзале мы непрерывно сушили мокрое и искали утерявшееся. Наконец, после тряской дороги и почти суточной «половой» жизни на вокзале, родной поезд Воркута — Петербург. Пермская команда тоже едет с нами, но они пересаживаются в Котласе. Пока еще все вместе, устраиваем импровизированный банкет в вагоне-ресторане, в разговорах уже возникают новые экспедиционные планы.

Заклучение о зоклучениях

Зоклучений как раз не наблюдалось, все у нас получилось. Пройдено сразу два маршрута по северо-восточной стене пика Сабля. Оба они претендуют на 6А, и оба заявлены на Чемпионат России в классе первопрохождений.

Текстовый материал статьи и часть иллюстраций перепечатаны из журнала «Риск» № 2 за 2002 г. с разрешения его редакции.

Алексей СЛЕПУХИН

К О Н Ж А К*Просторы у Конжака.*

Древние всегда считали горы живыми. Не случайно они наделяли скалы и хребты, массивы и утесы особыми свойствами и возможностями, уважали и преклонялись перед ними, селили в них странных существ, сами же их же и побаиваясь.

Про них существует много преданий, с одним из них я и хочу вас познакомить.

Жил на одной горе великан, злой и угрюмый. Любил он обходить свои владения, разбрасывать камни, выкорчевывать деревья, греть на него округу и изводить людей. Сколько раз охотники или рудознатцы, сталкиваясь с великаном, просили у леших, водяных и прочих лесных жителей помощи и заступничества. Но ничего не помогало — великан был силен и неутомим. Сколько народу сгинуло в тех краях! Но мало великану было горя людского; правилом ему похвастаться о своих подвигах. Великан любил захаживать к своим друзьям, другим великанам. Бывало, шагнет через Уральский хребет — и вот он уже в гостях.

А как начнет рассказывать о своей силе — даже друзья его удивлялись. Эти хвалебные рассказы доходили и до людей, ибо они водили дружбу с птицами и зверями. Вот и решили люди собраться «всем миром» и победить его. Стали смельчаки бросать камни, наводить побольше шума, метать стрелы и огненные шары, отчего и окрасились валуны. И так раздухарились, что продвинулись очень высоко, почти к самой вершине. Испугавшись такого напора и огня, великан зарылся в землю и окаменел. А пока ворочался, устраиваясь поудобнее, раздвинул гору.

Так и стоит она, сокрыв навсегда в своих недрах угрюмого хозяина.

Смельчаки же отпраздновали победу, прославляя своего вожака охотника Конжикова. В честь него и назвали великанию гору Конжаковым камнем.

Мне очень захотелось на Конжак. Простор, красивые горы, россыпь камней разной величины и формы, плато, покрытое мхами и цветами, с пробивающимся золотым корнем *Radiola rosea*, и синее-синее небо, какое бывает только в детстве. Ради такого «букета впечатлений» стоило идти в горы. Желание мое было так велико, что я не утерпел, нашел телефон своих студенческих друзей Игоря и Наташи, ныне уважаемых врачей, и напросился к ним в гости. Во время разговора я постоянно переводил тему на Конжаковский камень. Дело в том, что десять лет назад я уже совершал с ними восхождение, поэтому мне необходимы проверенные «товарищи по оружию».

Мои друзья ловко обходили интересующий меня вопрос, ссылаясь на занятость, финансовую нестабильность (где она у врачей?!). Уезжая, я решил, что на этом разговоре все дело и закончилось. Прошло две недели, и в моей квартире раздался звонок. Рассеяно я поднял трубку, откуда донес глухой из-за плохой связи голос Игоря, сообщивший, что все решено, команда собрана, и мы идем в поход. Вот так сюрприз! И мало того, идем со своими детьми. Положив трубку, я стал решать: брать ли с собой моего шести-

летнего сына Тимошу. Поход тяжелый, идти придется много, а он маленький городской житель, не привыкший к походным трудностям. Но потом решил — стоит его взять с собой.

Итак, мы стали собираться. Уже за две недели в центре большой комнаты («А где же еще, папа!») мы стали складывать необходимые и совсем ненужные вещи. Тимошкины друзья, живущие по соседству, откровенно завидовали нам, хором объявив об этом своим родителям. Девочка Аня в разговоре со мной задавала такой вопрос: «А где вы будете спать?». Я ответил, что у нас будут спальные мешки, не в кроватях же нам отдыхать. Немного подумав, моя собеседница вымолвила: «Но, если нельзя на кроватях, возьмите раскладушки».

День первый

Нас собралось 15 человек. Детский контингент превалировал на одну персону над умудренными опытом родителями. Ребяшки подобрались разного возраста: от шести лет (как мой Тим) до 13 (в этих годах пребывали Марьяша и ее друг Алик).

Взрослые были представлены двумя мамами и пятью папами. Мамы поставили себе в задачу наблюдение за мужьями и детьми. Это получалось у них здорово: детьми все равно руководили папы, а последними верховодили те, кому положено. Впрочем, наши девушки отличались выносливостью и терпением, чем вызывали уважение у всех.

Самое время представить всех действующих персонажей. Своих коллег — врачей Игоря и Наташу — я уже назвал, а вот славного их отпрыска, моего тезку — нет. Лешка — удивительно хитрый, сообразительный и ловкий парнишка. Ему почти девять лет. Рыженький и веснушчатый, с хитрющими не по возрасту глазами, он очень похож на лисенка. Далее знакомая мне по десятилетней давности походка пара — Володя и Лена. Вова своим видом внушает уважение. Высокий и стройный красавец, молча улыбающийся. Вытянуть из него лишнее слово сложно, тут необходимо умение, которого предостаточно у его супруги. Лена, невысокая хрупкая девушка, обладает завидной выносливостью. С нами в поход пошел их сын Сергей, примерно одного возраста с Лешей. Оба они закадычные друзья, «спевшиеся» хитрые проныры, любящие устроить маленькую заварушку.

Не меньшим уважением пользовался Фанил, мужчина средних лет, взявший на себя смелость потянуть в горы троих своих детей: семилетнего Данилку, десятилетнюю Алю и Марьяшу. Фанил по профессии учитель — и не только по профессии, но и по призванию. Я рад был знакомству с ним и его семьей. За время похода мы сблизились, сумев обсудить непростую тему отцов и детей. Нашу «разношерстную» компанию дополняли наш проводник Влад, врач-стоматолог, также наш старый знакомец, и мальчик Рома, не побоявшийся в свои 12 лет пойти с нами на Конжак. Влад уже неоднократно ходил на Конжаковский Камень, знает достаточно много, и поражал нас практическими советами бывалого походника.

Поход начался весело, по крайней мере, дети почувствовали всю прелесть отпусковой поры уже в по-

езде. Заставить их спать было непросто. То один взрослый, то другой вскакивал для усмирения разгулявшейся ватаги. В конце концов, все утихомирились к половине второго ночи. Но буквально через полчаса проснулся мой Тим... Поспать так и не удалось. Через некоторое время к нам подтянулись другие взрослые, преимущественно мамы. Как только наша сонная компания лениво застучала ложками, стали активно просыпаться остальные. К семи утра наш вагон был полон утреннего задора, хотя глаза родителей были уставшие. До сворота на гору мы добрались на автобусе, арендованном нами заранее. На отрезке последних десяти километров нас встретил неприятливый дождь, не добавивший оптимизма. В этом году даже в конце июня было холодно, реки и ручьи разлились, а на верхних склонах гор зима только передавала эстафету весне. Восхождение затянулось из-за природных условий и, отчасти, из-за нас с Тимом. Мы вдвоем не поспевали в такт вместе со всеми. Пройдя немного, сын почему-то расстроился и стал отказываться идти дальше. Возникла неловкая ситуация, и я был вынужден приложить все усилия, чтобы уговорить его. Через пару километров он привык, но к этому моменту я сам почувствовал себя утомленным, так как нес тяжелый рюкзак с ворохом вещей на двоих и помогал идти ему. Зато по остальным не чувствовалась какая-либо усталость, особенно по детишкам. Увялавшись за нашим проводником, они задавали всем довольно быстрый темп.

В середине пути Влад спутал тропинку, и мы были вынуждены пару километров прогуляться по тайге. Этот этап утомил всех: тяжело было обходить

Вот так и начинается карьера путешественника!

Нам хорошо под тентом!

многочисленные павшие деревья и сучья. Последние километры до окончательного привала мы с сыном плелись последними. Периодически нас кто-нибудь поджидал и подбадривал, в основном Игорь и Володя. Но мы все равно отстали от всех примерно на 40-50 минут. Тимоша устал, и даже частые перерывы не давали ему возможности восстановить силы. В тот день мы кое-как добрались до лагеря, заботливо обживаемого моими коллегами. Нашей компании повезло — мы наткнулись на добротный лагерь с навесом. К вечеру были возведены палатки, в которых запросились спать дети — «Так будет удобно для всех», сообщил мне мой маленький тезка. Взрослые устало расстелились у костра — у всех выдался трудный денек.

Тимоша в этот вечер засыпал долго, постоянно ворочаясь и открывая свой спальник. Зато когда сон, наконец, сморил его, он сладко уснул, потихоньку посапывая.

День второй

Утро выдалось прекрасным — не было туч и ветра. Коллектив разделился на две группы, чтобы половина могла приготовить еду и присматривать за лагерьем, а вторая часть имела возможность подняться на плато. Идти на прогулку первыми выпало Фанилу, Владу, мне и шестерым ребятишкам. Довольно скоро мы добрались до снежников, вяло тающих и неохотно уступающих место новой поросли. Лишь кое-где пробивая настил из снега и прошлогодней травы, виднелись молодые ростки. Повсюду текли ручьи, весело журча и приветствуя нас. Подъем на плато занял у нас примерно полтора часа. Ступив на него, мы сразу почувствовали мягкую подушку мохового покрытия. Идешь и пружинишь. Когда впервые шагаешь по нему, кажется, что попал в болото. Тимоша сначала ступал осторожно, а привыкнув, стал весело бегать с детворой. В этом году подо мхом скопилось много воды, не успевшей растаять и испариться из-за прохладной погоды, поэтому плато действительно представляло собой болотце. Огромное, оно в прошлом было сплошь

усеяно золотым корнем, чей тонирующий эффект может прочувствовать любой, заварив в чай даже его листья. Поверьте, эффект потрясающий. Но, к сожалению, это растение, наше уральское достояние, активно и варварски выдирают, оставляя целые пласты искаленной моховой подушки. Такие места крайне плохо зарастают, поэтому то здесь, то там видны подобные следы «охоты». Жаль, что туристы и путешественники не понимают важность сохранения этого богатства.

Солнце в дымке, но, несмотря на это, его лучи тепло обогревают нас, окрашивая лицо, уши и руки. Позади виднеются линии гор: одни интенсивно синие, другие светлоголубые. Медленно идем по плато в сторону провала. Обувь хлопает

при каждом шаге — трудно найти сухой участок, а если и найдешь, то все равно вокруг мокро. Поэтому вся наша ватага шлепает, уже не выбирая дороги. Мы с Владом пытаемся найти золотой корень — все остальные не видели его ни разу. Лишь у самой кромки плато находим его, прикрытого камешком. Демонстрируем растение ребятишкам и Фанилу. Впереди Иовский провал, названный так в честь речушки, что вытекает из него. Провал — это огромный спуск в долину, ограниченную двумя вершинами. Перепад высоты огромный. Речка внизу — в виде тонюсенькой ленточки. Но в этом году в провале снег, склоны и долина покрыта сверкающим покрывалом. Жаль, спуститься вниз нельзя. Садимся на краешке склона, обсуждая открывшуюся отсюда перспективу. Видно очень далеко. Мы с Владом рассказываем, что в прошлый раз при спуске в низину Провала мы собирали голубику на склонах. А в самом низу был снежник, нависавший над ручейком на уровне человеческого роста. Тогда у нас было развлечение: в толще снежника было отверстие, куда мы просовывали голову, ступив на камень под ним. Получалась забавная картина — снег и торчащая из него голова, а туловище не видно.

Достаем наш сухпак, делим печенье, сухари и конфеты поровну между всеми, а Влад радует нас сушеными бананами. Воду для питья из лагеря мы с собой не брали — вокруг и так вода чистая, прохладная и вкусная. Кстати, в прошлый раз, спустившись в Провал, мы отметили интересный факт: вода в ручье имела какую-то пленку. Зачерпнешь рукой, и в ладошке маленькое озерцо с белесоватой, словно слюда, поверхностью. Что это, никто из нас не знает до сих пор. Видимо, вода, протекая через горы, размывает какую-то породу. Мы идем обратно. Время движется к обеду, и нам необходимо сменить ребят в лагере.

Влад остается на плато ждать их. Спуск всегда интереснее подъема, поэтому наша компания весело передвигается по тропинке, то и дело перепрыгивая через многочисленные ручейки. Вот, наконец, и лагерь. До чего же хорошо передохнуть у костра! Ребята

приготовили для нас обед, запах от которого разносится по всему походному городку. Заготовив достаточный запас дров, мы отдыхаем, потягивая густо заваренный на костре чай. — Так незаметно пролетает время, и мы начинаем готовиться к трапезе. Вторая группа возвращается раньше, чем ожидалось, поэтому мы торопимся приготовить ужин. Первыми прибегают Сережа с Лешей, оживленно обсуждая что-то свое.

Лена с Наташей несут дикий лук — хорошую приправу к каше. Вечер пролетает весело и незаметно, правда небо затянуло и звезд не видно.

День третий.

Просыпаюсь оттого, что камень в земле (мой немой спутник по сну) неприятно врезался в бок. Лена и Наташа уже встали, кашеварят потихоньку. Небо серое, и ветер поднялся. Сегодняшний день решили посвятить бане. Для этого пытаемся выбрать подходящее место. Но ничего подобного не нашли. С десяти утра начал крапывать дождик. Палатки, чтобы не промокли, снимаем. Влад предлагает совершить еще одну прогулку, но желающих маловато — а точнее, нет. Все решили отдохнуть. Владислав решительно собирается и выступает вперед. Мелкий дождь понемногу усиливается. Не на шутку встревожившись, мы начинаем наращивать навес над лагерем. Получилось довольно неплохо, но тут ветер решил сыграть с нами злую шутку. Он загоняет дым от костра к нам под навес. Скоро вся детвора начинает чихать, от едкого запаха слезятся глаза. Пропахло все: и люди и вещи. А дождь зарядил еще сильнее. Трава, и без того мокрая, уже торчит из воды. Ручеек позади лагеря,

струившийся тонкой лентой, становится хорошей речкой. А сама Конжаковка затопливает большие валуны, на которых мы еще утром стояли и мыли посуду. Наш лагерь был устроен очень удачно: навес на вершине холмика между сосен, окруженный низиной, но даже это не спасает нас. Лужи на крыше увеличиваются в размерах за пять-десять минут. Приходится каждый раз их выливать, чтобы тент не лопнул. Костер шипит, но не гаснет — вчерашние дрова сослужили нам добрую службу.

Обед пришлось готовить в экстремальных условиях: выбегать, быстренько мешать варево и — обратно под тент. Едим, завернувшись в одеяла и спальные мешки. Дождь стал сплошным: из-за стены струй не видно противоположного берега речки. Возвращается вымокший Влад, сообщающий нам, что на плато дождь и укрыться вообще негде. Здесь лес немного спасает, но все равно неприятно. Речка бурлит на камнях и поворотах, захватывая все большую территорию. Забираемся под большой навес — это последнее спасительное место.

День проходит под непрерывным потоком воды. Владислав предлагает совершить пробежку до Последнего приюта и выяснить, можно ли там заночевать. Он уходит в сплошную стену дождя, даже его красный плащ быстро теряется из виду. Но при всей экстремальности ситуации дети веселятся: их энергию пока некуда направить, потому они бесятся. Дрова, заготовленные вчера, заканчиваются. Необходимо идти рубить еще. Вылезаем и в темноте суетимся. Через три часа возвращается Влад, выяснивший, что идти в Последний приют смысла нет. Поэтому мы готовимся к ночевке здесь, в лагере. Володя предлагает

Иовский провал.

ночью костер разместить возле пня, поджечь и его. Подкопав под ним землю вечером он укладывает туда щепки. Пень прогорит всю ночь, обогревая нас.

Ужин был снова под навесом. Поскольку сухого пространства мало, то приходится укладываться вповалку. Чтобы не разболеться, пью последние оставшиеся у меня лекарства и засыпаю, хотя сном назвать это трудно. Ночью пробуждаюсь от озноба — меня колотит, зубы отбивают какую-то мелодию, а травмированное в прошлом плечо я вообще не чувствую. Пытаюсь успокоиться и «заговорить хворь». Через некоторое время проваливаюсь в дремоту, но потом заново просыпаюсь с ощущением боли в пояснице. Встаю и ищу хоть какие-то таблетки. Удача, нашел! Медленно жую неприятную горечь, при этом стараюсь унять в теле дрожь. Прижимаю Тимошу поближе к себе, укрыв его в очередной раз спальником. Холодает. Ночь проходит под непрерывный звук падающих капель..

Утро хмурое и тяжелое. Чувствую себя неважно, но глаза моего Тима радуют. Детство — хорошее и беззаботное время. За сутки непрерывного дождя природа резко изменила свой облик, перейдя из короткого северного летнего состояния в неприятно-мокрое осеннее. Лагерь медленно просыхает, пытаюсь стряхнуть все неудобства сна. Необходимо размяться. Сегодня вечером — поезд, а в 5 часов вечера нас будет ждать автобус. Опоздать мы не можем, поэтому подъем ранний, чтобы успеть спуститься. Группа оперативно собирается, завтракает и готовится к переходу. У нас с Владом плащи, свой запасной отдаю Лене. Остальные вырезают себе накидки из пленки. Вот, наконец, лагерь свернут, упакованы вещи, и мы выступаем.

Первый марш-бросок — четыре километра. Его преодолеваем легче, чем при подъеме. Но все равно последние сотни метров Тимошка брел устало. Дождь стал реже. Передохнув, находим тропинку и спускаемся вниз по короткому пути. Второй этап миновали на удивление быстро. Ребятишки убежали вперед, утянув за собой моего сына. Он с большим удовольствием общается с девочкой Алей.

Ватага ребятишек, возглавляемая Владом, останавливается, поджидая замыкающих. Нас тут же облепляет туча комаров, от которых спасаемся мазью и аэрозолем. Дети затихли: видимо, устали. Провожу с ними небольшую игру, чтобы отвлечь их внимание и подбодрить. В игре участвуют все: и маленькие, и большие.

Трогаемся дальше, но уже через сотню метров натываемся на речку, точнее, на ее разлившееся в несколько потоков русло. Обойти не удастся. Приходится шагать прямо по воде, пока не выйдем на интересующую нас тропинку, выходящую по краю леса над речкой. Идем быстро и легко.

Тропинка, по которой мы идем, обрывается, уходя под воду. Найти сухой путь не удастся. Тогда, подхватив каждый своего малыша на руки (рюкзак, оттягивая спину, уравнивает) бредем прямо по воде, благо что глубина небольшая. «Близнецы», Сергей с Алексеем, улучив момент, пытаются пройти самостоятельно. Но их

попытки пресекаются родителями. Сергей, оказавшись на другом берегу от отца, зовет его. Володя спешит к нему, но тут вдруг Сережа делает шаг вперед — и оказывается в реке. Мокрого его переносят на другую сторону. Все опять хохочем.

Так мы бредем по воде, удаляясь от неприветливого Конжака. Остается всего лишь километр, когда я, перенося сына, оступаюсь и проваливаюсь по пояс в холодную воду. Бр-р-р. Промокший, я беспокоюсь за сохранность сына и фотокамеры, но необходимо двигаться дальше. Выбираемся на относительно сухой островок и осматриваемся. Сын в порядке, да и фотоаппарат не пострадал, так как всю воду вобрал в себя спальник, утяжелив рюкзак. Двигаемся дальше.

Вот мы уже почти вышли, но последний участок затоплен водой, не пуская нас к автотрассе. Бродим вокруг и, не найдя удобного прохода, решаем переправлять команду на спинах. Мужчины переносят сначала рюкзаки, а затем на загравки садятся остальные. Совершив по 2-3 ходки, продрогшие выбираемся на дорогу. Прыгаем и двигаемся, машем ногами, чтобы не замерзнуть. Немного согревшись, бредем к речке, чтобы развести последний в этом походе костер и обсушиться. Мои спутники довольны. Поход удался, несмотря на слякоть и трудности. Греемся у костра, сняв с себя мокрое. Ободрившись, фотографируемся напоследок. Хмурый и неприветливый Конжак, весь в дымке из кольца облаков, скрывающих его вершину, снежники на склонах и тонюсенькая пленка дождя — вот что остается в нашей памяти. Возвращение домой было приятным. Забравшись в поезд, мы в срочном порядке кормим свою неугомонную ватагу, дав каждому для профилактики по глотку красного вина. Возбужденные этим фактом, малыши начинают фантазировать. Их придуманные рассказы удивляют остальных пассажиров. Растолкав по полкам молодежь, за стол садимся и мы, взрослые. Для того чтобы не разболеться, выпиваем. Раскрасневшиеся, сидим и обсуждаем детали похода, смеемся.

Засыпаем почти мгновенно. Сны нам снятся разные, но в каждом из них есть Конжак, хмурый и неприступный.

Уральские горы.

Андрей БАЙДАКОВ

Байдаков Андрей Дмитриевич родился в 1966 году 9 сентября в городе Рига (столица Латвийской ССР тогда). С самого детства жил в Екатеринбурге, но на каникулы наведывался в Юрмалу (город - курорт на берегу Рижского залива Балтийского моря). В детстве много путешествовал, по Золотому кольцу, уральские турбазы и т. п.

С 1 по 10 класс учился в 88 школе Екатеринбурга, потом 5 лет в УПИ.

В первый серьезный поход по Гиссарскому хребту (Таджикистан) пошёл после окончания УПИ в 1988 году. С тех пор постоянно ходит в походы. Работал в частных фирмах, сейчас пишет рассказы и занимается фотографией, недавно открылась фотовыставка при Храме св. Иннокентия Московского (Ленина 11 а, 2 этаж, направо). Готовится к печати книжка.

Счастливой охоты!

— Вы знаете, Клавдия Николаевна, к нам сегодня лось приходил. Сидим мы на нашем месте, у костерка, главное, дым идет, вдруг — смотрим — стоит. Метрах в десяти всего. Постоял и ушел, тихо так, незаметно, как растворился.

— Ну, вы ему хоть хлеба-то оставили?

— Нет. Не догадались.

— Эх, вы! Он же к вам приходил сказать, что... Ох, тоже мне.

— Не догадались, елки же палки! Да, надо хлеба-то было оставить...

Никифор был, что называется, записным охотником. У него имелось два ружья: одно — ижевская двустволка 12-го калибра, а другое — помповое, «Ремингтон», пятизарядная, мощная машина. Из «Ремингтона» Никифор даже стрелял пару раз не по консервным банкам, а по настоящей дичи — по уткам, а, может быть, даже и по селезням — он никогда не вдавался в такие тонкости.

По летнему времени вдвоем со своим другом, пожилым мужиком Африканычем, Никифор каждую пару недель обязательно выезжал на охоту: на два дня — субботу и воскресенье. Ночевали, как правило, в лесу, а снаряжение брали с собой обыкновенное, туристское — палатка, спальники, котелки и топор. Так было и на тот раз. Не подстрелив ничего, как обычно, охотники расположились в классической межгорной долинке, скорее даже в небольшом ложке, у маленького, живописного ручейка. Развели костер, поставили палатку и почистили картошку, скидали ее в котелок, улеглись на коврики, открыли флакуш-

ку (первую) и начали культурно бухать.

— Только сегодня напиваться не будем, — предложил Никифор, — сколько можно.

— Да уж, — хихикнул Африканыч, — во всяком случае, не как в прошлый раз.

В прошлый раз Никифор настолько обезумел от выпитого, что стал заходить в палатку с торца, где не было входа, и в итоге залез под палатку, решив, что не может пайти вертикальную молнию (по пьянке ж никогда ничего не находится, а только всегда теряется), а нижние горизонтальные молнии не закрыты.

Ввинтившись, таким образом, под дно, Никифор стал на ощупь искать свой спальник и, разумеется, ничего не нашел.

— Где мой спальник? Спальник где мой? — несколько раз капризно повторил он.

— Здесь он, здесь, — пробурчал из глубины сна Африканыч.

— Где? Нету его. Где он? Где мой спальник?

Повторения разбудили Африканыча, он нащупал пустой спальник и набросил его прямо на шевелящегося в темноте Никифора.

— Да где он? Где... — продолжал канючить Никифор.

Решив, что над ним просто издеваются, Африканыч отвернулся к стенке и демонстративно замолчал, а потом уснул...

В этот раз охотники еще не успели открыть вторую флакушку. Никифор потянулся было за открытой банкой с паштетом и вдруг поднял глаза... Мет-

рах в десяти от костра стоял лось и смотрел прямо на него. Не думая ни о чем, Никифор схватил ружье. Лось было ломанулся через кусты, но Никифор успел выстрелить, почти не целясь. Охотники вскочили и ринулись за зверем. Следов никаких они не обнаружили — за исключением всего одного пятнышка крови, и очень маленького.

— Да! Попал-таки, молодец! — сказал Африканыч. — Жаль только, крови мало; видно, уйдет, не догнать нам его...

Охотники вернулись к костру, закурили, потом выпили еще по одной и забыли обо всем на свете...

Молодая лосиха не почувствовала сначала ничего — просто испугалась резкого движения Никифора. Зато потом, почувствовав непонятную, сильную и тянущую боль внизу живота, бежала уже не останавливаясь, в полной растерянности, не зная, что с ней такое случилось, и что теперь делать. Пересекая знакомый, чистенький ручеек с очень вкусной водой, лосиха остановилась попить и сделала несколько глотков. Боль стала совсем уже дикой. Да что же такое? Нет, видимо, пить не надо. Лосиха побежала дальше, но и дальше становилось все хуже и хуже — непрерывная боль совершенно выматывала ее. Лосиха легла. При каждой попытке изменить положение боль становилась так сильна, что терялось ощущение верха и низа... все было сплошной жуткой темнотой... а потом рвало кровью и какими-то сгустками.

Боль все усиливалась и усиливалась, но не постоянно, а только во время вдоха и во время выдоха, поэтому лосиха старалась не дышать. Но это у нее не очень получалось. Через два часа эта пытка закончилась...

Охотники вернулись в город на следующий день, в воскресенье вечером, как говорится, усталые, но довольные. Поднялись на пятый этаж, в квартиру Никифора, прошли в кухню и, не смеив даже мокрые носки, сели пить пиво.

Дочка Никифора, Леночка, маленькая, очень занудная второклассница, заглянула в кухню и спросила:

— Ну, как?

— Ничего, — авторитетно заметил Африканыч. — Ничего. Погода не та.

— Ты бы спать уж пошла, — Никифор не очень ловко себя чувствовал перед дочкой: пьяный, в мокрых носках...

— Ладно, пойду, — Леночка действительно хотела спать, — только, папка, в следующий раз подстрели мне лося.

— В следующий раз подстрелю, — спокойно пообещал Никифор.

В следующем номере: Кто открыл русское золото? Как раньше на Урале отливали ядра для пушек. Новые песни барда Льва Зюнова. Как не надо сплавляться по рекам. И многое другое...

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2003

ДА! Я хочу подписаться на «Уральский следопыт»

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу **129 руб.**
- Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу **258 руб.**
- Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу **516 руб.**

Срок купона истекает 30 июня 2003 года. Цены действительны только по России.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749

Расчетный счет ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775

наименование банка 30101810700000000775
 Корреспондентский счет №

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749

Расчетный счет ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775

наименование банка 30101810700000000775
 Корреспондентский счет №

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

Кассир

КВИТАНЦИЯ
кассир

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки «Уральского следопыта».

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 36 руб.

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот		
	260x400	17 100
Разворот в центре		
	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
½ полосы	130x200;	6 100
	260x100	
¼ полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
½ полосы	130x200;	4 200
	260x100	
¼ полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
½ полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике. Цена - 10 000.

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете: http://uralstalker.ekaterinburg.com

Доступ в Интернет
предоставлен

**Директор редакции
Фирсов Максим**

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов
Отдел художественной литературы
Петр Родимов

Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков
Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова

Дизайн 2-3 полос обложки:
Андрей Бордаков

Рисунок на 1 полосе обложки:
Юлия Меньшикова

Отдел по работе с письмами
Анна Родимова

Реклама:

ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Учредитель: Общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Наблюдательный совет:
Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

**Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.**

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы
и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. 22-36-62

Подписано к печати 2002 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная Печать
офсетная. Тираж 4500. Заказ № 967
Отпечатано в типографии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 10-2002

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

ОСТРОКОНЕЧНАЯ САБЛЯ

Маршрут вертолета, несущего нас к Сабле выбран очень удачно. Летим с юга на север вдоль западной части хребта, пересекаем его в двух-трех километрах севернее главного пика, летим на юг вдоль восточной части и приземляемся на плато примерно в пяти километрах от вершины.

Панорама великолепная. Еще на подлете к месту посадки нам удалось рассмотреть подножье хребта с озерами, ледниками и мощной моренной грядой, идущей вдоль хребта вблизи главной вершины.

Вершина Сабли действительно напоминает острый клинок, выделяющийся на фоне соседних скал. В сочетании же с другими вершинами хребта, можно сказать, что она похожа на орла с распростертыми крыльями.

Конец июня. Вокруг озер зеленеют березы и лиственницы и только что набрала цвет рябина. Поляны с неяркими приполярными цветами.

У подножья хребта - озера с берегами, покрытыми льдом, и ледниками, притаившимися у подножья вершин. Самый известный из них - ледник Гофмана, названный в честь известного ученого и путешествен-

ника Э.К.Гофмана, первым из ученых посетившим этот район в 1850 году.

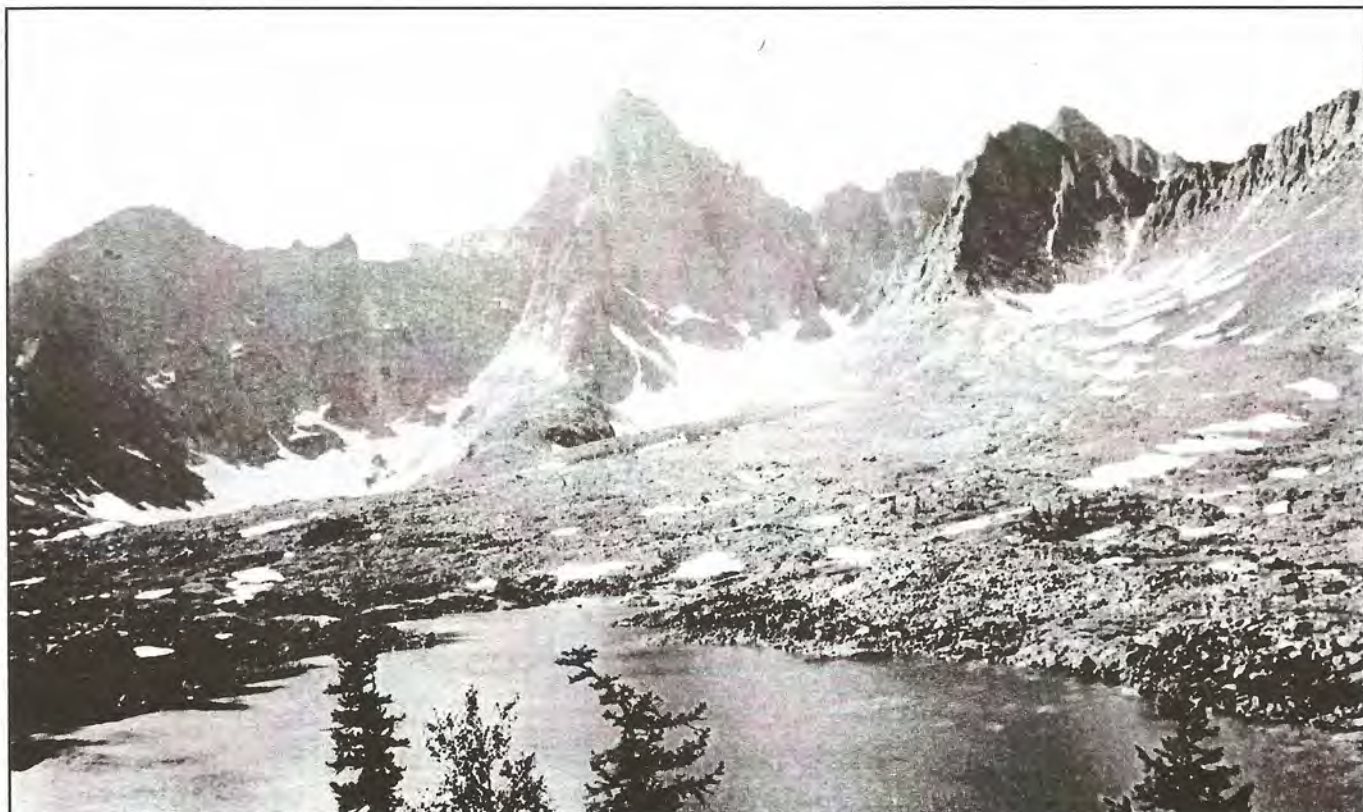
Вершина Сабли высотой 1497 м находится в южной части хребта, общая протяженность которого составляет около 40 километров. Хребет труднодоступный. С запада, со стороны железной дороги, его охраняют Аранецкие болота.

Погода, как везде на севере Урала, изменчива и непредсказуема. Три дня было яркое солнце. Казалось, что так будет всегда. Мы стоим у небольшого озера и замечаем, что начинает темнеть. Смотрим на Саблю. Через ее вершину с запада скатывается прямо на нас жуткий вал серо-синих облаков. Поднимается ветер. Собираем аппаратуру и поворачиваем к лагерю. А по спине уже барабанят ледяные капли дождя с градом. Сверкнула молния с мощным раскатом грома. Инстинктивно оглядываемся на Саблю. Последний день Помпеи, только вместо огня - вода и снег!

А через два дня - снова солнце и Приполярный Урал приветлив как и раньше.

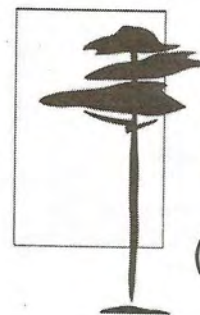
Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии «Уральская горная страна» в №3, 2001

Хочешь двигаться — ищи попутчика!

**Свердловский областной
клинический психоневрологический
госпиталь для ветеранов войн**

**УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
(3432) 22-04-81**
